

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

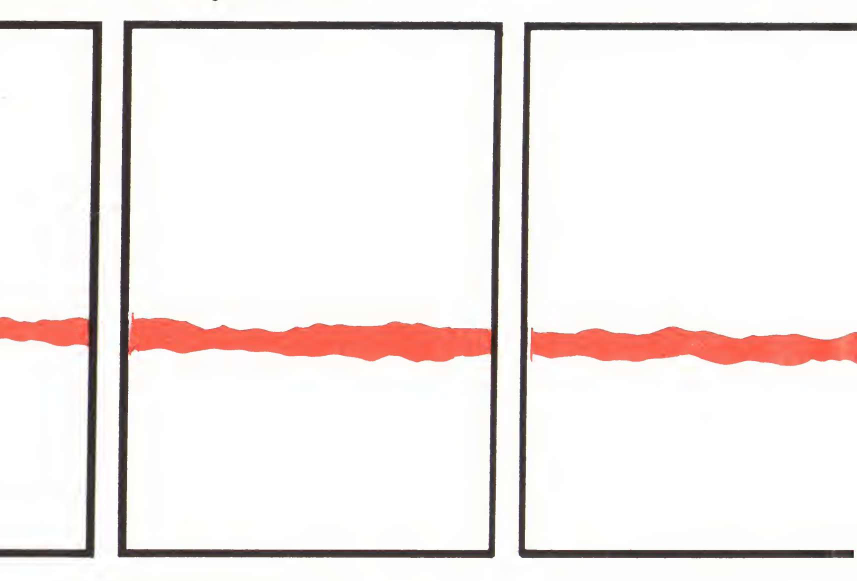
БУХАРИН Н.И., БУБНОВ А.С., ВАВИЛОВ Н.И., ВРАЧЕВ И.Я., ГАМАРНИК Я.Б., ГЛЕБОВ-АВИЛОВ Н.П., ЗИНОВЬЕВ Г.Е., ИКРАМОВ А.И., КАМЕНЕВ Л.Б., КОНДРАТЬЕВ Н.Д., КОСАРЕВ А.В., КРЕСТИНСКИЙ Н.Н.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

Москва, 1989

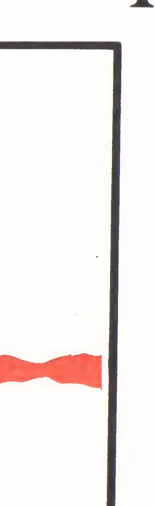
СБОРНИК ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ В 2-х КНИГАХ

КНИГА I

66 6.1(2)8
В 64

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

КНИГА I

БУХАРИН Н.И.
БУБНОВ А.С.
ВАВИЛОВ Н.И.
ВРАЧЕВ И.Я.
ГАМАРНИК Я.Б.
ГЛЕБОВ-АВИЛОВ Н.П.
ЗИНОВЬЕВ Г.Е.
ИКРАМОВ А.И.
КАМЕНЕВ Л.Б.
КОНДРАТЬЕВ Н.Д.
КОСАРЕВ А.В.
КРЕСТИНСКИЙ Н.Н.
КУЗНЕЦОВ А.А.

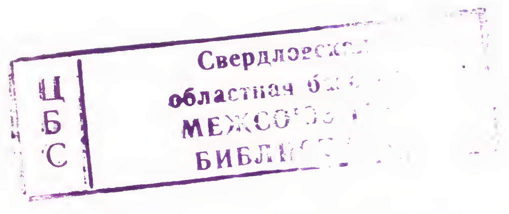
КНИГА II

МОСКВИН И.М.
МУРАЛОВ Н.И.
ОБОЛЕНСКИЙ В.В.
ПЯТНИЦКИЙ О.А.
РАКОВСКИЙ Х.Г.
РАСКОЛЬНИКОВ Ф.Ф.
РУДЗУТАК Я.Э.
РЫКОВ А.И.
РЮТИН М.Н.
СЕРЕБРЯКОВ Л.П.
СОКОЛЬНИКОВ Г.Я.
ТОМСКИЙ М.П.
ЧАЯНОВ А.В.
ШАЦКИН Л.А.

Библиоте[illegible] профкома
Свердло[illegible] завода
ОЦМ

ББК 66.61(2)8
В64

В фонд Мемориала жертвам сталинских репрессий Издательство АПН перечислило часть прибыли, полученной от данного издания, а авторский коллектив — часть гонорара.

Составитель *Александр Проскурин*
Художник *Михаил Шульман*

Возвращенные имена: Сборник публицистических
В64 статей в 2-х книгах. Книга I/[Сост. А.Проскурин]. — М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1989. — 336 с., ил.
200 000 экз.

В сборнике рассказывается о советских, государственных и партийных деятелях, военных, ученых, незаконно репрессированных в годы культа личности Сталина. Имена одних были возвращены истории раньше, после XX съезда партии, других — сравнительно недавно, уже в наши дни. Но даже и те, кто был реабилитирован давно, только сейчас обрели право на то, чтобы потомки узнали всю правду о драме их жизни.
Издание рассчитано на широкий круг читателей.

В $\frac{0503020000}{067(02)-89}$ Без объявл. **ББК 66.61(2)8+63.3(2)71**

ISBN 5-7020-0029-3-89

© Издательство Агентства печати Новости, 1989

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Пожалуй, без преувеличения можно сказать, что эта книга рождена перестройкой. Сегодня, когда общественная мысль приближается к осознанию всей правды в оценках прошлого и настоящего, когда восстанавливаются истинные представления о социализме, демократии, гласности, мы возвращаемся к именам тех, кто в 30—40-е годы был объявлен "врагами народа" и уничтожен. Два-три года назад вряд ли кто мог предположить, что подобного рода книга будет издана еще до конца 80-х. Книга, рассказывающая о безвинных жертвах сталинских репрессий — видных партийных и государственных деятелях, военачальниках, ученых, по воле власть предержащих вычеркнутых — и еще недавно, казалось, навечно! — из отечественной истории.

Люди старшего поколения, должно быть, помнят, как портреты героев этой книги заклеивались в школьных учебниках, как замалчивались их имена. Для них восстановление справедливости, правда — какой бы горькой она ни была — это то, чего ждали долгие годы. Но история без "белых пятен", без "фигур умолчания", думается, нужна прежде всего молодежи, которой правда о прошлом позволит прояснить главный вопрос: как жить сегодня и что взять с собой в завтра.

Можно по-разному относиться к тем или иным поступкам героев этой книги. Они немало сделали для ленинской партии, для победы Октябрьской революции, в гражданской войне, для восстановления молодого Советского государства, его экономики, науки, культуры. Они никогда не были вредителями, диверсантами, террористами, шпионами, они не были "врагами народа". Но, не идеализируя этих людей, отметим: сложным было время, сложными и неоднозначными были их поступки.

Трагические судьбы, затушеванные страницы истории нашей страны... Скажем прямо: горькие, трагические страницы. Но будем помнить сказанное М.С. Горбачевым: "...из беспощадного правдивого анализа, а правда — она одна, и если говорить о прошлом, она уже состоялась таковой, какой была, — мы не выходим ослабленными". И, работая над этой книгой, — подчеркнем этот

момент — мы исходили из того, что **всем нам** нужна такая история, какой она была в действительности...

Перед читателем — сборник публицистических статей, опубликованных в советской печати в 1987 — 1988 годах. Правда, многие авторы пожелали доработать свои публикации для этой книги. Среди них — писатели, журналисты, историки. Не случайно поэтому материалы довольно существенно отличаются друг от друга по манере изложения, объему. И все же условно жанр включенных в книгу статей можно определить как *штрихи к портрету* — жанр, не претендующий на всестороннее, законченное исследование той или иной личности.

В нашей книге двадцать семь героев. Могут спросить: почему не двадцать пять или двадцать девять? Ответ в общем-то прост. Во-первых, черпая материалы из советской печати, мы старались отбирать те из них, в которых использованы ранее недоступные архивные данные, в которых по-новому, в духе нашего революционного времени, оцениваются исторические факты. А во-вторых, состав данного сборника определил в известной мере продолжающийся процесс реабилитации жертв сталинского режима: нельзя было не рассказать о тех, чьи имена были возвращены из небытия в самое последнее время.

И еще об одном. Восстановление справедливости по отношению к жертвам сталинских беззаконий — и об этом говорилось на XIX партийной конференции — наш политический и нравственный долг. Формы исполнения его, наверное, могут быть разные. Прежде всего это, конечно, предстоящее сооружение Мемориала жертвам сталинских репрессий. Своим долгом перед их памятью мы считаем и издание этой книги.

* * *

Издательство АПН выражает благодарность сотрудникам Центрального государственного архива Октябрьской революции, Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР, Центрального музея В.И. Ленина, Центрального музея Революции СССР, Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института истории партии МГК и МК КПСС, Центрального государственного исторического архива г.Москвы, а также родным и близким героев книги за большую помощь в подготовке этого издания.

Н.И. БУХАРИН
(1888 — 1938)

”НА ЗАБРОШЕННЫХ ГРОБНИЦАХ...”

Владимир АМЛИНСКИЙ

Сначала — из "Чтеца-декламатора" моего детства.

Опять я склонился к зеленой сосне.
Вдруг серые волки подкрались ко мне:
Раскрыли клыкастые пасти —
Вот-вот растерзают на части!
Не мог шелохнуться от ужаса я...
Мамочка, мама, голубка моя!

Но Сталин узнал, что в лесу я стою,
Разведал, услышал про гибель мою
И танк высылает за мною,
И мчусь я дорогой лесною.
....

Мамочка, мама, голубка моя!
Настежь открылись ворота Кремля,
Кто-то выходит из этих ворот,
Кто-то меня осторожно берет,
И подымает, как папа меня,
И обнимает, как папа меня.
И сразу мне весело стало!
...А кто это был?
Угадала?

Да, мы сегодня угадали, узнали избавителя. Мы кричали самозабвенно, как только дети могут, действительно забыв обо всем на свете, объединенные порывом веры и восторга, единичного и всеобщего поклонения, какой-то особой, словно бы возвышающей нас зависимости и преданности... Да, эта зависимость и преданность в те годы, казалось, не унижала, а, наоборот, приподнимала, вела куда-то вверх, в небесную высь, и ломкими голосами мы снова и снова восклицали: "Да здравствует...!!!"

(Автор этих стихов, "Колыбельной", известный

детский поэт Лев Квитко, был уничтожен в начале 50-х годов.)

Для одних отрезвление пришло рано, в конце 20-х годов, для других приходило трагически и беспощадно в 30-х и 40-х, для поколения, к которому принадлежу я, после знаменитого доклада на XX съезде в 1956 году, когда мы были студентами... Для поколения. Но для меня, пожалуй, несколько раньше. На то были свои семейные причины. И о них я еще скажу. Для других отрезвление пришло еще позже. Для иных — никогда.

Мое поколение помнит фильм "Падение Берлина", где его играл Геловани, там он выходил из самолета к народам, как Бог, благословляющий и карающий, такой близкий и узнаваемый, такой всемогущий и далекий.

Менялись времена, многое проступало, обозначалось, но не было сказано до конца. А он шагал из ленты в ленту все эти годы, десятилетия, иногда чуть более суровый, даже жестковатый, немножко даже жестокий (критика "культа личности" и т.д.), но все же почти не ошибающийся, со своей негаснущей трубкой, мудро вопрошающий, сурово приказывающий. Таким был его образ все эти годы, даже после XX съезда. Таким видели его в 70-е, 80-е и, забыв о многом, встречали аплодисментами часто как память о своей юности, нередко из протеста к тому, что происходило в повседневности...

Таким и остался он на кино- и телеэкране, только теряя природные свои черты, становясь все более рослым (когда-то его играл Геловани, потом Дикий, потом Закариадзе). В последней ленте Озерова о битве за Москву совсем уже непохожий на него актер с непохожим на его реальным акцентом, с резкими движениями, непохожими на те, которые сохранили для нас скупые кадры кинохроники.

Спасибо вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе...

Да, в детстве моем его хриплый голос с неизжитым, несмотря на долгую жизнь в Москве, акцентом тихо, но внятно звучал сквозь шорохи эфира. Он величественно шутил: "Будет и на нашей улице праздник", — и про-

стые, ясные, шутливые эти слова любимой им пословицы звучали как откровение.

Я изменил свое отношение к нему еще до 56-го, когда узнал о судьбе своего деда. Это был первый толчок, первый удар, первая трещина в очеловеченно-гранитном памятнике. Потом посадили трех моих товарищей по литкружку в Доме пионеров. Борису было восемнадцать, Владику — девятнадцать, Сусанне — семнадцать.

Мы, их друзья, написали ему письмо о чудовищной несправедливости. Но нам сказали их родители: "Не надо. Уже были письма, а ответа пока нет. Уже несколько раз писали ему. Ждем, что Сталин разберется".

Шел пятьдесят первый год. Разобрались в пятьдесят втором. Бориса и Владика расстреляли, Сусанне дали 25 лет (был тогда такой срок).

В материалах следствия фигурировал и мой разговор с Сусанной о Бухарине. Бухарин интересовал меня и тогда, каким-то чудом осталась его брошюра, подаренная деду. Мне повезло, возраст спас, шестнадцати еще не было, хотя и четырнадцатилетних брали, но судьба миновала...

Борис и Владик казались взрослыми, о многом думали, о многом говорили, об истории давней и недавней, говорили не совсем так, как это было принято, обсуждали судьбы людей, чьи портреты в книгах и учебниках были замараны. Вот в чем их вина. Очень любили литературу. Накануне тех зловещих дней они подарили мне на день рождения сборник вовсе тогда не модного Афанасия Фета.

Когда пришли за Сусанной, она сказала: "А как же, у меня завтра контрольная! Ведь скоро выпускные экзамены".

Они были молодые люди, в сущности, еще дети. Но для тех, кто фабриковал их дело, они не имели возраста, не имели родителей, не имели судьбы, не имели будущего, было только "продуманное преступное" прошлое, а в настоящем — ожидание конца и невозможность защитить себя, что-то объяснить. Никогда это не уходило из моей памяти. Даже для тех суровых времен приговор, вынесенный студенту-первокурснику Московского désинститута, студенту 2-го курса мединститута в Рязани, десятикласснице и их товарищам, "агентам трех ино-

странных разведок", поражал своей абсурдной жестокостью... Но он был вынесен и приведен в исполнение.

Сусанна, пройдя через одиночки Лефортово, оказалась в лагере в Потьме. Первая весточка от нее кружным путем пришла ко мне в 53-м году, через несколько месяцев после смерти Сталина. В 55-м ее освободили, амнистировав, но не реабилитировав.

В 56-м, в институте, затаив дыхание, мы слушали текст доклада Хрущева... Рядом со мной сидел Боря Андроникашвили, сын расстрелянного писателя Бориса Пильняка.

...Прошло чуть более десяти лет. Тема была исчерпана и закрыта, все сказано. Все точки проставлены. У человека, олицетворившего культ, были и недостатки, и неприятные стороны, но... В целом он был велик... В целом... Счет с прошлым был закрыт.

Но он существовал и множился, мешая настоящему, офальшивливая будущее, потому что недосказанная правда, полуправда становится уродливым соединением, компромиссом с ложью, более ханжеским, а потому более оскорбительным, чем сама ложь.

После публикации моей повести "Оправдан будет каждый час..." (повесть об отце и его времени) я получил очень много писем от потомков тех людей, чья жизнь, как принято у нас говорить, оборвалась в 37-м году (иногда раньше, иногда позже). Авторы этих писем, сыновья и дочери ученых, общественных деятелей, прошли через детприемники, через ссылку. На всей их юности да и на части взрослой жизни стояло клеймо — сын или дочь врага народа.

Он сказал: "Дети за отцов не отвечают". Фраза благородная и оттого особенно страшная своим нечеловеческим лицемерием, своим цинизмом.

Он был мастером фраз. "Нам при жизни памятников не надо". Таков был смысл его сентенции по поводу пьесы "Батум" Булгакова. Это когда вся страна уже была в памятниках... "Кадры решают все", — говорил он, истребляя ленинскую гвардию, кадры инженеров и художников, военных и хозяйственников.

Главная его черта — бережное отношение к кадрам, забота о детях, о каждом человеке в нашей многонациональной стране.

Иногда он говорил о себе в третьем лице: "Я хотел

бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на товарища Сталина. Можете рассчитывать на то, что товарищ Сталин сумеет выполнить свой долг перед народом". Это из его выступления в Большом театре на собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы накануне выборов.

И еще он сказал под гром оваций: "Никогда в мире еще не бывало таких действительно свободных демократических выборов, никогда. История не знает другого такого примера".

А был год тридцать седьмой.

В его начале свершился февральско-мартовский Пленум ЦК, решивший судьбу Бухарина, Рыкова и еще многих, многих людей, имевших прямое отношение к так называемому "правотроцкистскому блоку", косвенное, в подавляющем большинстве — никакое.

На каждом предвыборном выступлении каждого из руководителей — кандидатов в депутаты — были грозные, пугающие, карательные ноты (с известной степенью дифференциации).

На торжественном в честь двадцатилетия Октября заседании все в том же Большом театре В.М.Молотов говорил о Бухарине, Рыкове и других: "Банда разведчиков, убийц и вредителей, с которыми надо поступать так, как поступают со злейшими врагами народа. Всей этой дряни, сколько бы ни нанимали ее на службу иностранные разведки, мы, конечно, прижмем хвост... В этом мы видим одно из условий, от которых зависит спокойная работа и успех нашего соревнования с капитализмом на главных фронтах... В нашей стране создалось **невиданное раньше внутреннее моральное и политическое единство народа.** Моральное и политическое единство социалистического общества". И он добавлял: "Морально-политическое единство народа в нашей стране имеет и свое живое воплощение... Это имя — символ морального и политического единства советского народа. Вы знаете, что это имя Сталин".

Живое воплощение было тут же, в президиуме, невозмутимое, как Будда.

В эту пору "невиданного ранее морального и политического единства" брали людей ежедневно, еженощно. Ежовский конвейер работал. Очищали Москву, другие города от "реставраторов капитализма" — старых дея-

телей революционного движения, беспартийных интеллигентов, рабочих — словом, охват был широк и всеобъемлющ.

Беспартийный кузнец-стахановец Горьковского автозавода Мокеев выдвигал в депутаты наркома внутренних дел, члена Политбюро Н.И.Ежова: ”Всех революционных подвигов тов.Ежова невозможно перечислить. Самый замечательный подвиг Николая Ивановича — это разгром японо-немецких троцкистско-бухаринских шпионов, диверсантов, убийц, которые хотели потопить в крови советский народ... Их настиг меч революции, верный страж диктатуры рабочего класса НКВД, руководимый тов.Ежовым. Мы все как один в день выборов 12 декабря вместе со своими семьями пойдем к избирательным урнам и будем голосовать за тов.Ежова!”

Моего деда взяли за шесть дней до выборов — 6 декабря тридцать седьмого. Дед Василий Анисимович Анисимов в начале века был депутатом II Государственной думы от Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Он был делегатом V (Лондонского) съезда РСДРП... В 1907 году восемь депутатов Думы были приговорены к каторге с последующей пожизненной ссылкой. Каторжный срок дед отбывал в Петропавловке, в Петербургской пересыльной тюрьме, затем в Александровском централе Иркутской губернии. Отсюда 8 мая 1910 года он написал письмо в Париж Ленину, с которым встречался в пору своей деятельности в Думе: ”...Не хочется отставать от жизни, обидно выходить в тираж. Хотелось бы годы тюрьмы превратить в годы учения, проделать ту теоретическую работу, которую не успели выполнить раньше. Хотелось бы выйти с лучшей подготовкой, с твердым мировоззрением... Нужно руководство, нужны книги... Если бы Вы время от времени писали нам об этом, для нас было бы большим благом”.

Я писал о жизни, судьбе деда, о его конце. В романе ”Нескучный сад” главку о деде сняли в последний момент. А в редких исторических публикациях о нем была двусмысленная, уклончиво-намекающая формулировка: ”Жизнь оборвалась в тридцать девятом году”. В одной из статей было написано вполне спокойно и умиротворенно: ”Умер в тридцать девятом”.

След исчезал, оборванный как бы капканом, у одних в тридцать седьмом, у других раньше, у третьих позже.

Жизнь оборвалась, и все тут. Все они в конце концов обрываются.

Как он погиб, когда точно — я не знаю. И не узнаю уже, наверное, никогда. В справке о реабилитации, выданной матери, указан "1939 год". Срок приговора, вынесенный ему, — десять лет (без права переписки). Читай: расстрел.

На фотографии, выполненной в ссылке, его лицо с черными точками зрачков. Мне объясняли, что тогда не умели снимать глаз и ставили точку вместо зрачка. Но фотография прекрасная, твердая пластинка. Высоколобое лицо с широкими скулами, внимательно глядят глаза из-под пенсне с некоторым удивлением то ли перед таинством аппарата, то ли перед жизнью. Жизнь же Василия Анисимовича в относительном начале, в трудном, но понятном своем течении. Сейчас он в ссылке после ареста, после Петропавловки и Александровского централа. Здесь, в ссылке, относительная свобода после угрюмых, как бы чугунных одиночек. Здесь он встретится со своей будущей женой, изгнанной из Томского мединститута за революционные настроения и участие в маевке. В Усолье под Иркутском у него родится дочь. Он еще совсем не стар, почти молод, а сколько позади — и церковное училище, и институт...

Впереди неведомое, но ожидаемое, то, к чему готовился с юности, то, что для него свято, — преобразование жизни, преобразование страны, трудный поиск социальной справедливости, объединенности людей, а позади и горькие, и славные дни... Встречали его в Саратове, в Новокузнецке как духовного наставника, как народного вожака, воистину как защитника униженных и оскорбленных. Его несли на руках, а потом полицейские осведомители слали рапорты в III отделение: "Старик" выступил там-то" ("Старик" — его партийная кличка), "Старик" встретился с тем-то". "Старик" родился в семье сельского священника, а семья была очень одаренная. Его брат стал крупным филологом, автором известного учебника русского языка и грамматики. Он взял другую фамилию: П.А.Афанасьев.

Вокруг "Старика" объединялись не только крестьяне, рабочие, студенты, но и священники, очень разные люди, поверившие в освобождение, в революцию.

И он готов был к будущим испытаниям и страда-

ниям, хотя нельзя сказать, что все принимал без сомнений. Были у него и сомнения, и метания, особенно когда революция, о которой он мечтал, предстала более грозной, жестокой, опустошительной, чем ему виделось, чем он мог себе представить... Замыслы — одно, жизнь — другое. Некоторые товарищи пугали его не столько делами, сколько непререкаемой фразой, железной нетерпимостью, карающим пафосом. Впрочем, слова становились делами.

В революцию он был членом ВЦИКа, товарищем председателя Петроградского Совета. После революции еще один всплеск государственной и политической деятельности — участие в правительстве ДВР, он министр промышленности, борется против автономии, означающей поглощение буферной ДВР Японией. Он отлично понимает, что будущее Дальнего Востока и Сибири кровно, неразрывно связано с революционной Россией.

В тридцатые годы он отходит от политической деятельности. Теперь у него иные, более конкретные дела, более практические задачи.

Он возглавляет трест "Дальлес" — (весь лес Дальнего Востока и Сибири), руководит "Экспортлесом", работает зам.начальника экономического управления ВСНХ, читает лекции в Лесотехническом институте. Много душевных сил, внимания отдаст Обществу политкаторжан и ссыльнопоселенцев, уникальному объединению революционных деятелей России самых разных направлений... Там было много ярких, споривших друг с другом честных людей, преданных Отечеству...

В эти годы он и встречался с Н.И.Бухариным.

В 37—38-м Общество было уничтожено.

Дед строил кооперативный Дом политкаторжан в Москве, в Машковом переулке, где я родился... Недолго суждено было прожить здесь и моему деду.

В декабре 37-го черный воронок, уже узнавший дорогу к этому дому, прилетел и за ним.

Мать рассказывала мне об этом впоследствии. Та декабрьская ночь стала первым кошмаром, трагическим и непонятным уроком в ее жизни. Опечатывали комнату, в которой стояла маленькая кроватка — я тогда болел. "Ребенка убрать!" — приказали они. Во время обыска с любопытством пришедшие смотрели на книги моего

отца-биолога, особенно на одну — "Об уродствах". На обложке были изображены два сросшихся человечка.

— Бывает и такое? — спросил один из них.

Мать молчала и смотрела на то, как они роются в книгах, и думала: "Неужели и такое бывает?.."

А в это время двое чекистов сопровождали деда в уборную.

— Я не убегу. Некуда да и незачем, — сказал он.

— Так положено, гражданин... Бывает, что и бегают, что и вешаются на галстуках.

Это был новый круг, новый виток жизни, новый и после Петропавловки и Александровского централа.

Он ушел достойно, как и подобает мужественному человеку, немолодому и многое уже повидавшему. Достоинство — это единственное, что мог он пока сохранить. Все остальное — жена, дочь, внук, работа, свобода да и жизнь (как он догадывался) — отнималось навсегда.

Ушла машина привычным маршрутом, улетел черный ночной ворон.

А назавтра в доме некоторые его товарищи говорили: "Может быть, у Василия что-то все-таки было? Не может быть, чтобы просто так". Другие твердо, как бы даже с ожесточением отвечали: "Ничего не было".

А ночью приезжали за теми, следующей — за другими.

Через год тем же крутым маршрутом пошла и бабушка.

Пустел Дом политкаторжан, заселялся новыми людьми, а те, кто еще жил здесь, просыпались по ночам от звяканья лифтов и ждали ночного звонка.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Уже был написан "Вертер", как сказано у поэта, уже снимался фильм "Великий гражданин" (в нем изображалась зиновьевско-бухаринская банда, физически устраняющая партийного руководителя, великого гражданина — читай: Кирова), а сам великий гражданин был застрелен по указанию са́мого великого гражданина. Уже написана была статья "Реставраторы капитализма и их защитники", уже взяты были ближайшие сподвижники Серго — Гвахария, директор Макеевского завода, и дру-

ЦБС
Свердловская областная ...
МЕЖСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА
Библиотека профкома Свердловского завода
ОПА

гие. Уже ”брали” в Наркомпросе у Крупской. Уже кончался год тридцать седьмой, юбилейный, двадцатый. Уже предопределена была судьба Бухарина.

В застенках погибали люди семнадцатого года. Но ошибется тот, кто скажет, что касалось это только партийных работников, людей, связанных с революцией. Нет, затронуло всех — врачей, интеллигентов, крестьян, атеистов, духовных лиц, руководителей промышленности, дипломатов и бывших нэпманов. Тотальное уничтожение кадров Красной Армии напоминало сокрушительную агрессию врага.

Огнь пожирающий.

”Все люди спят, все звери спят, одни дьяки людей казнят”. Это написал молодой Дмитрий Кедрин.

Велик был огнь пожирающий, но и велика страна. Другую он пожрал бы, а у этой были огромные резервы — и физические, и нравственные. Сильна была идея, и слова, брошенные Александром Косаревым своим следователям, были правдивы: ”Вы не Косарева губите, революцию губите”.

Предстоит еще огромная работа — разобраться во всем, ничего не укрывая, не утаивая, в том, как это было, ибо последствия имели огромную силу, силу мощнейшего бумеранга, на долгие пространства лет брошенного вперед. Террор родил страх.

А страх приумножил то, что и мы сегодня пожинаем: неверие и недоверие, лицемерие и пассивность, трусость, желание и способность много раз менять свое мнение и свой взгляд, откровенное и скрытое приспособленчество, тупая нетерпимость и бессмысленный экстремизм. Все это оттуда, ибо инфекция, до конца не определенная, не изученная, не излеченная, все еще очень живуча и постоянно гниет в организме общества.

Трех наркомов, трех главных организаторов репрессий, ”революционных подвигов”, как сказал рабочий Мокеев, постигла одна и та же судьба. Нет, их жизнь не оборвалась, не было такой туманной формулировки. Все было сказано ясно и четко. Первым был расстрелян Ягода, через два года — Ежов, карлик на толстых подошвах, ”любимый сталинский нарком”, чья фамилия в определенные годы шла впереди других членов Политбюро. Есть фотография, где он с собачьей преданностью смотрит на Хозяина.

Но преданность понадобилась ненадолго, или, точнее, ему отказали в праве на преданность. Он отработал свое, и с ним сделали то, что он делал с другими.

Затем на долгие годы его сменил Берия, человек в пенсне. Это имя стало символом жестокости, подлости, соединенной с чудовищной личной распущенностью, не стесненной даже показным пуританизмом предыдущих наркомов.

...Но людей уничтожали не только в тюрьмах и лагерях. Была еще и другая форма уничтожения, та глубокая психологическая и нравственная деформация, дух которой не изжит и сейчас.

Павлик Морозов, ставший героем; образ пионера-доносчика, которым воспитывали не одно поколение, — это не символ стойкости, классовой сознательности, а символ узаконенного и романтизированного предательства... Оно распространялось и ширилось. Трудящиеся в письмах и на митингах в 30-е, 40-е и позже единодушно клеймили всех и вся, левый зиновьевско-каменевский блок, блок правых уклонистов, инженеров-"вредителей", вейсманистов-морганистов, Зощенко и Ахматову, абстракционистов и т.д.

Уродовалось, ожесточалось человеческое сознание. Абстрактный, неклассовый гуманизм объявлялся чужеродным, вредным, мелкобуржуазным.

Не было добра и зла. Были классовое добро и классовое зло. И они могли меняться местами как угодно.

Были профессионалы, мастера обличений, сталинские марксисты типа академика Митина, были активисты-изобличители из народа типа Лидии Тимашук, разоблачившей "врачей-убийц" в 1953 году.

В обличение вовлекались люди талантливые, и в иных ситуациях проявлявшие себя честно и храбро. К социальному психозу, к мании единогласного обличения примешивался страх за свою жизнь. Инквизиторские методы навязывались и тем, кто вовсе чужд был инквизиторской психологии.

Вот отрывок из статьи, написанной в дни процесса над Бухариным, Рыковым, над так называемыми право-троцкистскими уклонистами. Она называлась "Убийца с претензиями" и посвящена персонально Николаю Ивановичу Бухарину: "Другие убивали, вредительствовали, шпионили — он, следует понимать, по характеру натуры,

по складу ума только мыслил, теоретизировал, "изучал" проблематику руководства. Но к прозаическим, грязным и кровавым делам прямого касательства не имел... Этакий гнусненький христосик в стане грешников. Этакая валдайская девственница в право-троцкистском публичном доме... Но кроме террора идеологического, кроме разговоров, измен, статеек и лозунгов, были террор и шпионаж вполне материальные. И к ним идеолог Бухарин имел прямое, конкретное отношение... Этот бандит ничем не лучше Шаранговича и Икрамова... Именно этого подсудимому Бухарину не хочется признавать. Но придется".

Автор статьи — блестящий, талантливый человек, классик советской журналистики, не боявшийся пуль и бомб в Испании, написавший мужественный "Испанский дневник", Михаил Кольцов...

В этой статье ярости и издевки, пожалуй, больше, чем полагалось для заказной обличительной заметки даже тех лет.

"Убийцу с претензиями", Николая Ивановича Бухарина, Кольцов наверняка знал и ценил. Это была статья об обреченном.

Но и автор тоже обречен. Вскоре арестуют и уничтожат его.

Надо знать о том, что было, ничего не упрощая, не спрямляя.

Ибо то, что не узнано, узнáется, не договорено — скажется, только скажется по-другому, уже не желанием узнать эту самую историю в самых трагических ее поворотах, понять причины многих наших сегодняшних проблем и бед, а равнодушием, душевной пустотой, свободной от всего. Как мы теперь отлично понимаем, равнодушие и непонимание прошлого не ограждают людей от конфликтов, а делают конфликты более болезненными, ведут к непониманию настоящего, к апатии и незаинтересованности в будущем.

Очищение общества — это в том числе и мужественный отказ от двусмысленности, от вялой недоговоренности, уклонения от ответа на все вопросы. Очищение — это жизнь. Замалчивание — это неуверенность, болезненность, слабость.

Та работа, которая предшествовала XX съезду и про-

должалась после него, была остановлена как бы на полпути.

И вот результат. Культ личности, осужденный и заклейменный, вновь возродился в семидесятые годы. Возродился не в таких грозных, не в таких трагических, а часто даже в комических формах. Тем не менее он разлагал людей, мешал им работать, приучал к ханжеству, двоемыслию как форме существования. На фоне руководителя, невесившего на грудь все золотые медали, которые только были, получившего высшую литературную премию, на фоне новоявленного маршала, новоявленного вершителя судеб Второй мировой, как это утверждалось в произведениях документальных, художественных, в свою очередь, увенчанных высшими премиями, Старый Генералиссимус кое-кому показался истинным аскетом, ”человеком в шинели”, спавшим на походной койке, воплощением сурового, но справедливого порядка.

Портретики его на автомашинах были не только хвалой, одобрением и воспоминанием, но и вызовом.

Вызов не был понят. Новоявленный маршал со всеми регалиями воспринимался с какой-то еле скрываемой иронией при всех внешних почестях. Мы это хорошо помним и знаем. Почести стали обязательным, привычным ритуалом.

А появление на экране Генералиссимуса стало сопровождаться все более нарастающими аплодисментами. Тот, о злодеяниях которого еще недавно начали говорить открыто, вновь прочно утвердился в прежнем своем качестве. В книгах и на экране — мудрым, суровым хозяином, чьи прегрешения и ошибки ничтожны перед его заслугами. Забыли многие тысячи жизней, забыли старую истину, заключающуюся в том, что когда нацию насильственно лишают ее лучших людей — ученых, военачальников, инженеров, то теряется цвет нации, и дух ее вызывает опасение. Эту мысль высказал один из французских энциклопедистов. Он оперировал цифрой сто. Сколько погибло их у нас...

Наша страна, нация, государство, потеряв от рук своих же столько невосполнимых жизней, все же сохранила способность к очищению, обновлению. Сегодняшний этап нашей жизни — этому свидетельство. Обретя утерянное прошлое, мы обретем утерянную веру. Но об-

новление — это осмысление прошлого до конца, изживание его в себе (я говорю не о славном — о страшном).

И сегодня трудно понять, как уживаются в наших энциклопедиях самого недавнего времени признание политической и государственной деятельности Вышинского и осуждение с пресловутыми формулировками Н.И.Бухарина (или полное отсутствие его: в Энциклопедическом

Фото из личного дела студента юридического факультета МГУ Н.Бухарина. 1907 г.

Из материалов московской полиции по делу Н.И. Бухарина

словаре 1986 года есть только электросварщик, передовик производства Н.И.Бухарин).

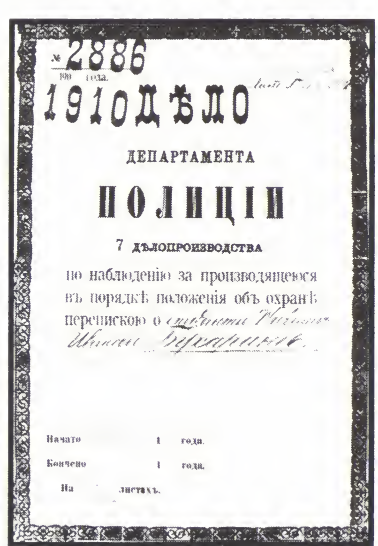
В билетах госэкзамена по истории партии имя Бухарина возникает с прежними тяжкими формулировками.

С тех пор, как писались эти строки, кое-что, конечно, изменилось, но о многом еще не сказана простая и внятная правда. Касается она не только Бухарина.

Не по учебникам мы знаем о "деяниях"главного обвинителя на трех процессах Андрея Януарьевича Вышинского. Мы знаем об этом по кровным судьбам не только отцов, но и детей, вычеркнутых из жизни за "преступления отцов".

Демагогические, немыслимые по лживости и лицемерию обвинения с напором, с пафосом, с циническим неверием выдвигал интеллигентный по виду Вышинский.

Нет, не видным юристом, не министром, международным деятелем останется он в памяти народной, а лжеобвинителем, профессионалом клеветы, лишившим людей права на защиту. Их защита в глазах Сталина, Вышинского, Ягоды, Ежова, Берии могла состоять лишь в самооговоре и оговоре других. Но было много и тех, кто не предал себя, не пошел на самооговор. Их не "выводили"

№ 2886
190 года.
1910 ДѢЛО
ДЕПАРТАМЕНТА
ПОЛИЦІИ
7 дѣлопроизводства
по наблюденію за производящеюся въ порядкѣ положенія объ охранѣ перепиской о

Начато 1 года.
Кончено 1 года.
На листахъ.

на открытый процесс.

Прах Вышинского почетно покоится в Кремлевской стене.

Николай Иванович не заслужил даже последнего пристанища.

Только сейчас имя его стало появляться, все чаще возникать из небытия.

Недавно отмечался юбилей "Известий". Имя Бухарина неотрывно связано с этой газетой, главным редактором которой он был уже на излете своей политической карьеры.

16 января 1937 года в последний раз появилось имя Бухарина в "Известиях" как имя главного редактора.

Многое можно было бы сказать о Н.И.Бухарине. Но я пишу не исследование и не монографию, поэтому скажу то, что кажется мне наиболее важным.

Теперь широко известны слова Ленина из его завещания: "Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)".

Да, нечто схоластическое. Но при этом все-таки крупнейший теоретик партии.

А вот что говорил о нем Сталин: "Я знаю ошибки некоторых товарищей, например, в октябре 1917 года, в сравнении с которыми ошибка тов.Бухарина не стоит даже внимания... (...) И все же партия забыла об этих ошибках, как только эти товарищи признали свои ошибки. Но тов.Бухарин допустил в сравнении с этими товарищами незначительную ошибку. И он не нарушил ни одного постановления ЦК. Чем объяснить, что несмотря на это все еще продолжается разнузданная травля тов.Бухарина? Чего, собственно, хотят от Бухарина?.. Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови, так и знайте".

А 2 марта 1938 года "Правда" сообщала: "Перед военной коллегией Верховного суда СССР сегодня предстанет заговорщическая группа под названием "право-троцкистский блок". Далее в передовой "Троцкистско-бухаринским бандитам нет пощады" говорилось: "Советский народ проклянет навеки этих извергов, навеки заклеймит их отвратительные деяния. Они пролили кровь кристально чистого борца за коммунизм, пламенного народного трибуна С.М.Кирова... Это они злодейски оборвали жизнь гения нашего народа А.М.Горького... Они организовали злодейское убийство непоколебимых большевиков В.В.Куйбышева и В.Р.Менжинского... За все это злодеи должны держать ответ. Если враг не сдается, его уничтожают, сказал величайший гуманист нашей эпохи А.М.Горький, павший жертвой подлых заговорщиков".

Через несколько дней Генеральный прокурор А.Я.Вышинский допрашивал Бухарина.

Вышинский: Вы в Австрии жили?

Бухарин: Жил.

Вышинский: Долго?

Бухарин: 1912—1913 годы.

Вышинский: У вас связи с австрийской разведкой не было?

Бухарин: Не было.

Вышинский: В Америке жили?

Бухарин: Да.

Вышинский: Долго?

Бухарин: Месяцев семь.

Вышинский: В Америке с полицией связаны не были?

Бухарин: Никак абсолютно.

Вышинский: Из Америки в Россию вы ехали через...

Бухарин: Через Японию.

Вышинский: За эту неделю вас не завербовали?

Бухарин: Если вам угодно задавать такие вопросы...

Вышинский: Я имею право на основании Уголовного процессуального кодекса задавать такие вопросы.

Председательствующий Ульрих: Прокурор тем более имеет право задавать такой вопрос, потому что Вы, Бухарин, обвиняетесь в попытке убийства руководителей партии еще в 1918 году, в том, что Вы еще в 1918 году подняли руку на жизнь В.И.Ленина.

Но остановимся на этом. Прервем этот трагический, фарсовый допрос, столь типичный для Вышинского. Скажем о Бухарине.

Имя Николая Ивановича Бухарина, одного из ближайших сподвижников Ленина, главного редактора "Правды", одного из виднейших теоретиков революции, возглавлявшего Коминтерн с 1926 по 1929 год, члена Политбюро до 1929 года, действительного члена Академии наук, до самых недавних времен произносилось со знаком отрицания. Впрочем, с 29-го года — да и раньше — и по 37-й (при его жизни) о Бухарине было сказано немало злой лжи... В конце 30-х, в 40-е, словом, до XX съезда партии с яростным отрицанием произносилось его имя как имя злейшего врага страны и партии.

Бухарин был уничтожен, разоблачен, вычеркнут из отечественной истории. Кое-какие сочувственные упоминания о нем появились после XX съезда. С теплотой, уважением писал о годах совместной борьбы, товарищества И.Эренбург в своих воспоминаниях.

В некоторых произведениях возникал "очеловеченный" Бухарин, "очеловеченный", но все же если не враг,

то противник, мешающий поступательному движению вперед.

В шестидесятые годы, после XX съезда партии, некоторые исследователи и историки обратились к личности и теоретическому наследию Бухарина. Но двусмысленность по отношению к нему тех людей, кто имел право на решающие оценки роли личностей в истории, приостановила эти исследования.

Сейчас, когда сняты некоторые исторические табу на правду, пора сказать о Бухарине то, что он заслужил. Надо, чтобы о нем узнали не как о "лидере правого уклона", "оппозиционере", "неустойчивом человеке", "мягком воске", о теоретике, "находившемся под рабским влиянием Богданова" (теория исторического материализма Бухарина), "об экономисте, преувеличивавшем организационный момент переходного периода", о недооценке им генерального плана партии и о других его грехах, заблуждениях, ошибках подлинных и мнимых.

Надо, чтобы о нем узнали как о борце революции, одном из видных организаторов партии, о "ценнейшем и крупнейшем теоретике партии" (оценка при обычной ленинской сдержанности, даже и при оговорках вслед за этим весьма высокая).

Восстановление имени Бухарина, не только в публикациях, но и в истории государства, обращение к его многостороннему политическому, экономическому, литературному наследию — это долг не только исторической, но и нравственной справедливости.

Исполнив его, можно будет понять и заблуждение Бухарина. Они, как и многие другие ошибки его современников и сподвижников, станут предметом объективного исторического исследования. Но ошибки эти, реальные и мнимые, возведенные в степень преступления, сопутствовали его имени слишком долгие годы. Он шел иногда на компромиссы, в определенный период давал Сталину использовать свое имя и авторитет. Он разделял многие политические заблуждения своего времени.

Он и был сыном своего времени.

Но сегодня хочется сказать не об ошибках, а о лучшем в нем.

И тогда станет ясным, что он сыграл серьезную роль в теории переходного периода, что он один из первых, вслед за Лениным понял опасность колоссального адми-

нистративного аппарата, что еще в 20-е годы он утверждал, что рыночные отношения и при социализме в некоторых областях экономики более продуктивны, чем вмешательство государства, что коллективизация, в которой происходит "раскулачивание" и уничтожение середняка, таит в себе многие будущие беды нашего развития...

Бухарин не принадлежит архивам. Некоторые его мысли и соображения говорят об удивительной прозорливости, и трагично, что к ним не прислушались...

Вот как он писал о революционной законности: "Революционная законность должна заменить собою все остатки административного произвола, хотя бы даже и революционного...", "Крестьянин должен иметь перед собой советский порядок, советское право, советский закон, а не советский произвол, умеряемый "бюро жалоб", неизвестно где обретающимся". Положение в деревне очерчивалось для него все определеннее, как опасное, может быть, даже трагическое. Притеснение середняка, который выдавался за кулака, подвергался гонениям, — он неоднократно писал об этом: "...Создается положение, при котором крестьянин боится поставить себе железную крышу, потому что опасается, что его объявят кулаком; если он покупает машину, то так, чтобы коммунисты этого не увидели. Высшая техника становится конспиративной".

То, что в последнее время особенно волновало Ленина — возможность бюрократизации партии, отрыв ее от массы, — было и для Бухарина предметом тревожных размышлений. "Для всей нашей партии и для всей страны одной из главных возможностей действительного перерождения являются остатки произвола для каких-нибудь привилегированных коммунистических групп. Когда для группы коммунистов закон не писан, когда коммунист может свою тещу, бабушку, дядюшку и т.д. тащить и "устраивать", когда никто не может его арестовать, преследовать, если он совершил какие-нибудь преступления, когда он разными каналами может еще уйти от революционной законности, это есть одно из крупнейших оснований для возможности нашего перерождения".

Кажется, что это сказано сегодня.

Его отношение ко многим чертам сталинского правления постепенно менялось. Тесная объединенность со

Сталиным, казавшаяся ему необходимой в политической борьбе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, постепенно распадалась, сменяясь все нараставшим внутренним сопротивлением к выявляющейся достаточно быстро и определенно, непривычной для многих старых партийцев тенденции сталинского правления, отметающей всех, кто хочет спорить, у кого есть иная точка зрения; жесткий,

лишенный сантиментов и не щепетильный путь к единовластию.

Возможно, что недооценка генеральной линии объяснялась и неприятием той беспощадности, с которой Сталин проводил ее в жизнь, даже в тех нередких случаях, где эта беспощадность вовсе не требовалась, где она подменяла принципиальность и последовательность.

В пятую годовщину со дня смерти Ильича Бухарин опубликовал статью "Политическое завещание Ленина" (доклад на траурном заседании).

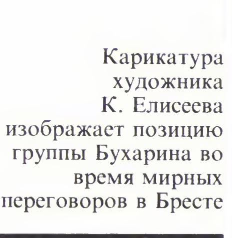
Сам заголовок был в то время неожидан и взрывоопасен. О политическом завещании Ленина не было принято говорить вслух...

На нем, известном дословно лишь сравнительно узкому партийному кругу, лежал как бы негласный запрет, ибо именно это завещание все еще оставалось моральной

помехой на пути к полному диктату не только над поступками и словами, но и над мыслями. Сам Сталин высказался в 1927 году по этому поводу со всей определенностью: "Что касается опубликования "завещания", то съезд решил его не опубликовывать, так как оно было адресовано на имя съезда и не было предназначено для печати"... Здесь надо отдать должное сталинским каче-

Н.И. Бухарин (первый справа в верхнем ряду) с группой ссыльных в г. Онега Архангельской губернии. 1911 г.

Карикатура художника К. Елисеева изображает позицию группы Бухарина во время мирных переговоров в Бресте

ствам главаря, вожака, его простой, коварной, все подавляющей логике: "Ясно, что разговоры о том, что партия прячет эти документы, являются гнусной клеветой". (С той поры "эти документы" при жизни Сталина так и не были опубликованы.)

Вскользь добавив, что собирался уйти в отставку с поста генсека, с чем партия решительно не согласилась, он заявил, по-своему перефразировав Ленина: "Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю". (Это был образчик сталинской гласности.)

Все же, несмотря на все эти повороты, было ясно, что сквозь гром оваций, нарастающий хор восторгов ленинские слова не забыты и не заглохли и все еще саднят генсеку горло.

В своем докладе, осмысливающем содержание пяти последних ленинских статей, Бухарин видит именно их политическим завещанием уходящего из жизни вождя. В заглавии была некая метафора конкретного завещания Ленина, где рассматривались организационные, политические и духовные качества его соратников, потенциально возможных руководителей партии после него. Ленинской оценки Сталина и других Бухарин, естественно, не касался. Слова о целесообразности переместить Сталина с поста генсека звучали бы прямым вызовом, на который Бухарин тогда не мог и не хотел идти.

Но Бухарину было важно обострить внимание не на личностных оценках, важнее для него, с детских лет уверовавшего, что не личность делает историю, были последние раздумья Ленина о будущем революции, страны, последние раздумья, в которых угадывались и предварительные итоги. Однако само изложение ленинских взглядов, комментируемое автором, звучало вовсе не юбилейным, пусть даже траурным панегириком, не славословием по поводу. Кое-где в тексте ощущался скрытый укор, который мог почувствовать любой опытный глаз, укор практике сталинского руководства, все чаще и свободнее уходящего от тактики ленинизма, а еще больше и дальше — от его этики.

Ленин звал к мирной, организационной работе, к внимательному, разумному отношению к интересам крестьян, к расширению рыночных отношений, к борьбе с новым усиливающимся бюрократизмом. Ленин предостерегал от раскола с крестьянством, который означал бы гибель революции.

Основываясь на ленинских соображениях и замечаниях, Бухарин выступал в поддержку политики нэпа, о котором Сталин сказал: "...А когда он перестанет служить делу социализма, мы его отбросим к черту. Ленин говорил, что НЭП введен всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что НЭП введен навсегда".

За несколько дней до годовщины смерти Ленина Бухарин напечатал в "Правде" другую статью — "Ленин и задачи науки в социалистическом строительстве" (1929 г.). В ней говорилось о безответственности, формализме в составлении планов, основанных не на объективной статистике, а на приспособлении к этим, иногда недостаточно проверенным планам, на бюрократической

канцелярской переписке, субъективизме в оценках и перспективах, политической самоуверенности, комчванстве... Неслыханная концентрация средств производства, финансов, транспорта может увеличить любую ошибку в гигантских размерах, обнаружить непоправимые провалы и просчеты.

Примечательна фраза Бухарина, как бы являющаяся ключом к его публицистике 29-го года: ”Совесть не отменяется, как некоторые думают, в политике”.

Не следует идеализировать никого из политических деятелей. И, конечно, у Бухарина были ошибки, просчеты, заблуждения. ”Зарвался в левоглупизм до чертиков” — характерный для рассерженного Ленина оборот. Ленин не раз критиковал Бухарина, как, впрочем, и многих других своих соратников. Он остро реагировал на ошибочную бухаринскую позицию в Брестском конфликте... Все это было, было.

Но последние годы своей жизни Ленин питал особое доверие и даже теплоту к Бухарину. Бухарин чаще других во время болезни бывал у него. В трагический день 21 января он плакал, не сдерживаясь. Читаем его глубоко личное признание из автобиографии: ”Я имел счастье близко стоять к нему вообще, как к товарищу и человеку”. О Бухарине нельзя было сказать словами Тихонова: ”Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей”. Он был из другого материала...

В своей речи о правом уклоне в ВКП(б) в апреле 1929 года Сталин сказал: ”Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма”.

Сталин говорил о буржуазной интеллигенции, но и новую интеллигенцию он не особенно-то жаловал. В ”развивающемся социализме” он отвел ей сомнительное место ”прослойки”. Его дальнейшее доверие к людям типа Лысенко, воинственным антиинтеллигентам, к мелким научным авантюристам типа Бошьяна, Лепешинской, его подозрительность и недоверие к ученым со своим мнением, с ощущением неколебимого профессионализма и нравственной силы, не гнущейся ни под каким давлением и напором, оказались гибельными для таких людей, как Чаянов, Флоренский...

Бухарин был интеллигентом, в этом было его не-

счастье. Он не вписывался в новую руководящую обойму.

Москвич из учительской семьи, к пяти годам он научился читать и писать. Его отец, как и отец Ленина, был математиком. Но сын Ивана Гавриловича — Николай рано определил свои интересы как гуманитарий, как любитель естественных наук (его коллекция бабочек уже в зрелые годы удостоилась похвалы Павлова); известен также его маленький зоосад на даче и даже в кремлевской квартире, вызывавший скрытое раздражение вождя, поглощенного идеей создания зарешеченных вольеров совсем другого назначения и масштаба... В них найдется место и для буржуазной, и для антибуржуазной "прослойки", так же как для представителей рабочего класса и трудового крестьянства.

Ко времени вступления в партию семнадцатилетний Бухарин знал иностранные языки, был разносторонне начитан. В 1907 году со своим другом (еще по гимназии) Ильей Эренбургом он принимал участие в стачке обойщиков. В этом же году он поступил на юридический факультет Московского университета. В 1910 году был отправлен в свою первую ссылку.

В 1907 году он стал организатором съезда социал-демократических и студенческих организаций. Отметим постоянную связь Бухарина с молодежным движением. В 20-е годы он был "прикрепленным от ЦК партии к комсомолу". На комсомольском съезде он говорил о борьбе с бюрократизмом, алкоголизмом, о работе среди неформальных, несоюзных объединений молодежи...

Но вернемся к концу двадцатых годов, к концу деятельности Н.И.Бухарина как одного из лидеров партии. Обстановка в деревне была тяжелой. Увеличивалась нехватка зерна, сокращались посевы. В 1929 году была введена карточная система. Однако Сталин планировал создание крупных колхозов. Процент коллективизированных дворов все вырастал. Первые колхозы, слабые, малопродуктивные, составляли малую долю от миллионов крестьянских дворов, но в них Сталин видел победный прообраз массовой коллективизации...

Сомнения Бухарина и его единомышленников уже не просто раздражали Сталина, они мешали ему. "Бухарин убегает от чрезвычайных мер, как черт от ладана", — заметил Сталин.

Бухарин же видел в сталинской политике черты военно-феодальной эксплуатации крестьянства.

...Не прошло и пяти лет со дня смерти Ленина. Временный союз Сталина и Бухарина, их противоречивое единодушие по многим вопросам было кратковременным. В конце 1928 года конфликт обострился после того, как близкие к Бухарину деятели Института красной профессуры Слепков, Астров, Марецкий (брат актрисы Веры Марецкой), Зайцев и другие были изгнаны из партийной печати. Бухарин еще оставался главным редактором "Правды", но кампания против него велась активно, его называли "капитулянтом", "противником колхозов", "врагом индустриализации". Шло наступление на "вотчины" Бухарина, Рыкова, Томского. На Пленуме ЦК в ноябре 1928-го доклад о промышленности делал Рыков и вызвал резко отрицательную реакцию большинства участников Пленума.

Осторожность, "либеральничанье" в подходе к темпам индустриализации, капиталовложениям в нее вызывали сопротивление людей, не только подпевающих Сталину, но и глубоко убежденных, что надо любой ценой и как можно скорее создавать промышленно развитую индустриальную базу, с тем чтобы догнать и перегнать передовые страны Европы. Орджоникидзе, Киров, Куйбышев выступали против позиций Бухарина, Рыкова, Томского. "Не дано нам историей тише идти", — говорил Куйбышев.

У них была своя правота, они были уверены в своей правоте. Они не знали, что через несколько лет понятие политической правоты, трезвости исчезнет, подмененное единственным критерием личной преданности вождю.

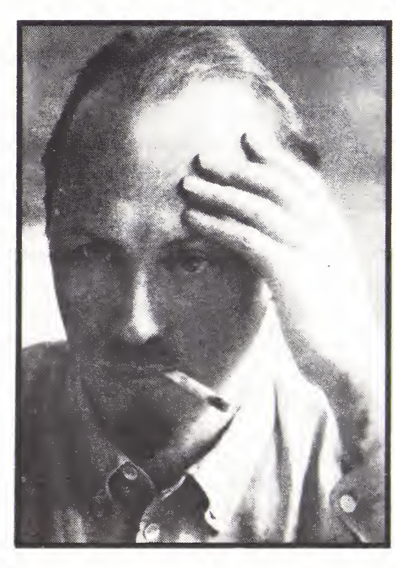
Орджоникидзе, резкий, вспыльчивый (известно, что Ленин остро критиковал его за рукоприкладство), не был, конечно, "рождественским дядюшкой", но и не был интриганом и палачом.

Орджоникидзе спорил с Бухариным, критиковал — без мысли убрать его из политической жизни, из жизни вообще. Старый партийный товарищ Сталина, Орджоникидзе в конце 20-х годов не мог предвидеть ни судьбу Бухарина, ни тем более свою.

В докладе "Политическое завещание Ленина" Бухарин защищал нэп, его экономические, политические принципы, еще недавно поддерживаемые и самим Стали-

ным. Вскоре эти позиции были определены как ревизия важнейших принципов ленинизма, как ложное стремление показать Ленина "крестьянским философом".

Еще в том же, 1929 году Бухарин, обращаясь к руководству партии, писал: "Серьезные больные вопросы не обсуждаются. Вся страна мучается над вопросом хлеба и снабжения, а конференции пролетарской господствую-

Н.И. Бухарин

С комсомольцами. 1926 г.

щей партии молчат. Вся страна чувствует, что с крестьянством неладно. А конференции пролетарской партии, нашей партии, молчат. Вся страна видит и чувствует перемены в международном положении. А конференции пролетарской партии молчат. Зато град резолюций об уклонах (в одних и тех же словах). Зато миллионы слухов и слушков о правых — Рыкове, Томском, Бухарине и т.д. Это маленькая политика, а не политика, которая в эпоху трудностей говорит рабочему классу правду о положении, ставит ставку на массу, слышит и чувствует нужды массы, ведет свое дело, слившись с массами".

На апрельском Пленуме ЦК 1929 года Сталин выступил с резкой критикой правого уклона. Удар шел не только по сегодняшнему Бухарину, лидеру правых уклонистов, которые своей линией хотят "предать рабочий класс", но и по прошлому Бухарина. В разделе "Бухарин

как теоретик" подчеркивались многолетней давности бухаринские споры с Лениным по вопросу о государстве... Проскользнул и весьма опасный намек: дескать, еще в 1918 году, в дни знаменитой дискуссии по поводу мирного договора, Бухарин тайно вступил в сговор с левыми эсерами, чтобы арестовать Ленина.

Партийная критика подменялась клеветническими

зловещими обвинениями.

Бухарин выступил с речью, где отрицал свое противоборство генеральной линии и объяснял свое понимание ее. Он полемизировал с проводимыми под лозунгом обострения классовой борьбы чрезвычайными мерами по отношению к крестьянству.

Апрельский Пленум освободил Бухарина от должности главного редактора "Правды", обвинил его, Рыкова и Томского во фракционной деятельности. Однако в составе ЦК были еще старые партийцы, не желавшие политического уничтожения Бухарина, Рыкова, Томского. Все трое не были выведены из состава Политбюро ЦК.

Но нападки в адрес Бухарина продолжались и усиливались. "Правда", редактором которой он еще недавно был, в августе 1929-го назвала его "лидером и вдохновителем уклонистов". Будучи членом Политбюро, он зани-

мал теперь пост всего лишь заведующего научно-техническим отделом ВСНХ.

7 ноября 1929 года Сталин объявил о ”великом переломе”, то есть о начале сплошной коллективизации.

На ноябрьском Пленуме ЦК Бухарин был выведен из Политбюро.

Молотов призывал к тому, чтобы коллективизация во многих районах страны завершилась в немыслимые сроки — к лету тридцатого года.

Пленум закончился поражением Бухарина. Но суровый приговор его фракционной деятельности еще не был тем последним приговором, это все-таки была партийная критика, а не обрекающие на гибель казенно-безжалостные формулировки.

В 1929 году, когда по Бухарину пришелся главный удар, в руководстве партии были люди, не согласные со Сталиным, но уже ощутившие в его тихом голосе, в его размеренной, замедленной речи, словно в морской раковине, приглушенный рев океана.

В этом реве угадывались все будущие овации, восторженный шум собраний, не вникающих в подробности внутрипартийной борьбы, знающих только, что он, Сталин, прав всегда и во всем, и потому все, что бы он ни сказал, надо немедленно принять не только как символ веры, но и как призыв к действию. Под восторженные крики ”Ура!”, под бурное, неостановимое ”Да здравствует!” все, что бы он ни сказал сегодня о партийных уклонах, об экономических проблемах социализма, о знамени буржуазно-демократических свобод, выброшенных за борт, об историческом и диалектическом материализме, о биологии и языкознании, о сказке Горького ”Девушка и смерть”, о физкультуре и спорте — обо всем и навсегда.

И сам этот внятный, преодолевающий акцент голос звучал спокойно, с непреклонной силой, способный, казалось, разрушить любое сопротивление. В его публичных выступлениях не часто можно было услышать жестокие ноты, и миллионам он вовсе не казался жаждущим постоянного, неотвратимого наказания за несовершенные преступления.

Для людей, для масс в нем было обаяние, в его манере приводить пословицы, четко перечислять все по пунктам, в его выступлениях была простая и ясная логика, во

всяком случае, слова звучали всегда весомо, даже если за ними ничего не стояло.

Он приветливо улыбался и обнимал юную Мамлакат, девочку-стахановку, установившую мировой рекорд по сбору хлопка.

И всюду, от Москвы до самых до окраин, во всех яслях и детских садах, в школах, пионерлагерях, в детприемниках — всюду и везде дети всей страны кричали: "Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!" Да, он был суров, но справедлив. Суровая справедливость — вот что было главное в нем.

Он осуществлял свою суровую справедливость чужими руками. А когда эти "руки" отрабатывали свое, он их отсекал. Вспомним судьбы всех главных сотрудников НКВД, органов Прокуратуры.

А со своими потенциальными противниками, оппонентами он был терпим, снисходителен до поры до времени как с заблудшими детьми и защищал их, как мог, от других кровожадных взрослых: "Чего, собственно, хотят от Бухарина? Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови, так и знайте".

Кадры, как известно, решают все, и поэтому, как всегда, заботясь о кадрах, товарищ Сталин охранял Бухарина и других от тех, кто жаждал их крови.

XVI съезд ВКП(б) вошел в историю партии, по определению Сталина, как "съезд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации".

Более 10 миллионов крестьянских семей были коллективизированы к марту 1930 года. Чистка "правых", сочувствующих кулачеству, усиливала на местах давление и притеснение середняков и даже бедняков. Сожженные избы, теплушки, везущие раскулаченных, опухшие от голода дети... Известны случаи, когда изнуренные, потерявшие всякую надежду люди целыми семьями кончали с собой... Угарный газ в избах спасал от медленной голодной смерти.

Вот след сплошной сталинской коллективизации. Даже он сам был вынужден констатировать перегибы, злоупотребления в своей знаменитой статье "Головокружение от успехов". Всю вину он возложил на местное руко-

водство. Это был знак временной передышки. Однако она была недолгой, и сопротивление крестьянства стало затихать лишь в условиях голода 1932 — 1933 годов.

Создавшееся положение настораживало, тревожило Кирова, Орджоникидзе, Куйбышева. Воздавая обязательную публичную хвалу вождю, они пытались в конкретных ситуациях умиротворить его, ограничить ре-

прессии. Они призывали к большему реализму во второй пятилетке. Орджоникидзе взял под защиту кадры старой технической интеллигенции, которую истребляли во время процессов беспартийных "вредителей". Тема этой беспощадной борьбы со "спецами из бывших", инженерами-"убийцами" прозвучит в известном фильме "Встречный".

Старая большевистская гвардия, поддерживавшая Сталина, теперь начинала ему мешать. Уже на XVII съезде Киров получил три голоса против, Сталин — в реальности — гораздо больше, несмотря на бурные овации, крики "ура" и прочее.

На это Сталин и его ближайшие соратники с помощью "карающего меча НКВД" ответили арестом 1108 из 1966 делегатов XVII съезда, "съезда победителей". Из

139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранного XVII съездом, 110 были уничтожены.

Но перед этим было короткое время оттепели, относительного спокойствия.

Оно кончилось 1 декабря 1934 года убийством Кирова.

Скорбный Сталин, шедший за гробом, очевидно, хорошо знал, кем и почему, как был уничтожен его близкий соратник, "любимейший сын большевистской партии, бесстрашный борец за счастье трудящихся".

Н.И. Бухарин
и М.И. Ульянова
за работой в редакции
газеты "Правда".
1927 г.

Выступление
на конференции
инженеров и техников
Москвы и области.
1933 г.

Именем Кирова были названы города, проспекты, библиотеки, корабли, театры, стадионы.

Именем Кирова началось массовое уничтожение большевиков и беспартийных, тысяч и тысяч ни в чем не повинных людей.

Убийство Кирова было увертюрой 1937 года.

Кратковременная передышка была у Бухарина.

Сдержанно раскаявшись в 1930 году, Бухарин три года работал в ВСНХ, затем в Наркомтяжпроме. В 1931 году возглавлял советскую делегацию на Международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне (в составе делегации был Н.И.Вавилов, с которым у Бухарина были добрые, дружественные отношения). На XVII

съезде партии, в 1934 году, он был переведен из членов ЦК в кандидаты. Но его назначили затем главным редактором "Известий". В августе 1934 года он был одним из трех докладчиков на I учредительном съезде Союза советских писателей. Он входил в комиссию по составлению новой Советской Конституции. Считают, что он был ее главным реальным автором.

Возможно, он вкладывал в некоторые ее статьи совершенно иное содержание, чем председатель этой комиссии и творец первой Советской Конституции товарищ Сталин.

28 февраля 1937 года "Правда" поместила статью "О политической поэзии". Эта статья была запоздалым ответом на бухаринский доклад о поэзии на I съезде Союза писателей. Запоздалым, но весьма опасным не для самого Бухарина (его судьба к тому времени была уже предрешена), а для тех, кого он похвалил на съезде, в особенности же для тех, кто проявил знаки симпатии к нему в ту пору, когда никаких знаков уже давать было не положено.

Небольшая статья эта примечательна. Вот несколько цитат из нее: "На состоявшемся недавно в редакции газеты "Правда" совещании поэтов говорилось, что враждебные нашей партии, враждебные социализму люди стремились оторвать поэзию от актуальных вопросов социалистической действительности. Почин здесь принадлежит Бухарину, превозносившему в своем пресловутом докладе поэтов, чуждых советской действительности, и объявившему революционный подход устаревшим. Обращаясь к древности, Бухарин вытащил очень подходящее для его политических взглядов учение о "двойном, тайном смысле" поэтической речи... В этом тезисе Н.Бухарина лишь слегка замаскирована проповедь двурушничества в поэзии". (Автору статьи и его заказчикам претило не древнее, не чужестранное, а пушкинское, русское понятие "тайной свободы".)

Безымянный автор статьи обличает поэтических двурушников: "Недаром тот же Сельвинский заявляет, что для советского читателя:

Все старое приятно и понятно.
Все новое обидно и темно.

Когда читаешь эти строки "первоклассного мастера советской поэзии" (бухаринское определение, данное Сельвинскому. — **В.А.**), невольно задаешь себе вопрос: кто их написал — советский поэт или человек, чуждый советскому строю?"

Еще определенней и страшнее сказано о Павле Васильеве: "Теперь, когда выяснилось, что Васильев вполне определенный злодей и враг народа... "Соляной бунт" Васильева настоящая кулацкая поэма"... "А стихи Пастернака, в которых так много "тайного смысла" и нарочитого тумана, объявлялись "истинной поэзией". Впрочем, сквозь густой туман и юродство в стихах Пастернака иногда проглядывают совершенно ясные политические выпады, например:

Нашу родину буря сожгла.
Узнаешь ли гнездо свое, птенчик?"

Вот отрывок из стенограммы процесса 38-го года над Бухариным. Допрашивается также и Рыков. (Из этого отрывка будет ясно, почему такое недовольство вызывало поведение Бухарина на процессе, вспомните статью "Убийца с претензиями".)

Вышинский: Скажите, белорусская национал-троцкистская организация, являющаяся частью вашего правотроцкистского блока, руководимая обвиняемым Шаранговичем, вела шпионскую работу?

Рыков: Да.
Вышинский: Были связаны с польской разведкой?
Рыков: Да.
Вышинский: Вы знали об этом?
Рыков: Знал.
Вышинский: А Бухарин не знал?
Рыков: По-моему, знал и Бухарин.
Вышинский: Итак, обвиняемый Бухарин, об этом говорит не Шарангович, а ваш дружок Рыков.
Бухарин: Но тем не менее я не знал.
Вышинский: Вы теперь понимаете, почему я спрашиваю вас относительно Австрии?
Бухарин: Связь с австрийской полицией заключалась в том, что я сидел в крепости в Австрии. Я сидел в

шведской тюрьме, дважды сидел в российской тюрьме, в германской тюрьме...

Вышинский: То, что вы сидели в тюрьме, не служит свидетельством того, что вы не могли быть шпиком.

В эти дни появились стихи "акына XX века" Джамбула. Они назывались "Уничтожить!":

Фашистских ублюдков, убийц и бандитов —
Скорей эту черную сволочь казнить
И чумные трупы, как падаль, зарыть!

"Казнить!" — требовали ночные смены заводов Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Горького и других. Бухарина обвиняли в борьбе против Республиканской Испании, в поддержке франкизма. Самого сурового наказания предателей требовали поэт-академик П.Г.Тычина, академики А.А.Богомолец, А.В.Палладин и другие.

В такой атмосфере проходил процесс.

Бухарину еще не было пятидесяти. На последней его фотографии — скрытая, непередаваемая тоска. И все-таки он позволяет себе сопротивляться. Он признает фантастические вещи, такие, как расчленение СССР, может быть, потому и признает, что фантастические. Но конкретные обвинения он упорно отводит. И в этом он, мягкий, интеллигентный, удивлявший своей чувствительностью, все-таки сильнее многих.

Речь государственного обвинителя, Прокурора Союза ССР А.Я.Вышинского поразительна по своей аргументации: "Нет слов, чтобы обрисовать чудовищность совершенных подсудимыми преступлений. Да и нужны ли, спрашиваю, еще какие-нибудь слова? Нет, товарищи судьи, слова не нужны". Вот и все.

Как известно, Вышинский назвал Бухарина "проклятой помесью лисы и свиньи".

Американский исследователь С. Коэн приводит в своей книге о Бухарине репортаж с этого процесса американского журналиста Харольда Денни: "Один Бухарин, который, произнося свое последнее слово, совершенно очевидно знал, что обречен на смерть, проявил мужество, гордость, почти что дерзость. Из пятидесяти четырех человек, представших перед судом на трех последних

открытых процессах по делу о государственной измене, он первый не унизил себя в последние часы процесса. Он в последний раз вышел на мировую арену, на которой, бывало, играл большие роли и производил впечатление просто великого человека, не испытывающего никакого страха, а лишь пытающегося поведать миру свою версию событий".

Я читал материалы этого процесса, последнее слово Бухарина. Мое ощущение не совпадает с заметками американского корреспондента... Одиннадцать месяцев тюрьмы, моральные и иные пытки, бесконечные думы о жене, годовалом сыне, о близких — все это давило, ломало, вынуждало уступать.

Из слов, произносимых многими подсудимыми, тоже растоптанными, истощенными, измученными, а кроме того, возможно, и верящими, что так надо партии, которой они служили с молодых ногтей, будто вынули душу. Клишированные мертвые самооговоры. Бухарин был тверже, и у него была концепция. В заключительном слове он сказал: "Я признаю себя ответственным и политически и юридически за пораженческую ориентацию, ибо она господствовала в право-троцкистском блоке, хотя я утверждаю:

1) лично я на этой позиции не стоял...

2) гражданин прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства?

Я категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова".

Запомнилась своей обнаженно-трагической сутью, столь непохожей на риторику страшных саморазоблачений, несусветных, вырванных немыслимым давлением покаяний, простая и горькая фраза: "Если ты умрешь, ради чего ты умрешь". И еще: "Может быть, я говорю в последний раз..." Сколько мук он претерпел за 11 месяцев следствия и за годы изощренной, беспощадной травли...

Читая стенограмму, я вспоминал рассказ Катаева, устный рассказ, скорее, наблюдение... Я очень любил "разговаривать" старика Катаева. Мне было интересно услышать о тех, о ком нельзя написать, и, конечно же, о Бухарине, к которому с ранней юности, с каких-то дальних рассказов деда, переданных матерью, у меня была

тайная симпатия и интерес. Катаев рассказывал, что как-то он вошел в кабинет Бухарина в "Известиях", а в это время Бухарин, полулежа на редакторском столе, звонил Сталину и просил его за кого-то. "Коба, Кобочка", — взывал он к вождю. И неизвестно, что было там, на конце провода, какой крылатой фразой отвечал всеведущий вождь.

В то время уже стали известны кое-кому стихи Мандельштама — открытый вызов Сталину: "Мы живем, под собою не чуя страны, наши речи за десять шагов не слышны..."

Бухарин помогал опальному и житейски не приспособленному Мандельштаму, помогал, догадываясь, какая судьба ждет этого поэта; думаю, что и поэт задумывался над будущим своего покровителя: слишком талантлив, нестандартен, самостоятелен и потому не вписывается...

И. Сталин,
Н. Бухарин. 1930 г.
(предположительно)

Следует здесь вспомнить еще о двух поэтах, проявивших мужество верности и веры по отношению к Бухарину. Это Борис Пастернак и Павел Васильев. Пастернак в 36-м году, когда Вышинский на первом процессе Зиновьева, Каменева и 14 их подельцев объявил о начале следствия по делу Бухарина и других лиц, скомпрометированных показаниями подсудимых (впоследствии дело Бухарина и Рыкова было на время закрыто), послал ему записку. Пастернак писал, не колеблясь, не сомневаясь, что не верит. Павел Васильев тоже высказался в защиту Бухарина. Это и предопределило судьбу талантливейшего советского поэта, "подкулачника", "злодея"... Статья в "Правде" была серьезным предостережением Борису Пастернаку, как принято говорить, "сигналом".

Так завершилась жизнь и политическая карьера одного из ближайших ленинских соратников, которого Вышинский охарактеризует на процессе так: "Лицемерием и коварством этот человек превзошел самые коварные, чу-

довищные преступления, какие только знала человеческая история". Лишь ему одному предъявлялось самое страшное обвинение, в котором он выглядел как бы отцеубийцей, — план убийства Ленина.

А незадолго до этого он с молодой женой был в Париже. Поехал туда, чтобы приобрести уникальные архивные материалы разгромленной социал-демократической

партии Германии. (Там был и архив Карла Маркса, который купить не удалось.)

Бухарин вернулся в Москву в конце апреля 36-го года. Восемнадцатого июня при весьма загадочных обстоятельствах умер Горький. В некрологе — сообщение о тяжелой многолетней болезни, затем врачи Плетнев и Левин на том же бухаринском процессе обвиняются в убийстве Горького. Недавно они подписывали официальное медицинское заключение о причинах смерти. Все это как-то не сходилось... Бухарин любил Горького, высоко ценил его. В одной из своих последних статей, посвященной памяти Горького, он назвал его певцом разума и великим гуманистом. Слово "гуманный" звучало не общо, не расхоже, в него вкладывал Бухарин конкретный и скрыто трагический смысл. Он догадывался, что и знаменитая фраза "Если враг не сдается, его унич-

тожают" стала не по воле Горького девизом все нарастающих массовых репрессий.

6 июля Бухарин напечатал свою последнюю статью "Маршруты истории. Мысли вслух". Под слоем обычного международного политического текста как бы дышал другой, вулканический, трагический слой. Обличалась не только "фашистская контрреволюция". Ощущался другой смысл. В этой статье говорилось о том, что авторитарная власть основана на ненависти к массе, несмотря на все объяснения в любви к ней...

Простые люди достигают политической и культурной зрелости и перестают быть "орудиями с голосом", как называли в Риме рабов. Они становятся "сознательной массой сознательных личностей".

Бухарин вернулся из заграничной поездки весной.

19 августа начался процесс Зиновьева и Каменева. 21 августа Вышинский на зиновьевско-каменевском процессе объявил о начале следствия по делу Бухарина и других.

Томский покончил с собой. Остались Бухарин и Рыков (из наиболее крупных фигур). В сентябре по тактическим соображениям (возможно, под давлением противников крайних мер) Сталин дал временный отбой.

Однако это затишье не обещало спасения.

На процессе Пятакова, Сокольникова, Радека в январе 37-го года снова возникли страшные обвинения в адрес Бухарина и Рыкова.

Началась травля Бухарина в печати. Бухарин объявил голодовку в знак протеста.

А 23 февраля 1937 года открылся один из самых трагических Пленумов ЦК партии. Среди других вопросов был один, очень много в жизни партии определявший: о Бухарине и Рыкове.

В руководстве партии еще были те, кто понимал, что нельзя допускать исключения Бухарина из партии и его ареста, что Сталину надо подавить не только Бухарина и Рыкова, ему надо подавить всякую возможность иного мнения вообще.

Опыт интриг и внутрипартийной борьбы, соединение одних, натравливание других, неожиданная доброжелательность и краткий свинцовый приговор вскоре после мимолетной ласки — опыт игры с людьми, хищный и

древний, был им хорошо изучен, впитан, был его сильной стороной, делал его непредсказуемым.

За пять дней до Пленума Серго Орджоникидзе скоропостижно скончался. Большая фотография в газетах: Серго на смертном одре, вокруг стоят скорбный Сталин, Молотов, Ежов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Жданов. С опущенными в страшном недоумении руками, с опухшим лицом жена Зинаида Гавриловна. Из членов Политбюро — нет только Калинина, Андреева, Чубаря и Косиора. Двух последних нет на снимке, скоро не будет и в жизни.

Вдове адресовано письмо, опубликованное во многих газетах, полное соболезнований, подписанное руководителями партии и правительства. Здесь почему-то подписи Сталина нет. В газетах — медицинское заключение о смерти Серго и странная фраза, что банда шпионов и убийц, троцкистов-бухаринцев, своим предательством и изменой ускорила смерть Г.К.Орджоникидзе.

Нетрудно догадаться, кто ускорил его смерть и почему за пять дней до Пленума Серго Орджоникидзе покончил с собой.

"Правда" сообщала: "Пленум обсудил важные вопросы хозяйственного и партийного строительства, рассмотрел вопрос о подготовке партийных организаций к выборам в Верховный Совет по новой избирательной системе и соответствующей перестройке партийно-политической работы". Последним шло краткое сообщение: "Пленум рассмотрел вопрос об антипартийной деятельности Бухарина и Рыкова и постановил исключить их из рядов ВКП(б)".

Этот последний вопрос и был главным на Пленуме.

Пленум был закрытым, но кое-какие данные о нем есть в нашей и зарубежной печати. (На симпозиуме по вопросам истории партии в Академии общественных наук при ЦК КПСС были приведены отрывки из стенограммы Пленума.) Некоторые детали, кстати, совпадающие с этим, создающие ощущение атмосферы на этом трагическом Пленуме, приводил мне в своих рассказах покойный А.В.Снегов, бывший до ареста крупным партийным работником (в частности, в Закавказском крайкоме). Просидев 17 лет, он чудом выжил, работал в Министерстве внутренних дел, занимался реабилитационными делами, готовил, по его словам, материалы к докладу

Хрущева. О нем упоминает в своих воспоминаниях А.И.Микоян. В 60-м году я, молодой литератор, ездил с ним в один из крупных сибирских лагерей.

Снегов приводил некоторые фразы, звучавшие на Пленуме. В частности, фразу Бухарина: "Я вам не Зиновьев и не Каменев и лгать на себя не буду". И ответную реплику Молотова: "Не будете признаваться, этим и докажете, что вы фашистский наймит... Арестуем — сознаетесь". Бухарин был в тяжком состоянии. Слова покаянные сменялись выпадами против Ежова, делавшего основной доклад по этому вопросу. Упоминал Снегов и реплику Ворошилова, брошенную Бухарину: "Типун тебе на язык, падла!" И обращение Бухарина к Пленуму с просьбой простить его слова, что голодовкой он ЦК не запугивает, просто это его ответ на ложь и клевету.

В ответ на покаянные слова Бухарина Сталин бросил: "Мало! Мало!"

Против крайних мер выступил Постышев (за что вскоре заплатил жизнью). Была составлена комиссия из 36 человек. Среди предложений было такое: "Немедленно исключить из партии, предать суду, расстрелять". Но окончательная формулировка звучала так: "Бухарин заслуживает немедленного исключения из кандидатов в члены ЦК, исключения из партии, предания суду". Это решение было принято участниками Пленума, большинство из которых тоже "не минует чаша сия".

Анна Михайловна Ларина-Бухарина с сыном Юрием Николаевичем. 1988 г.

А вот приведенные газетой "Правда" в марте 1937 года слова Сталина из его выступления на Пленуме: "Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и

корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса и как изменников нашей Родины".

Понимая, что конец неизбежен, в паузе между работой Пленума Бухарин составил письмо к будущему поколению руководителей партии и попросил жену выучить его наизусть.

Так кончилась жизнь Бухарина. Она оборвалась.

Оборвалась во всем. Было зачеркнуто его имя, его идеи, его экономические исследования, его литературные труды. Была зачеркнута его судьба человека и революционера.

Но судьба больше, чем жизнь. Она вбирает в себя очень многое. И сейчас, в год столетия со дня рождения Николая Ивановича Бухарина, нам надлежит понять уроки его политической судьбы, дать ему в насыщенном пространстве истории революции то место, которое он заслужил.

Письмо Бухарина будущему поколению руководителей партии, которое его жена пронесла в своей памяти сквозь все жесточайшие испытания ее собственной жизни, сквозь пересылки, тюрьмы, лагеря, — сильнейший трагический документ. Но не только трагический. В нем вы чувствуете с изумлением неистребимую веру — на по-

роге конца — в то назначение, в то дело, которому этот человек отдал свою жизнь.

Привожу отрывок из него. (Должен признаться, что, когда я прочитал текст в доме у Анны Михайловны Лариной, вдовы Николая Ивановича, я испытал больше чем волнение, какой-то душевный трепет... Это было прикосновение к истории и к человеческой судьбе.)

Оно начиналось с простой и потому особенно скорбной фразы: "Ухожу из жизни. Опускаю голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно... В эти, быть может, последние дни своей жизни я уверен, что фильтр истории рано или поздно неизбежно смоет грязь с моей головы... Прошу новое, молодое и честное поколение руководителей партии зачитать мое письмо на Пленуме ЦК, оправдать и восстановить меня в партии. Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете в победоносном шествии к коммунизму, есть и моя капля крови".

Это написал один из основоположников Советского государства, близкий соратник Ленина...

Бухарин был создателем Института красной профессуры, одного из крупнейших центров марксистской мысли Советской России 20-х годов. Много талантливых людей — философов, историков, экономистов образовали эту "школу Бухарина". Здесь был ощутим живой дух споров, товарищеской полемики, бескорыстного интереса к культуре... Сам стиль Института красной профессуры определялся во многом личностью Бухарина, человека открытого, искреннего, увлекающегося, доброжелательного, который приходил к своим ученикам в неизменной кожаной куртке, сапогах, в рубахе без галстука. Многие, кто работал с ним, отмечали его способность придавать самым официальным собраниям раскрепощенность, даже веселье. Кто-то заметил, что он вносил благотворное очарование в политику. Ленин говорил, что Бухарин относится к тем счастливым натурам, которые даже при наибольшем ожесточении борьбы меньше всего способны заражать ядом свои нападки. Всех его

ближайших сотрудников по Институту репрессировали и уничтожили. Выжил один только Астров.

В ”Правде”, да и в ”Известиях”, где он был главным редактором, возникала атмосфера дружеского сотрудничества, доверия и уважения друг к другу.

Он был необыкновенно одаренным человеком.

Я видел сохранившиеся у Анны Михайловны картины Н.И.Бухарина, очень живые, хорошие по вкусу пейзажи, отличные, немножко в духе Домье карикатуры. Недаром сын Николая Ивановича, Юрий Николаевич Ларин, — талантливый и самобытный художник.

Бухарин писал, что одна жизнь не может быть поделена между двумя такими требовательными богами, как искусство и революция.

А свое понимание искусства Бухарин показал на I съезде советских писателей в 34-м году, где он сделал доклад о поэзии, не на прикладном, узкоклассовом (как это часто делалось в ту пору) уровне, а на уровне всечеловеческой и вместе с тем точно конкретизированной мысли. Он сумел понять и поддержать такого на первый взгляд далекого от сиюминутной актуальности поэта, как Пастернак. Он уважительно, но и критически говорил о Демьяне Бедном, заостряя мысль о том, что время примитивной агитки кончилось. Емкие и точные характеристики даны им Тихонову, Сельвинскому, Луговскому (были ранее у Бухарина и весьма спорные литературные оценки, в частности его высказывания о Есенине и есенинщине в статье ”Злые заметки”).

Кое-кто понимал, что Бухарин в немилости, уже не член Политбюро, а всего лишь кандидат в члены ЦК. Бухарин поверженный, критикованный, битый, они ”храбро” спорили с ним, ”клеили” ему ярлыки, чего не позволили бы себе никогда по отношению к другому докладчику, представлявшему Центральный Комитет.

Другим докладчиком (кроме Горького) был Жданов.

Его доклад был ординарен, прямолинеен, четок, без всяких нюансов и оттенков. Но все же это непохоже было на его беспощадную проработку Ахматовой, Зощенко, Шостаковича, Прокофьева — через двенадцать лет, уже после войны.

Об истории французской революции написаны тома. О ее деятелях мы знаем гораздо больше правды, чем о

собственных. В томах истории нашей революции еще до сих пор господствуют дух и формулировки "Краткого курса истории ВКП(б)". Если сегодня говорится о "новом сознании", то оно предполагает и новое осмысление. Жизнь и политическая судьба Бухарина только начало...

Правда нужна не тем немногим, кто еще помнит его, его противников и единомышленников. Правда и достоверное знание нужны прежде всего нам самим.

Не он из далекого небытия взыскует о справедливости, а мы все, так долго державшие его в забвении, ощущаем вину не только перед его памятью, но и перед памятью многих других, а кроме всего прочего, перед собственной историей.

Жизнь оборвалась в 37-м, 38-м, 39-м... А было и раньше — в 20-х, и много позже — после войны. Да, оборвалась, да, закончена, но не забыта, а значит, и продолжается в духовной жизни нынешних и будущих поколений, в их осмыслении прошлого, настоящего и будущего.

Надо открыть доступ к архивам, к стенограммам закрытых Пленумов, чтобы понять мужество одних, предательство других, страх третьих. В нашем сознании выработались стереотипы, их разрушить нелегко, да и литература, и кинематограф немало сделали, чтобы их закрепить.

В последние десятилетия из фильма в фильм, из книги в книгу величественно шагали Молотов и Жданов, олицетворявшие всю возможную государственную мудрость и нравственную высоту. А после насильственной смерти Бухарина, Рыкова и многих других — сколько раз их вновь и вновь ставили к стенке, пригвождали к позорному столбу.

Приговор казался пожизненным и посмертным, не подлежащим историческому и человеческому пересмотру.

В 60-х годах говорилось о Пантеоне невинным жертвам, людям, отдавшим жизнь революции, стране, обществу.

Пантеон не был построен... Да, может, он и не нужен, Пантеон; что-то пышное, не сочетающееся со скорбным концом убиенных видится в этом слове.

Но коль скоро чувствуем мы возрождение своей подлинной исторической памяти, отстаиваем каждый дом, принадлежащий истории, кровно связанный с теми, кто

на протяжении веков в меру своих сил творил ее, коль скоро следопыты ищут могилы неизвестных солдат Второй мировой, коль говорим, что никто не забыт и ничто не забыто, то не будем чувствовать себя мало-мальски совестливыми людьми, пока не встанут в стране строгие обелиски в память убитых не на войне.

Но обелиск — лишь внешнее проявление, лишь символическая дань памяти. У этих людей хотели отнять не только жизнь, но и нечто большее — голос; их труды, книги, проекты, идеи, замыслы, которые должны передаваться из поколения в поколение...

Их наследие — не реликвия, не музейная память... Их поиски, обретения, заблуждения необходимы нам сегодня, в момент, когда общество так стремится к духовному очищению и возрождению.

Варлам Шаламов написал, не надеясь, что его опубликуют:

На заброшенных гробницах
Высекаю письмена.
Запишу на память птицам
Даты, сроки, имена...

Оказалось, все-таки, не птицам, а людям.

А.С. БУБНОВ
(1884 — 1940)

ТОВАРИЩ НАРКОМ

Виктор КУКЛЕНКО

У него было прекрасное настроение. Обычно кислая октябрьская погода в тот день дышала синью бездонного неба, искрящегося под скупым теплом утреннего солнца. До заседания Пленума ЦК еще оставалось время, и можно было без привычной спешки полюбоваться Москвой, с каждой минутой набирающей суматошный ритм нового дня.

При входе в Кремль Андрей Сергеевич Бубнов по обыкновению показал удостоверение члена ЦК, которое являлось и пропуском на заседания Пленума, но процедура проверки неожиданно затянулась. Ему сказали о каких-то специальных пропусках...

Пленум начался без него — члена Центрального Комитета партии, наркома просвещения РСФСР. Он понял, что грубая игра в специальные пропуска была подтасовкой, предлогом закрыть перед ним дверь, и пусть еще не столь отчетливо, но подспудно Бубнов уже начал сознавать, что подошел и его черед...

Вернувшись в Наркомат, он тут же окунулся в бесконечный круговорот служебных дел и забот: встречи, доклады, приемы посетителей, звонки... Из кабинета не уходил допоздна. Пока взволнованная дежурная, обычно сдержанная, степенная сотрудница секретариата, буквально ворвалась в дверь:

— Как же так, Андрей Сергеевич?.. За что же это? Только что по радио передали, что вас сняли. Как несправившегося...

Бубнов молчал. Он неестественно тяжело поднялся из-за стола, осторожно, как бы боясь оступиться, шагнул на ковровую дорожку кабинета. Поровнявшись с дежурной, остановился:

— Значит, так надо! Партия знает, что делает... А вы не беспокойтесь. Идите и работайте...

Шел октябрь тридцать седьмого года...

"ХИМИК", АРСЕНИЙ И ДРУГИЕ

Он встретил февральскую революцию, как говорится, при исполнении: в кандалах, в одной "упряжке" с Валерианом Куйбышевым их гнали по этапу к месту очередной ссылки — в Туруханский край. Каторжанам, политическим ссыльным этот сибирский "курорт" был хорошо знаком.

Их взяли по доносу провокатора в Самаре, где А.Бубнов вместе с В.Куйбышевым готовили Приволжскую конференцию большевиков. Царское правосудие тогда не поскупилось: каждому из них по пять лет Сибири.

Бубнов и без этой последней ссылки не был обделен вниманием охранки. Тринадцать арестов, более четырех лет в тюрьмах — как уж тут не узнать все "прелести" увесистого жандармского кулака, тюремных камер — от "номеров" общих до одиночек, где и облить-то водой, в чувство привести, кровь стереть после очередного допроса и то некому.

Он был в своем деле профессионалом. А потому так говорил о деле всей своей жизни:

— Профессиональный революционер должен ежесекундно чувствовать себя солдатом революции и членом партии, находящимся в ее полном распоряжении. С революционной работы он уходил в тюрьмы, в ссылку и выходил "на волю" только для того, чтобы вновь взяться за партийную работу.

Ведь это он говорил и о себе тоже. О своей борьбе с царизмом, в которую включился еще до образования большевистской партии. С девятьсот третьего он — член РСДРП. Бубнов ведет активнейшую пропагандистскую работу среди рабочих Иваново-Вознесенска. В год первой русской революции становится членом городского комитета партии.

У него, казалось бы, странная партийная кличка — "Химик". Но те, кто знал тайное занятие Андрея Бубнова, считали ее достаточно удачной и очень точной. Дело в том, что в 1905 — 1906 годах Бубнов возглавлял лабораторию, где изготовляли бомбы.

...Так уж судьбе было угодно, чтобы они встретились — Химик и Трифоныч — Арсений. Андрей Бубнов и Михаил Фрунзе.

Из воспоминаний А.С.Бубнова:

"Я хорошо помню этот майский день 1905 года, когда во двор того дома, в котором я жил, пришел прямо с поезда молодой белокурый студент в фуражке с темно-зеленым околышком, со светлыми глазами, слегка развалистой походкой. И с этого дня в течение двух лет до ареста т.Фрунзе в марте 1907 года, перед самым

А.С. Бубнов.
Иваново-Вознесенск.
1903 г.

Лондонским съездом нашей партии, мне пришлось вместе с т.Фрунзе работать в Иваново-Вознесенской большевистской организации, в которую тогда входили подпольные организации Иваново-Вознесенска, Шуи, Кохмы и т.д.".

Общность избранного жизненного пути сблизила молодых, но уже опытных революционеров. Их организаторские способности, сила влияния на рабочих, высокий авторитет ярко проявились в период проведения беспримерной 72-дневной забастовки, эхо от которой прокатилось по всей России.

После событий в Иваново-Вознесенске авторитет Бубнова вырос не только в рядах пролетариев. Жандармские управления различных губерний России не любопытства ради до мелочей интересовались Бубновым. Их интересовало все в нем и все о нем.

Из секретной телеграммы жандармскому ротмистру Орчинскому:

"Из Иваново 10-го вечером выезжает член Московского бюро С.Д. для приглашения на конференцию Андрей Бубнов, кличка "Химик"... Высокого роста, лет 25, блондин, белое пенсне, без бороды, усы чуть заметные светлые, морская черная накидка, фуражка серая, модного фасона с приподнятой задней частью и заворотами. Обыск результатов не даст.

Ротмистр Орловский".

В деле Харьковского губернского жандармского управления о мещанине города Иваново-Вознесенска Владимирской губернии Андрее Сергеевиче Бубнове отмечается, "...по постановлению Г.Министра Внутренних Дел, был подчинен гласному надзору полиции в избранном месте жительства г.Нижнем Новгороде на два года. 20 июля 1913 года Бубнов был обыскан и арестован в Петрограде, как видный работник по социал-демократической рабочей партии... Бубнов-большевик входит в состав редакции газеты "Правда", являясь в значительной степени руководителем ее".

...У Андрея Сергеевича Бубнова богатейшая биография революционера. Связанная с историческими событиями, каждое из которых приближало заветный Октябрь семнадцатого года, она требует детального рассказа, никак не вмещающегося в рамки документального очерка. Поэтому и вынуждены мы остановиться лишь на главных событиях его жизни, позволяющих нам сегодня, через толщи лет, прикоснуться к судьбе одного из верных и преданных бойцов ленинской гвардии.

Их первая встреча с Ильичем произошла в Стокгольме, где в апрельские дни 1906 года проходил IV съезд партии. На нем, как и на Лондонском съезде, Бубнов представлял Иваново-Вознесенскую партийную организацию.

Нередко говорят, что первое впечатление бывает самым сильным, самым запоминающимся. И его при первой встрече с Лениным сразу же покорили широта взгляда и убедительнейшая логика суждений пролетарского вождя, вера в правоту избранного пути, широчайшая эрудиция этого человека.

По рекомендации Ленина как "надежный партийный товарищ" Бубнов избирается в состав ЦК партии и при-

нимает уже самое непосредственное участие в организации Октябрьского вооруженного восстания. В эти решающие для революции дни он становится одним из членов Петроградского Военно-революционного комитета — штаба восстания.

Он был в самом пекле этого восстания, на его острие. И когда для захвата Зимнего дворца, ареста Временного правительства и обеспечения перехода власти к Военно-революционному комитету был создан полевой штаб ВРК, общее руководство им было поручено члену ЦК партии большевиков Андрею Бубнову.

Из воспоминаний А.С.Бубнова:

"Весь этот период представляется мне в наше время чрезвычайно кратким, ибо события неслись молниеносно, были напряжены и переживались как могучий ход громадного революционного вала, сметавшего перед собой все вражеские сопротивления...

Я встречался с Владимиром Ильичем на Выборгской стороне, когда он уже вернулся в Петроград. 10 октября, на заседании ЦК в квартире Суханова, затем на заседании ЦК с представителями профсоюзов... затем не один раз в Смольном во время переворота. В эти незабываемые дни, когда через широкие коридоры Смольного катились непрерывным потоком массы рабочих, красноармейцев, матросов и солдат, а под Петроградом гремели пушки и шли авангардные бои, растянувшиеся затем на целые три года гражданской войны".

В ходе Октябрьского вооруженного восстания члены Военно-революционного комитета заняли ключевые посты: Ф.Э.Дзержинский отвечал за работу почт и телеграфа, Я.М.Свердлов следил за действиями Временного правительства, А.С.Бубнов держал под контролем железные дороги Петрограда, и именно он, используя захваченный красногвардейцами телеграф, передал историческую телеграмму — Обращение Военно-революционного комитета "К гражданам России!": "Всем, всем, всем... Рабочая и солдатская революция победила в Петрограде. Член Военно-революционного комитета А.Бубнов".

Кто знаком со стенограммой VII съезда РКП(б), где обсуждался вопрос о войне и мире, где принятие или отказ от унизительного, но такого нужного Брестского мира решал судьбу страны, тот сполна ощутил атмосферу непримиримой, открытой борьбы Ленина с оппози-

цией "левых коммунистов", к которой в это время примыкал и Бубнов. И только Ленин, чью правоту в этом споре доказала история, уже вскоре после съезда мог доверить "оппозиционеру" Бубнову ответственную работу на Украине. И не ошибся.

Как член Украинского Совнаркома и Реввоенсовета Украинского фронта, Бубнов энергично берется за фор-

мирование частей Красной Армии. Владимир Ильич следит за его работой и с удовлетворением отмечает:

"Благодарю за подробные вести и за энергию, но надо довести дело до конца. Не полагайтесь ни на кого и оставайтесь лично, пока не будут подвезены до места назначения вполне готовые части или пока не будут влиты фронтовые части. Ленин".

...Партия не раз еще убеждалась в стойкости, крепости и отваге Бубнова. Как и тогда, в двадцать первом, на льду Кронштадтского мятежа...

Из воспоминаний Р.П.Хмельницкого:

"Там Андрей Сергеевич не чувствовал себя членом Центрального Комитета. Он выполнял работу дисциплинированного революционера, солдата революции. Мы видели в нем замечательно организованного, дисциплинированного бойца. Есть храбрые люди в политике, но

здесь им была проявлена храбрость непосредственно на поле боя... А когда мы опустились на лед, А.С.Бубнов наступал с 561-м полком под руководством Яна Фабрициуса. Он шел с войсками на Кронштадт и дрался там за каждое окно, каждую дверь, каждый двор и улицу и показывал образцы преданности ленинскому делу, делу нашей партии. Я видел его в самых опасных местах..."

А.С. Бубнов (крайний слева) среди членов бюро печати на XII съезде РКП(б). 1923 г.

А.С. Бубнов, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный

Приказом Реввоенсовета Бубнов был награжден орденом Красного Знамени — высшим по тем временам знаком отличия Советской Республики. В этом приказе так и отмечалось: "...за то, что, участвуя в штурме Кронштадтской крепости, личной храбростью и примером вдохновлял красных бойцов".

Да, уж чего-чего, а опасных мест в его жизни было предостаточно. И до революции, и в ходе революционных боев, и после революции, когда судьба еще не раз испытала его на крепость.

"ВЫ ОШИБАЕТЕСЬ, ГОСПОДИН ФУЛЛЕР!.."

Те, кто стоял у истоков нашей партии, нашей армии, меньше всего заботились о почестях, о славе. Они просто делали в свое нелегкое и героическое время... историю.

Пишу об этом, ибо далеко не все мы знаем о таком удивительном человеке, как Андрей Сергеевич Бубнов. Нам старательно помогли в этом, пытаясь стереть из истории эту фамилию в тридцать седьмом году. Как поступили с сотнями, тысячами других славных имен, с кем по кирпичику этот человек складывал новую жизнь.

Я намеренно взял с книжной полки том Большой Советской Энциклопедии, который был подписан к печати в мае пятьдесят первого года. Там Бубнова Андрея Сергеевича нет. Как нет в этом издании Якира, Тухачевского, Уборевича, Егорова, Гамарника...

Зато составители БСЭ не поскупились на место для другого Бубнова — Александра Павловича, в представлении которого выделена вот эта строка: "Особое место в творчестве Б. занимают портреты И.В.Сталина".

На посту начальника Политуправления РККА Андрей Сергеевич Бубнов пробыл почти пять лет — с 1924 года. Удивительное время беспокойных дел, исканий...

А.С. Бубнов и М.В. Фрунзе во время парада, посвященного 7-й годовщине Красной Армии. 1925 г.

Ему везло на революции, в которых он был отнюдь не сторонним наблюдателем: 1905 год, Октябрь 1917 года и теперь вот эта — революция в армии, реформа, которая являлась "переходом от демобилизированной партизанщины к созданию системы Вооруженных Сил в мирных условиях".

В век атома и электроники, уникальных автоматических устройств и совершенных видов вооружения и техники мы не очень-то воспринимаем развернувшиеся в те далекие годы споры вокруг роли человека в современном бою. Уже тогда западные военные теоретики, в их числе Дж.Фуллер, Жан де Пьерфе и другие, видели в "механическом оружии" главное действующее лицо для победы. Человек же становится как бы придатком к армейской и флотской механике. У Бубнова свое определенное мнение: в "войне машин" ре-

шающая роль в завоевании победы будет принадлежать человеку — бойцу и командиру, их мастерству, идейной стойкости, умению вынести на своих плечах тяготы боевой обстановки.

Время настоятельно требовало новаций в армейской жизни. И начальник Политуправления РККА Бубнов решительно идет на них, хотя должной поддержки со

стороны стоящего тогда во главе армии Л.Троцкого он не получает. Определены твердые сроки прохождения службы красноармейцев и командного состава, основные элементы обучения, разработаны новые уставы.

Немало сложностей, с которыми Бубнову пришлось столкнуться в новой должности, было вызвано введением в Красной Армии единоначалия. И хотя его приверженцев было не меньше, чем противников, последние настойчиво отстаивали свою точку зрения: с введением единоначалия у политсостава будет "утеряна перспектива", теперь, дескать, стычки между командирами и политсоставом неизбежны. Что ж, функция политработника действительно во многом менялась. Теперь "чапаевский Фурманов" кроме политического контроля за действиями своего командира должен был, и прежде всего, вести активную партийно-политическую работу в

войсках, руководить ею. Новые, куда более важные функции.

Бубнов вздохнул полной грудью, когда в 1925 году во главе Красной Армии стал его давний друг по революционной борьбе Михаил Васильевич Фрунзе — талантливейший народный полководец. Всего лишь год судьба отпустила им для совместной работы, но какой это был год...

Вводится в жизнь новое положение о военных комиссарах: "Комиссар — представитель ВКП(б), носитель дисциплины, ее твердости, мужества в борьбе за осуществление поставленной цели" — так определяется его роль в армии.

В политической работе Бубнов видел "новое оружие", во много раз усиливающее мощь Красной Армии. Но эта работа в новых условиях требовала значительно большего политического такта и партийной мудрости. А.Бубнов и М.Фрунзе восстановили упраздненные Л.Троцким в большинстве округов Реввоенсоветы, куда теперь входили и представители местных партийных органов. В 1928 году ЦК партии по представлению Политуправления вводит Инструкцию для ячеек ВКП(б) в Красной Армии. Это еще больше укрепляет роль партийцев.

— Партия, — отмечал Бубнов, — имеет в армии свои органы, которые и представляют собой то, что Энгельс называл "организующими силами". Внутри этой системы могут происходить различные изменения, но сама она — ее предназначение, цель, основа, содержание — сохраняется незыблемо.

Редко когда можно было застать Бубнова в рабочем кабинете. Он постоянно среди людей, его авторитетное слово звучит на собраниях, конференциях, в кругу политработников.

— Мы живем в такую эпоху, — говорил он на партийной конференции Московского военного округа, — когда рабочие и крестьяне растут не по дням, а по часам, когда растет активность и самостоятельность масс. Это отражается и на армии. В армию ежегодно вливается новое молодое пополнение, и с каждым годом оно все культурнее, активнее и самостоятельнее.

В армии Бубнов проходит прекрасную школу большого политического руководителя. И можно с уверен-

ностью сказать, что его активнейшая работа по ликвидации полной неграмотности в армии впоследствии сказалась на его назначении наркомом просвещения. Но это позже, в двадцать девятом, а пока Бубнов усиленно вводит в жизнь практически новую сеть культурно-просветительных учреждений: клубы, библиотеки, ленинские уголки... И многое, зарождавшееся в те годы, живо по сей день.

У него была удивительная работоспособность. В двадцать шестом году в управление делами РВС СССР была подготовлена почтотелеграмма, где перечислялись обязанности Бубнова, которые ему приходилось выполнять "по совместительству" с главной — начальника Политического управления РККА. Вот некоторые из "внештатных", но не менее важных и ответственных должностей этого человека:

— Член Оргбюро ЦК ВКП(б), кандидат в члены Секретариата ЦК;

— Член Центрального Исполнительного Комитета СССР;

— Член Центрального совета Военно-научного общества;

— Член Президиума Коммунистической Академии;

— Председатель Высшего Военно-редакционного совета;

— Член Дирекции института им. В.И.Ленина.

В 1924 году Бубнов становится первым редактором газеты "Красная звезда".

Во многих начинаниях жизни страны и армии он был первым. А это всегда было непросто.

ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С членом Верховного суда СССР, заместителем председателя военной коллегии генерал-майором юстиции Михаилом Алексеевичем Маровым мы договорились о встрече заранее. С его ведома я смог ознакомиться с имеющимися документами по реабилитации Андрея Сергеевича Бубнова. При этом было оговорено, что многое из материалов судебного делопроизводства было в свое время уничтожено...

Уничтожались люди. Затем уничтожались следы преступлений. Следственный аппарат Ягоды уничтожался сменившим его аппаратом Ежова. "Команда" Берии

хладнокровно расправилась с ежовцами. Одни подлинные враги народа поедали других. Но сколько же бед совершили, сколько горя по земле посеяли эти ревнители "правды", которым было позволительно все и по отношению ко всем. И самое страшное, что вершились черные дела под лживыми лозунгами очищения партии, охраны государственных интересов, борьбы с пособниками империализма.

Не могу передать, с каким волнением, какой душевной болью я раскрыл папку надзорного производства по архивно-следственному делу Бубнова Андрея Сергеевича. Думал пересказать, прокомментировать те или иные строки из прокурорского заявления в военную коллегию Верховного суда СССР, где юридически обосновывается полная невиновность А.С. Бубнова. Но разве можно найти слова, доказательней тех, что изложены в этом документе, восстановившем для истории это светлое имя.

Шел март 1956 года...

"В Военную коллегию Верховного суда СССР

Военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры майор юстиции Лукьянов, рассмотрев архивно-следственное дело № 967424 по обвинению БубноваА.С. и материалы дополнительной проверки, —

НАШЕЛ:

Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 1 августа 1938 г. по ст.ст. 58-1"а", 58-8, 58-7 и 58-11 УК РСФСР осужден к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества.

Приговор в отношении Бубнова приведен в исполнение 1 августа 1938 года. (По Советскому энциклопедическому словарю 1986 г. и другим источникам — 12 января 1940 г. — **В.К.**)

Как указано в приговоре, Бубнов признан виновным в том, что он являлся участником антисоветской террористической организации правых, на протяжении ряда лет вел борьбу против ВКП(б) и Советской власти, а за последние годы стоял во главе антисоветского запасного центра правых, который был создан Бубновым по заданию Бухарина.

Кроме того, в приговоре указано, что Бубнов по зада-

нию антисоветского центра правых в 1932 — 1933 гг. вел переговоры с представителями капиталистических государств относительно оказания поддержки правым в захвате власти, в 1935 г. установил организационную связь с участником антисоветского военного заговора Орловым и вел с ним переговоры о совместной борьбе против Советской власти и ВКП(б), через агента германской разведки Любимова передал... секретные сведения, составляющие государственную тайну, совместно с тем же Любимовым занимался подготовкой террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советской власти, а также проводил вредительскую работу в системе Наркомпроса РСФСР.

Как видно из материалов дела, Бубнов был арестован ГУГБ НКВД СССР 17 октября 1937 г. без санкции прокурора. Расследование дела проводилось почти год, хотя в деле имеется всего два отпечатанных на пишущей машинке протокола допроса Бубнова.

В нарушение элементарных норм уголовно-процессуального законодательства с материалами дела Бубнов ознакомлен не был.

Обвинение Бубнова в антисоветской деятельности основано на показаниях самого Бубнова, данных им на предварительном следствии, в котором он признавал себя виновным в предъявленном ему обвинении. Кроме этого, к делу Бубнова приобщены копии протоколов допроса арестованных по другим делам Эпштейна М.С., Орлова В.М., Любимова И.Е., Рахимбаева А.Р., Мышкова Н.Г., Еремина Н.Г. и заявление Баумана К.Я.

При рассмотрении дела по обвинению Бубнова в Военной коллегии Верховного суда СССР материалы предварительного следствия не проверялись и весь судебный процесс, включая и вынесение приговора, длился всего 20 минут. В протоколе отмечено, что Бубнов признал себя виновным и подтвердил показания, данные им на предварительном следствии.

Однако, как установлено в настоящее время, дело по обвинению Бубнова было сфальсифицировано, а его показание, в котором он признавал себя виновным в проведении антисоветской деятельности, является самооговором.

В частности, при проверке дела по обвинению Буха-

рина установлено, что никаких показаний о преступной связи с Бубновым Бухарин не давал ни на предварительном следствии, ни в суде.

Вымышленными являются также показания о том, что он вместе с Бауманом и Любимовым входил в состав запасного центра правых.

Проведенной в 1955 г. Прокуратурой СССР провер-

А.С. Бубнов и В.К. Блюхер с делегатами XVI съезда ВКП(б) от Балтийского и Черноморского флотов. Москва, 1930 г.

С Н.К. Крупской во время работы в Наркомпросе (середина 30-х годов)

кой установлено, что Бауман К.Я. был арестован необоснованно и дело в отношении его прекращено. Необоснованно также был арестован и Любимов И.Е., дело в отношении которого в настоящее время вносится в Военную коллегию Верховного суда СССР на предмет отмены приговора и прекращения дела за отсутствием в действиях Любимова состава преступления.

На предварительном следствии Бубнов, признавая себя виновным, показал, что он был связан по преступной деятельности с бывшим секретарем ЦИК СССР Акуловым и бывшим председателем ЦК Союза работников начальной и средней школы РСФСР Колотиловым (ранее работавшим секретарем Ивановского обкома партии). Однако, как установлено в настоящее время, Акулов и Колотилов были арестованы и осуждены необосно-

ванно и дела в отношении их прекращены за отсутствием состава преступления.

О том, что дело по обвинению Бубнова было сфальсифицировано, видно также из показаний бывшего следователя НКВД СССР Церпенко (осужден), который заявил, что после ареста Бубнов был доведен до такого состояния, что уговаривал других арестованных, в частно-

сти Постышева, подписывать сфальсифицированные протоколы.

Бубнов, старый член партии, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, неоднократно избирался в руководящие органы партии, на XVII съезде партии был избран членом Центрального Комитета.

На основании изложенного и руководствуясь ст.378 УПК РСФСР, —

ПОЛАГАЛ БЫ:

Дело по обвинению Бубнова Андрея Сергеевича внести на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР с предложением: приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 1 августа 1938 г. по делу Бубнова Андрея Сергеевича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем даль-

нейшим производством прекратить по ст.4 п.5 УПК РСФСР.

Военный прокурор отдела ГВП
майор юстиции Лукьянов".

Спасибо вам, товарищ майор юстиции! Земной поклон каждому, кто, движимый человеческой совестью, голосом исторической правды, неопровержимыми фактами и доказательствами, восстановил справедливость.

И еще об одном бесценном документе не могу не сказать.

Я держал в руках справку. С виду обычную, канцелярскую, каких великое множество нам приходится оформлять для всяких и разных житейских нужд. В ней всего-то строк 10—12. Но что это были за строки!

"...Приговор Военной коллегии от 1 августа 1938 г. в отношении Бубнова А.С. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, дело за отсутствием состава преступления прекращено и Бубнов А.С. полностью реабилитирован".

Такие справки о посмертной реабилитации выдавались родственникам. Если те доживали до этих дней. Ведь их, пособников "врага народа", ждала та же участь: следствие, допросы, тюрьмы, ссылки. По принципу "яблоко от яблони недалеко падает...".

Не все смогли пройти сквозь ад унижения, издевательств, до тонкостей отработанную механику физического истребления людей. Елена Андреевна Бубнова все это выдюжила. Какой ценой — это знала только она. И семь лет столичных тюремных застенков, и барнаульскую ссылку, и всю изощренную тюремную "профилактику", которую применяли к ней, дочери "врага народа", одной из участниц сфабрикованного покушения на Сталина.

Весть о реабилитации отца искала ее по стране. В документах надзорного производства я видел запрос в Барнаул, куда Елена Андреевна была выслана с группой других заключенных. Но нашли ее в Москве: она вернулась сюда после ссылки. Здесь ей и вручили справку о реабилитации отца.

Она хорошо запомнила эту дату — 2 апреля 1956 года.

НЕ ОТРЕКАЮТСЯ, ЛЮБЯ

За семь лет заключения дочь арестованного наркома просвещения Елена Андреевна Бубнова научилась по манере допроса определять настроение следователя, ход его мыслей, которые в конечном счете сводились к одному — признанию подследственной в пособничестве врагам народа, в числе которых значился и ее отец, в намерении их молодежной группы совершить покушение на Сталина.

Следователь по особо важным делам полковник Родос — маленький кривоногий колобок с раскосыми колючими глазами, — никогда не отличавшийся изысканностью манер, на этот раз был подчеркнуто учтив. Она не очень-то прислушивалась к его пространным рассуждениям о трудностях жизни, обилии врагов, паутиной опутавших всю страну, но обратила внимание на его назойливые намеки быть благоразумной, чем можно хоть как-то облегчить свою участь.

Вскоре она поняла, что стояло за этими советами, когда ее провели по бесконечным коридорам в кабинет Абакумова — самого министра государственной безопасности.

Бубнова обратила внимание на портрет Дзержинского — боевого соратника отца. Как же кощунственно выглядело сочетание образа кристально чистого большевика-ленинца с теми поистине чудовищными преступлениями, что творились в этом кабинете, других кабинетах и комнатах, в которых подписывались смертные приговоры, велись допросы, выбивались признания у "врагов народа".

Бубнова накрепко запомнила этот пронизывающий взгляд, надменность, с которой Абакумов спросил: помнит ли она своего отца? Она сказала, что помнит и будет помнить всю свою жизнь. После тирады всяческих гадостей Абакумов смерил ее взглядом и поставил точку в их коротком разговоре: "Яблоко от яблони..." Затем бросил кому-то: "Увести!"...

Ей далеко не первой был задан вопрос об отце. Вопрос, взывающий к предательству и дарующий за это предательство свободу, а возможно, и жизнь. От нее ждали другого — показаний, отречения от отца. Как делали это порой те, кого ломала тюрьма, бесконечные допросы. Отказывались от корней своих, меняли фамилии,

отчество, чтобы ничто их не связывало с "врагами народа". Пусть немного было таких, но были же...

Ей дали последний шанс, но она не воспользовалась им. Санкции последовали незамедлительно: после семилетнего заключения дочь наркома отправили в ссылку. Под строжайший контроль, под расписку о невыезде из Барнаула. Не приминули и напомнить: за нарушение — 25 лет тюрьмы.

...Мы сидим с Еленой Андреевной Бубновой в ее московской квартире на улице Качалова — светлой, залитой щедрым весенним солнцем. Понимая, как нелегко ей вспоминать прошлое, стараюсь больше вести разговор об отце: каким его помнит, ведь важны детали, кажущиеся мелочи, позволяющие полнее воссоздать образ человека удивительной и такой непростой судьбы.

Е.А.Бубнова:

"Мне было пятнадцать, когда арестовали отца с матерью. Но я была достаточно взрослой, чтобы понять, осознанно говорить о его влиянии на мою жизнь.

С отцом мы очень дружили. У нас с ним была, можно сказать, мужская дружба: без особых сантиментов, доверительность во всем. Он старался ввести меня в курс своих бесконечных дел и забот. Загадочно интересных и важных.

Мне нравился его склад характера: какая-то крепкая в нем армейская жилка была. Он любил военную форму. Гимнастерка, галифе в сапоги, широкий ремень — и в будни, и в праздники. Лишь на особые представительства он надевал гражданское, да и то, когда требовал протокол.

Он был необыкновенно организованным человеком; при том объеме работы, который он выполнял, это особенно важно. Ведь Наркомпрос тех лет — это вся система образования, научные учреждения, кинематография, театры, музеи, полиграфия, издательства, книжная торговля, объединения творческой интеллигенции... А посему в нашем доме, который всегда был рад гостям, часто бывали друзья отца по партии, революционному подполью, цвет нашей интеллигенции: Фрунзе, Тухачевский, Егоров, Станиславский, Мейерхольд, Алексей Толстой, Вишневский, Кольцов... Интереснейшие люди, а судьбы какие!.. Как божественно играл на скрипке Михаил Николаевич Тухачевский... А какой голосище был у маршала

Егорова... Романтика революции, гражданской войны, жизни, которой дышала страна, — это атмосфера и нашего дома...

Отец обычно поздно возвращался с работы. И в этот раз он вернулся к полуночи, когда я уже спала. Разбудил. Спрашиваю: "Не случилось ли что?.." — "Случилось, дочка, случилось... Посмотри, что я принес..."

Это была пластинка с голосом Ленина. Отец часто рассказывал об Ильиче и теперь был безмерно рад, что с помощью записи может еще зримее представить его нам.

Лет в 13 — 14 он уже читал мне работы Владимира Ильича. Притом жил каждым словом, каждой ленинской мыслью...

При всех "прелестях" царского режима — тюрьмах, ссылках — он был крепок, всегда подтянут, его закалке можно было позавидовать. Не говоря о привычных для него вещах — обязательной утренней зарядке, холодном душе, — он круглый год занимался спортом: плавал, прекрасно ходил на лыжах, играл в теннис. Когда ему было под пятьдесят, решил фехтование освоить. И в этом деле преуспел. Соседские мальчишки от нас не выходили — раздолье-то какое: рапиры, маски... Мушкетеры ведь давно в моде.

Как было с ним интересно! Когда ему удавалось выкроить время — брал меня на просмотры в театры, кино. Сколько у нас было разговоров после "Дней Турбиных"...

Прежние заслуги отца не в счет. Его ценили по работе и тогда, когда он возглавлял Политуправление РККА, и когда сменил на посту наркома просвещения самого Луначарского. Как-то встретила в печати мнение Надежды Константиновны Крупской об отце: "...партия поставила на пост наркома просвещения человека, которому вся предыдущая работа, весь предыдущий опыт борьбы обеспечивают широту партийного кругозора, привычку подходить к делу не формально, а вникая в его суть, умение настойчиво добиваться своей цели, вникать во все мелочи, проверять исполнение".

...О многом сегодня приходится говорить в прошедшем времени. Что-то стерлось из памяти за давностью лет, забылись детали, мелочи. Но до конца дней своих буду помнить этот роковой октябрьский день тридцать седьмого...

Я только утром, проснувшись в школу, узнала о случившемся. В доме чужие люди. Одни комнаты опечатаны, в других идет обыск. Те, что из ”органов”, были изощренные садисты. Когда им стало известно, что мама к октябрьским праздникам заказала полотеров, сказали оставшейся со мной бабушке: ”Если сделали заявку, то не нужно отказываться. К праздникам должен быть в доме порядок. Родители вернутся — меньше забот. А вот цветы из комнат перенесите, а то могут засохнуть. Они ведь водичку любят...”

Какое ”благородство”! Как сигарета перед гильотиной. Они ведь знали, что родители не вернутся...

Извещение о смерти отца было в сороковом. Хотя, по последним сведениям, он был расстрелян еще в августе тридцать восьмого. Мать, судя по всему, добили допросы, пытки. Одной из папиных сотрудниц по Наркомпросу, находящейся под следствием, передали, что видели маму в тюремной камере с выкрученными руками, дикими следами побоев. А ведь она была очень красивой женщиной. Во время ареста ей было немногим за сорок...

Да, в ”органах” знали свое дело туго. Им ведь только пальцем укажи, намекни свыше, кого нужно преступником сделать, ”врагом народа”. Здесь же появятся ”неопровержимые факты” из доносов ”доброжелателей”, нужные ”свидетели”, а затем и ”дело”...

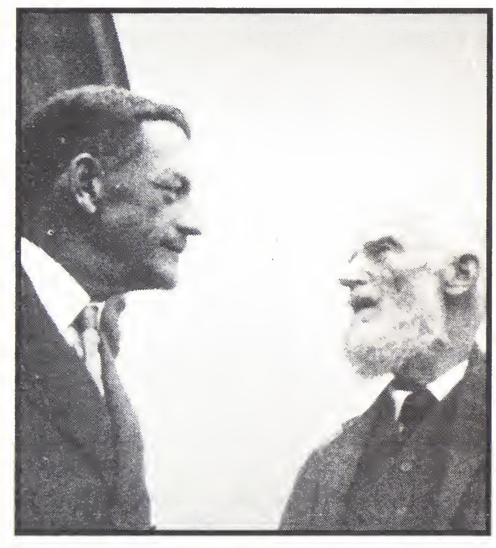
В этом ведомстве была до тонкостей отработана техника обвинений. Покушение на САМОГО считалось тягчайшим преступлением, и посему малейшие подозрения в злонамеренных деяниях строжайше карались.

В числе ”покушавшихся” по тщательно разработанному сценарию оказалась и я. И не одна. Нас взяли двенадцать человек — моих друзей-товарищей, с кем часто собирались вместе, обсуждая положение на фронте, житейские проблемы, в коих тогда не было недостатка, студенческие дела. Да мало ли было споров-разговоров у нас, двадцатилетних, будущих искусствоведов, историков, литераторов, кинематографистов. Ведь и в годы лихолетья оставалось место для мечты о послевоенном времени, для творческих планов...

В сорок четвертом, ко времени ареста, у меня уже была семья: вышла замуж за одноклассника, который вернулся с фронта после тяжелого ранения и почти годичного лечения в госпиталях. У нас был свой угол, где мы и

собирались у печки-буржуйки, длиннющий хвост-труба которой выходил причудливыми коленцами в форточку.

То ли со мной, дочерью "врага народа", хотели свести счеты, может, какие другие цели преследовали, но после ареста нам было предъявлено обвинение в попытке покушения на Сталина. Притом инкриминировались нам смехотворные доводы, раскрывающие тонкости якобы

А.С. Бубнов и Бернард Шоу. Москва. 30-е годы

глубоко продуманного нами террористического акта. Понятно, нам тогда было не до смеха...

На следствии мы узнали, что одного из наших товарищей, болезненного мальчика, кого и на фронт по состоянию здоровья не взяли и он работал на "скорой помощи", так вот именно его обвинили в том, что он выслеживал во время дежурств маршрут следования Сталина с дачи в Кремль. Подтасовали сюда и подругу, которая жила в районе Арбата, где мы должны были обстрелять машину Верховного. Притом злодейское нападение мы собирались совершить из пулемета, якобы привезенного с фронта и спрятанного моим мужем-инвалидом. Вот такую гору накрутили-наворотили...

В пятьдесят шестом, после реабилитации отца, мне помогли связаться с Ворошиловым. Он сразу меня узнал: "Немедленно приезжай!" Климент Ефремович — давний боевой друг отца. Со мной, новорожденной, он как с кук-

лой носился по квартире, где жили тогда наши семьи. Было это в Ростове, когда отец вместе с Буденным и Ворошиловым возглавлял Северо-Кавказский военный округ.

Приехала в Кремль. Встретились — и оба в слезы. С добрый час провспоминали прошлое. Разговор, понятно, больше об отце. Помню, из уст Ворошилова сорвалось — "Беда-то какая..." (как будто он раньше не знал о случившемся). Но здесь же он перешел на скачки, стрельбы, в которых раньше не раз состязались с отцом. Как будто ничего не случилось. На том и разошлись: ни он не спросил, где и как живешь, дочь наркома, ни я к нему с бедами своими — ведь ни кола ни двора тогда не было. Да и с университетом решать нужно было, с четвертого курса же забрали. Потом, правда, все улеглось. И с квартирой, и с учебой утрясли. Ведь добрых людей на свете куда больше..."

* * *

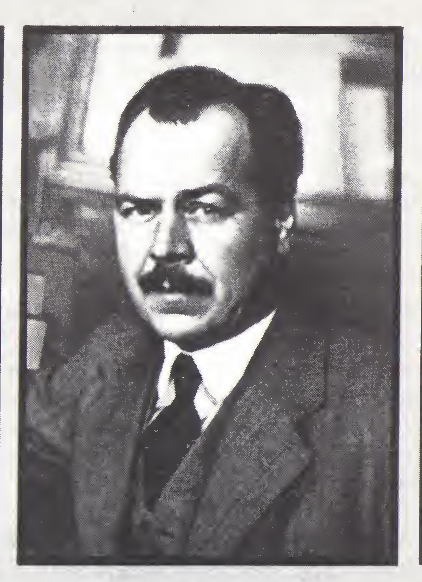
Хотел уж было закончить эти заметки об Андрее Сергеевиче Бубнове, но нашел факты, раскрывающие еще одну грань характера этого удивительного человека — его щедрость по отношению к другим — соратникам по революционной борьбе, боевым товарищам. Как он о них говорил!

...Был доподлинным организатором, которым крепка и жива партия пролетариата в России... был символом пролетарской выдержки, настойчивости, мудрого такта и организующей воли. Сравните с тем, что писал он о себе, о тех моментах своей жизни, которые стали историческими строками в биографии нашей Родины, нашей партии: "В период подготовки и в момент переворота я находился в Смольном... В качестве члена ЦК партии выполнял поручения, на меня возложенные".

Как все просто: поручили — выполнил.

И последнее — факт, о котором я узнал после встречи с Еленой Андреевной Бубновой.

...Она училась тогда в третьем или четвертом классе. По школьной программе обычно писали изложение по русскому. На сей раз учительница дала сочинение на конкретную тему "Мои родители". Дочка Бубнова была предельно лаконична. Все сочинение она уместила в одной фразе: "Мой папа — Революционер". Так и написала — с большой буквы.

Н.И. ВАВИЛОВ
(1887 — 1943)

КОНТИНЕНТЫ ВАВИЛОВА

Армен ТАХТАДЖЯН,
академик

Хрестоматийные примеры мучеников науки бледнеют перед мученичеством Вавилова, прошедшего в последние годы своей жизни несколько кругов Дантова ада. "На костер пойдем, гореть будем, но от убеждений своих не откажемся",— говорил Николай Иванович в 1939 году на выездной сессии Института растениеводства. Но тогда он еще не знал, что из-за своих убеждений он будет подвергнут гораздо более тяжелым и куда более изощренным страданиям, чем сожжение на костре.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Как многие выдающиеся ученые, Н.И. Вавилов рано стал заниматься самостоятельной научной работой. Его активная научная деятельность началась еще на студенческой скамье, в Московском сельскохозяйственном институте (ныне Сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева), который он окончил в 1911 году. Его дипломная работа "Голые слизни (улитки), повреждающие поля и огороды в Московской губернии", опубликованная в 1910 году, сразу же была оценена по достоинству и даже удостоена премии Московского политехнического музея. В 1909 году, будучи еще студентом второго курса, он выступает на торжественном заседании студенческого кружка — кружка любителей естествознания, — посвященном столетию со дня рождения Дарвина, с докладом "Дарвинизм и экспериментальная морфология". Таким образом, еще на студенческой скамье определился круг научных интересов Вавилова — от прикладных вопросов сельского хозяйства до самых широких теоретических вопросов эволюционной биологии. Уже тогда многим из его окружения было ясно, что его как ученого ждет большое будущее. Позднее один из его учителей выдающийся агрохимик Дмитрий Николаевич Прянишников скажет о Вавилове: "Мы не говорим, что он гений только потому, что он наш современник". Д.Н. Прянишников оставил Вавилова по окончании института при кафедре частного земледелия "для подготовки к профессорскому званию" и прикомандировал его к

селекционной станции, руководимой профессором Д.Л. Рудзинским, одним из первых начавшим научную селекцию в России. Вавилов шесть лет с перерывами проработал на станции. Все эти годы он много читал, охотно делясь своими широкими знаниями на семинарах Рудзинского. Но интересы его были гораздо шире того, чем он занимался на станции. Уже с 1911 года Вавилов

Николай Вавилов (справа) с матерью Александрой Михайловной и братом Сергеем

стремится в Бюро по прикладной ботанике в Петербурге, которое в то время возглавлял Р.Э.Регель. Здесь он начал с изучения пшеницы (интерес к ней он сохранит до конца жизни), а затем ячменя и других культур. Его уже начинают интересовать более широкие вопросы происхождения культурных растений. Более того, в 1911 и 1912 годах он, вероятно, под впечатлением работ И.И.Мечникова начинает свои исследования по иммунитету растений к грибковым заболеваниям, которые он проводит в сверхурочное время в руководимой профессором А.А. Ячевским лаборатории в Бюро микологии и фитопатологии. Поражала работоспособность Вавилова. По свидетельству очевидцев, он мог работать по 18 часов в сутки. Он обладал удивительным умением концентрировать волю и энергию, работать с азартной неистовостью. Его бешеный ритм невольно увлекал всех, кто с

ним работал, заражал их. "Жизнь коротка — надо спешить", — говорил он, словно предчувствуя, что судьба отпустила ему не много времени.

Уже в том же, 1911 году Вавилову поручают вести занятия со студентами Высших Голицынских сельскохозяйственных курсов. И хотя это всего лишь скромный практикум по систематике культурных растений, но он

Николай Вавилов — ученик коммерческого училища. 1905 г.

впервые вводит элементы генетики и делает занятия столь интересными, что увлекает за собой молодежь, будит в ней любознательность и подлинный интерес к науке. За его успехами внимательно и с глубокой симпатией следит Д.Н. Прянишников — через много лет он примет самое горячее участие в постигшей Вавилова беде. В 1912 году он, директор Голицынских курсов, предлагает Вавилову выступить с актовой речью. Это было неожиданно большое доверие к столь молодому еще ученому. Не без волнения Вавилов произносит речь под названием "Генетика и ее отношение к агрохимии", которая была издана отдельной брошюрой. Знаменательно, что уже в самом названии Вавилов указал направление, которое станет одним из основных в его последующей научной деятельности. Знаменательно также и начало речи, в которой он приводит слова Д.И. Менделеева о том, что "без тесно-

го союза с естествознанием сельское хозяйство обречено к полному застою". Он говорит, что генетика, основанная на законах Грегора Менделя, должна открыть путь к "планомерному вмешательству человека в творчество природы" и является теоретической основой научной селекции. В своей глубоко содержательной актовой речи Вавилов убедительно показывает практическое значение генетики. Без генетики селекция была еще несовершенна, гибридизация и искусственный отбор еще применялись в значительной степени вслепую, без обоснования законами наследственности и изменчивости. Но он говорит не только о селекции. Его интересуют вопросы происхождения и эволюции культурных растений — тема, которая станет одной из главных в его дальнейших исследованиях.

Большое значение для научной биографии Вавилова имела командировка "для завершения образования" в Англию в 1913 году, к самому Уильяму Бэтсону — одному из создателей генетики. "Основные камни огромного значения, размеры которого мы еще не в состоянии охватить, заложены Бэтсоном", — напишет Вавилов в 1926 году. Вавилов считал Бэтсона крупнейшим биологом, личность которого "поражала своей универсальностью, энциклопедичностью". Но таков был и сам Вавилов, ученый-энциклопедист, одинаково интересовавшийся как сугубо прикладными вопросами сельскохозяйственной науки, так и величайшими проблемами эволюционной биологии. Это были во многом родственные души. Их объединяла универсальная широта интересов как в науке, так и в искусстве, умение сочетать науку с жизнью, терпимость к критике. Оба они были апостолами свободы науки и верили в то, что она делает мир лучше.

В 1914 году Вавилов переезжает из Англии во Францию, где его заинтересовала крупнейшая семеноводческая фирма Вильморенов. Будучи скорее коммерческим предприятием, она также вела большую селекционную и семеноводческую работу и, в частности, исследовала хлебопекарные качества пшеницы. Из Франции Вавилов отправляется в Германию работать у знаменитого биолога-эволюциониста Эрнста Геккеля. Здесь его застает начавшаяся мировая война, и он не без труда добирается до России, лишившись части багажа с ценными книгами.

По возвращении из заграничной командировки Вавилов в 1914 году был избран преподавателем Голицынских курсов и одновременно вел летние курсы по частному земледелию в Петровской сельскохозяйственной академии. Но преподавательская деятельность в Москве не дает ему полного удовлетворения и почти не оставляет времени для научной работы. Поэтому в 1917 году Вавилов решает переехать в Саратов — центр изучения сельского хозяйства юго-востока России, где работает на Высших сельскохозяйственных курсах Саратовского общества сельского хозяйства. Здесь он читает курс частного земледелия и селекции. В июле 1918 года Вавилов назначается на должность профессора, заведующего кафедрой частного земледелия вновь организованного Саратовского сельскохозяйственного института.

В том же, 1918 году Вавилов выступает с инициативой организации в Саратове филиала Отдела прикладной ботаники. Несмотря на понятные для тех лет исключительные трудности, Вавилов не только продолжает начатые исследования, но и непрерывно расширяет масштабы работ по прикладной ботанике. Прежде всего он продолжает опыты, начатые в Петровской сельскохозяйственной академии. Это, по его собственным словам (в письме к Регелю), "иммунитет, гибриды и некоторые ботанико-географические работы". Вавилова, конечно же, особенно интересует проблема иммунитета, особенно иммунитета пшеницы. В течение многих веков болезни пшеницы были одной из самых главных помех хорошего урожая.

Еще в 1913 году Вавилов открыл любопытный факт: многие из пшениц обладали иммунитетом одновременно к разным грибковым болезням. Работы в Саратове убедительно показали, что многие сорта пшеницы оказались устойчивы одновременно к различным видам ржавчины, головни и мучнистой росы. Это явление он назвал "групповым иммунитетом". Вавилов пришел к очень важному для селекции хлебных злаков выводу, что групповой иммунитет должен быть поставлен в основу селекционной работы на устойчивость к заболеваниям. И другой столь же важный для селекции вывод: пшеница сохраняет иммунитет к болезням независимо от места ее произрастания.

Осенью 1918 года Вавилов закончил свою работу по

иммунитету растений к инфекционным заболеваниям, и в начале 1919 года по инициативе Д.Н. Прянишникова она публикуется в "Известиях Петровской сельскохозяйственной академии". Статья выходит с надписью: "Посвящаю памяти великого исследователя иммунитета Ильи Ильича Мечникова". Проблемой иммунитета Вавилов продолжает интересоваться всю жизнь.

Со старшим сыном Олегом. 1925 г.

Н.И. Вавилов, Уильям Бэтсон и Оскар Фогт. Детское село. 1925 г.

Крупным событием в жизни Николая Ивановича Вавилова и историческим событием в науке был III Всероссийский селекционный съезд в Саратове. Здесь 4 июля 1920 года Вавилов выступил с докладом "Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости". Это был один из звездных часов ученого. "Бесчисленное многообразие, хаос бесконечного множества форм заставляет исследователя искать пути систематизации, синтеза. Необходимо искать пути интеграции наших знаний о многообразии разновидностей, рас и видов. На очереди перед исследователем растительного и животного мира стоит проблема выяснения закономерностей в проявлении полиморфизма, установления классов полиморфизма, так же как это было в свое время в изучении неорганического и органического мира", — говорил Вавилов. Изучая детально разновидности и расы, которыми пред-

ставлены различные виды, Вавилов открыл тождество рядов морфологических и физиологических свойств, характеризующих разновидности и расы у близких видов, параллелизм рядов видовой генотипической изменчивости. Так, многочисленные расы в пределах различных разновидностей одного и того же вида пшениц, изученные в лаборатории Вавилова, выявили очень ясно выраженные

параллельные ряды. Та же закономерность была выявлена у овса, ржи, гороха, вики, тыквы, дыни и многих других растений. Выяснилось, что чем ближе генетически виды, тем резче и точнее проявляется параллелизм морфологических и физиологических признаков. Более того, сравнивая состав ближайших родов, Вавилов открывает то же тождество в рядах генотипической изменчивости. Из всех этих наблюдений докладчик делает следующие фундаментальные выводы: 1. Виды и роды, генетически близкие между собой, характеризуются тождественными рядами наследственной изменчивости с такой правильностью, что, зная ряд форм для одного вида, можно предвидеть нахождение тождественных форм у других видов и родов. Чем ближе генетически расположены в общей системе роды и виды, тем полнее тождество в рядах их изменчивости. 2. Целые семейства растений в общем ха-

рактеризуются определенным циклом изменчивости, проходящей через все роды, составляющие семейство.

Эти закономерности в полиморфизме организмов Вавилов сравнивает с гомологическими рядами органической химии, с рядами предельных и непредельных углеводородов. Ведь в общем каждый углеводород дает тождественный ряд соединений.

Доклад молодого ученого (Вавилову тогда было неполных 33 года) произвел неизгладимое впечатление. Известный агроном и почвовед Н.М. Тулайков сказал: "Что можно добавить к этому докладу? Могу сказать только одно: не погибнет Россия, если у нее есть такие сыны, как Николай Иванович". А физиолог растений профессор В.Р. Заленский произнес слова, которые не раз цитировались впоследствии: "Съезд стал историческим. Это биологи приветствуют своего Менделеева".

В резолюции съезда говорится: "Ныне профессору Н.И. Вавилову удалось уловить в процессах изменчивости закономерность, которая открывает перед нами в данной области новую эпоху. Н.И. Вавилов заметил удивительную повторяемость или периодичность признаков в различных группах и рядах растительного мира, которая дает возможность предсказывания существования неизвестных еще форм наподобие того, как периодическая система Менделеева давала возможность предсказывать существование неизвестных элементов. Мы становимся таким образом на путь планомерного изучения законов изменчивости, причем, что чрезвычайно существенно для науки, данные описательных отделов ботаники, морфологии, анатомии и систематики здесь тесно переплетаются с экспериментом, исследованиями генетиков, осуществляется возможность соединения и синтеза, которые должны привести к пониманию способов эволюции. Для практики исследования Н.И. Вавилова также представляют чрезвычайную важность, так как дают возможность планомерно выискивать и создавать путем скрещивания новые ценные культурные породы и сразу сильно облегчают ориентировку среди огромного многообразия культурных растительных форм.

Н.И. Вавиловым даже в одном этом его докладе выявлены такие черты исследования, которые должны сделать его особенно ценным и дорогим для науки и государства. Он соединяет в себе качества крупного

ученого-ботаника и выдающегося агронома-практика". В резолюции съезда отмечено также, что Вавилов обладает исключительным умением объединять на крупном деле коллективные усилия своих многочисленных сотрудников, заражать их своей энергией и любовью к науке. Очень важно и интересно следующее положение резолюции: "Советская Россия предоставляет широкую возможность выдвигать выдающихся людей и обеспечивает им возможность осуществлять свои начинания в интересах государства. Это должно быть сделано и в отношении к Н.И. Вавилову, тем более что в данном случае Советская Россия действовала бы не только в своих интересах, но и в интересах мировой науки и культуры". Съезд рукоплещет ученому. Более того, съезд посылает в Москву телеграмму:

"Москва, Совнарком, Луначарскому. Копия — Совнарком, Середе.

На Всероссийском селекционном съезде выслушан доклад проф. Н.И.Вавилова исключительного научного и практического значения с изложением новых основ теории изменчивости, основанной главным образом на изучении материала по культурным растениям. Теория эта представляет крупнейшее событие в мировой биологической науке, соответствуя открытиям Менделеева в химии, открывает самые широкие перспективы для практики. Съезд принял резолюцию о необходимости обеспечить развитие работ Вавилова в самом широком масштабе со стороны государственной власти и входит об этом со специальным докладом".

ЛИДЕР

Этот съезд был поистине праздником науки. Хотя он происходил в исключительно трудных условиях, когда страна еще не вышла из состояния разрухи, но общее настроение на съезде было оптимистическим, полным веры в будущее, и молодого ученого окружала обстановка благожелательности. Всем было ясно, что перед ними выдающийся ученый, ученый исключительно одаренный, истинный "генератор идей", как теперь принято выражаться. Не было и тени зависти и недоброжелательности. Это все будет позднее и в избытке. А пока Вавилов получает всемерную помощь для продолжения своих работ.

"Если ты встал на путь ученого, — говорил Вавилов, — то помни, что обрек себя на вечные искания нового, на беспокойную жизнь до гробовой доски. У каждого ученого должен быть мощный ген беспокойства. Он должен быть одержимым". Одержимость и была одной из характерных черт Вавилова. Характерна для него была также удивительная широта научных интересов. Его интересуют многие проблемы биологии и агрономии. Уже в самом начале своей научной деятельности он увлекся проблемой происхождения культурных растений. В разговорах с коллегами он высказывал мысль о существовании на Земле центров происхождения культурных растений. Будучи прирожденным путешественником, Вавилов мечтает об экспедициях во все предполагаемые очаги формирования культурных растений.

В 1883 году выдающийся швейцарский ботаник Альфонс де Кандоль, иностранный член Петербургской Академии наук, издал свою знаменитую книгу о происхождении культурных растений. Но Вавилова интересовала не только чисто ботаническая сторона вопроса. Он пытается выяснить, в каких именно областях Земли сконцентрировано наибольшее разнообразие форм и разновидностей культурных растений. Ведь это важно для селекционера, он должен знать, где ему искать исходный материал. В Саратове Вавилов разрабатывает тот теоретический фундамент, который позволит ему по-новому подойти к вопросу о происхождении сельскохозяйственных растений. Он понимает, что практическое значение будущих исследований велико — сконцентрированное в отдельных географических областях разнообразие форм и разновидностей позволит полнее и глубже изучить их и найти среди них лучшие для интродукции и селекции. В посмертно изданной и оставшейся незавершенной книге Н.И. Вавилова "Пять континентов" он пишет: "Американский опыт интродукции дает много поучительного, но совершенно ясно, что в нем отсутствовала одна основная идея, которая неизбежно должна быть главенствующей, — идея ботанической географии, идея эволюции растительного мира, последовательность этапов, изменчивости в пространстве и времени, свойственной культурным и диким растениям. Соответственно в план наших экспедиций было положено учение о происхождении культурных растений, об их эволюции; соответственно

разрабатывались маршруты и проводились сборы". Таким образом, эмпирическому подходу американских исследователей Вавилов противопоставляет глубоко теоретически обоснованную идею систематического изучения и систематических поисков. Эта идея окончательно созрела у него уже в Саратове. Тогда же были намечены возможные центры происхождения культурных растений. Нужны были экспедиции в самые различные области Земли, так как собранный им ранее материал в Иране, на Памире и на юго-востоке России недостаточен. Но в Саратове он не мог этого сделать. Нужно было переехать в Петроград, тем более что ему все труднее было руководить Отделом прикладной ботаники из Саратова.

В марте 1921 года Вавилов вместе с группой сотрудников переезжает в Петроград. Начинается новый этап в научной, организационной и общественной деятельности Вавилова. Вскоре из Соединенных Штатов приходит письмо с приглашением двух советских ученых на Международный съезд по болезням хлебных злаков. Кому ехать? Было ясно, что должны ехать Н.И.Вавилов и А.А.Ячевский. Но вопрос о поездке решался не учеными, и Вавилову пришлось ехать в Москву, где он обходит разные учреждения, пишет письма, уговаривает и доказывает бюрократам и столоначальникам, этим "всемогучим ничтожествам", необходимость этой поездки. Нужно согласие многих и самых разных учреждений, нужны многочисленные "согласования". "Если бы я знал раньше, — писал Вавилов своей жене, — каких хлопот будет стоить Америка, м.б., я воздержался бы от этого предприятия... Но я решил со своей стороны сделать все. Поездка *нам всем* даст так много, что надо попытаться". Наконец благодаря энергии и настойчивости Вавилова ему удается "пробить" эту столь нужную для страны поездку. Ведь дело идет о болезнях хлебных злаков!

В Соединенных Штатах Вавилова интересуют исследования культурных растений и успехи в области селекции. Его прежде всего интересуют работы Бюро растениеводства в Вашингтоне, широко известного своей мировой коллекцией культурных растений. Не меньший интерес вызывали и успехи американских генетиков, особенно знаменитого Томаса Гента Моргана и его сотрудников, генетические исследования которых привлекали

внимание всего мира. Успех Моргана и его школы объясняется не только талантливостью исследователей, но также исключительно удачным выбором объекта для экспериментов. То была крошечная плодовая мушка дрозофила. Она легко и быстро размножается и к тому же содержит в своих половых клетках всего четыре хромосомы. Школе Моргана удалось обосновать и блестяще развить выдвинутую еще ранее другими исследователями хромосомную теорию наследственности, согласно которой хромосомы являются носителями генов и тем самым определяют наследственные свойства клеток и организмов. Элементарные сведения о хромосомной теории наследственности читатель найдет в любом современном школьном учебнике общей биологии. Но в те годы еще не все было так ясно, как в наше время, и у самого Вавилова были некоторые сомнения. Морган отнесся с полным пониманием к вопросам Вавилова, и русский гость ему настолько понравился, что он предложил ему посидеть с его учениками в лаборатории и самому проанализировать тот фактический материал, на котором построена хромосомная теория. Вавилов был в восторге. Он мог только мечтать о такой замечательной возможности — поработать хотя бы короткое время в лаборатории одного из признанных лидеров генетики. Вавилов был поражен большим творческим подъемом, с которым работали ученики и сотрудники Моргана. Это было ему близко. Он сам так работал. Результатами совместной работы с американскими генетиками Вавилов был глубоко удовлетворен. Они окончательно убедили его в справедливости хромосомной теории наследственности.

По возвращении Вавилов снова окунется с головой в научную и организационную работу. ”В Царском Селе ведем не на жизнь, а на смерть борьбу за создание генетической станции”, — пишет он своему другу в Саратов П.П. Подъяпольскому. Постепенно он собирает вокруг себя очень сильную группу способных и талантливых ученых. Все они тянулись к Вавилову и охотно оставляли свои кафедры, лаборатории, станции, лишь бы быть ближе к нему. Их тянуло не только удивительное личное обаяние Вавилова, но и вавиловская стратегия научного поиска, дающая широкий простор научным интересам исследователя, его творческой индивидуальности.

Интенсивно создаваемая Вавиловым мировая коллекция культурных растений требовала всесторонних исследований. В нее включаются не только растениеводы-селекционеры и ботаники, но и генетики, цитологи, физиологи и биохимики. Организуются так называемые географические посевы. Около двухсот сортов разных культурных растений ежегодно высевались в разных климатических и почвенных условиях. Число пунктов, в которых велись наблюдения, от двенадцати быстро возрастает до ста пятнадцати. Это дает возможность Вавилову и его сотрудникам изучить поведение одного и того же сорта в разных условиях среды. Выявились интересные закономерности. За эти работы, получившие широкую известность, позднее, в 1927 году, на Международном съезде в Италии Вавилов удостоен золотой медали. Съезд постановляет провести под руководством Вавилова географические посевы в мировом масштабе.

В 1922 году произошло важное событие. Отделы бывшего Сельскохозяйственного ученого комитета были объединены в Государственный институт опытной агрономии, директором которого согласился стать Вавилов. В наше время, особенно после недавнего засилья геронтократии, трудно себе представить тридцатипятилетнего ученого во главе всей сельскохозяйственной науки страны. 1 декабря 1923 года Вавилов избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР. А в 1924 году Отдел прикладной ботаники и селекции превращается во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур. Перед Вавиловым открываются новые более широкие возможности. Теперь он может начать организацию экспедиций в очаги происхождения культурных растений.

В 1924 году ему наконец удается поехать в Афганистан — он был включен в качестве курьера (!) в советскую дипломатическую группу. В голове Вавилова уже созрели основные контуры его знаменитой теории центров, и он уже знал, что нужно искать в Афганистане. Поездка дает богатейший материал для развития вавиловской теории географических центров происхождения культурных растений. За эти исследования Вавилову присуждается золотая медаль имени Н.М. Пржевальского. Но еще до афганской поездки Вавилов побывал в Иране, Канаде, США и Западной Европе, не говоря о поездках по

Советскому Союзу. Эти поездки плюс феноменальное знание мировой литературы дают Вавилову достаточно материала для написания знаменитой монографии "Центры происхождения культурных растений", опубликованной в 1926 году и удостоенной в том же году премии имени В.И. Ленина. До конца своей жизни Вавилов разрабатывает свою теорию географических центров. Даже

в тюрьме Вавилов продолжал писать на близкую ему тему. В одном из писем к Берии он пишет: "Во время пребывания во внутренней тюрьме НКВД, во время следствия, когда я имел возможность получать бумагу и карандаш, мною написана большая книга "История развития земледелия (мировые ресурсы земледелия и их использование)"... Рукопись этого последнего труда Вавилова исчезла, скорее всего, безвозвратно.

Труды Вавилова о центрах происхождения культурных растений получили мировую известность. После гибели Вавилова теория центров развивалась как его сотрудниками и учениками, так и зарубежными учеными. Особенно большую известность получили работы Петра Михайловича Жуковского о первичных и вторичных генцентрах. В ряде работ было показано, что очаги генетического разнообразия культурных растений не обязатель-

но являются также центрами их происхождения. Однако, как это было хорошо известно Вавилову, центры происхождения, если даже они не совпадают с очагами разнообразия, как правило, не бывают сколько-нибудь удалены от них географически.

Вавиловское учение о центрах широко используется для получения исходного материала для селекции. Если до Вавилова селекционеры искали свой материал до некоторой степени вслепую, то теперь они получили как бы ориентир его местонахождения. Поэтому естественно возникла необходимость охраны, и охраны в мировом масштабе, этих резервуаров бесчисленного количества уникальных генов. Сохранение этих генетических ресурсов стало одной из важнейших задач глобальной охраны природы. Уже сам Вавилов неоднократно указывал на необходимость сохранения этих очагов. Я был свидетелем, как в 1935 году Вавилов говорил в Ереване о необходимости охраны находящегося недалеко от города редкого местонахождения дикорастущей пшеницы. Он даже написал об этом статью, напечатанную в переводе на армянский язык в республиканской газете. Но "Центры происхождения культурных растений" были интересны не только для растениеводов и ботаников. Они интересны также для географов и для историков материальной культуры.

Н.И. Вавилов
и известный
биолог-теоретик
Э.Бауэр. 1929 г.

Уже в двадцатых годах, особенно после выхода в свет его классической работы, Вавилов становится одной из наиболее ярких и заметных фигур в научной и общественной жизни страны. В эти годы он — общепризнанный глава сельскохозяйственной науки нашей страны и один из лидеров биологии. В 1924 году он назначается директором созданного им Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (с 1930 года — Всесоюзный институт растениеводства ВАСХНИЛ), а с 1926 по 1935 год он избирается членом ЦИК СССР. В 1929 го-

ду Вавилов избран академиком Академии наук СССР и Академии наук УССР и с 1929 по 1935 год — президентом ВАСХНИЛ. В 1930 году Вавилов избирается директором лаборатории генетики Академии наук СССР (с 1933 года — Институт генетики Академии наук СССР), а в 1931 году президентом Всесоюзного географического общества. По инициативе Вавилова организуется ряд

В Буэнос-Айресе. 1930 г.

Н.И. Вавилов (второй справа) осматривает кубанское опытное поле ВИРа. Фото 30-х годов

новых научно-исследовательских учреждений. Вавилов был талантливым организатором науки.

ЛЫСЕНКОВЩИНА

Но Вавилову становилось все труднее и труднее. На его творческом пути возникает все больше помех, а затем и открытой вражды, которая скоро переходит в организованную травлю, завершившуюся арестом. Но трагедия Вавилова не была только личной, она была частью трагедии эпохи. Уже во второй половине двадцатых годов начинается полное подавление гласности и переход к командно-административным методам управления. Начинается демонтаж ленинской новой экономической политики, ”хозрасчетного социализма”. В сельском хозяйстве это привело к насильственной сплошной коллекти-

визации со всеми трагическими ее последствиями для нашей страны. Устанавливается авторитарно-деспотический режим. Начинаются репрессии, например, по вымышленному делу так называемой "трудовой крестьянской партии". В 1929 году подвергается гонениям и аресту создатель эволюционной генетики, один из наиболее выдающихся биологов мира Сергей Сергеевич

Четвериков. Начинаются нападки и на других биологов, в том числе на Николая Константиновича Кольцова. Тучи начинают сгущаться и над Вавиловым. Но, вероятно, судьба Вавилова не была бы столь трагической, если бы не появление зловещей фигуры Трофима Лысенко.

Лысенковщина — явление социальное, одно из порождений сталинщины. Но как это ни парадоксально, возвышению этого лжеученого и авантюриста в некоторой степени способствовал и сам Вавилов. Характерными чертами Вавилова были исключительная доброта и терпимость, доверчивость и благожелательность к людям. Поэтому неудивительно, что, услышав в 1927 году о Лысенко, Вавилов заинтересовался его работами и послал для знакомства с ними одного из своих сотрудников, молодого талантливого ученого Николая Родионовича Иванова, который по возвращении сказал ему, что хотя

Лысенко и не без способностей, но как экспериментатор он самоучка, малообразован и крайне самолюбив, считает себя новым мессией биологической науки. Вавилов заинтересован, он призывает к тщательной проверке опытов. Но желание проверить работы новоявленного экспериментатора встречает противодействие, и не только самого Лысенко. Ведь Лысенко обещает быстрое восстановление сельского хозяйства. Он импонирует самому Сталину. Сталин берет Лысенко под защиту. В этом малокультурном, угрюмом, замкнутом человеке с параноидальным мышлением и деформированной моралью Сталин видит родственную душу, верит ему, верит больше, чем даже самым крупным ученым. В этом сказывается не только свойственная Сталину неприязнь и недоверие к интеллигенции, но и желание сделать их козлами отпущения за провал сельского хозяйства. Характерно, что во время выступления Вавилова на одном из заседаний в Кремле Сталин прерывает его сердитым окриком: "Это вы, профессора, так думаете. Мы, большевики, думаем иначе". Профессоров он не любил.

Карьера Лысенко в эпоху сталинщины была обеспечена. Но, повторим, по иронии судьбы быстрой карьере этого человека способствует и Вавилов. В 1932 году он посылает письмо президенту Украинской Академии наук А.А. Богомольцу с просьбой избрать Лысенко членом-корреспондентом, а в 1933 году даже ходатайствует о присуждении ему Государственной премии. Более того, в 1934 году Вавилов предлагает избрать Лысенко членом-корреспондентом Академии наук СССР. Это уже было непонятно. Ведь в это время Вавилов уже хорошо знал, что из себя представляет Лысенко, ибо я сам слышал от Вавилова достаточно выразительную характеристику его. Объяснение этого парадокса может быть только одно: для того чтобы оградить науку, обезопасить созданные им научно-исследовательские учреждения, Вавилов был вынужден идти на компромиссы с "боярским домом", как он любил выражаться. Молодому читателю, живущему в эпоху начавшейся перестройки и широкой гласности, трудно это понять, но нам, его современникам, жившим и работавшим в те времена, понять поведение Вавилова было легче. Все общество, особенно средние и верхние (в том числе самые верхние) его эшелоны, жило в атмосфере своеобразного "двоемы-

слия" — говорили и делали далеко не всегда то, что думали. Но в своих уступках Вавилов пошел явно дальше, чем требовали тактические соображения. Фактически он сам, своими руками, помог вырасти своему самому опасному врагу. Это была не только личная трагедия великого ученого, но и трагедия нашего общества. Уступки Вавилову не помогли. Запрещение в 1935 году празднования юбилея Всесоюзного института растениеводства (ВИР) и 25-летия научной деятельности Вавилова это ясно показало.

Травля Вавилова началась уже внутри Всесоюзного института растениеводства. В 1930 году при ВАСХНИЛ создается институт аспирантуры, который вскоре передается ВИРу. Однако аспирантура пополняется в большинстве людьми с очень слабой подготовкой, как правило, без знания иностранных языков и очень поверхностно знакомыми с сельскохозяйственными науками, к тому же совершенно не знающими генетику. Овладение законами Менделя и хромосомной теорией наследственности требует определенных интеллектуальных усилий, и не всем аспирантам это оказалось по силам. Некоторых гораздо больше привлекала легко доступная им лысенковская демагогия. Эта группа аспирантов, а вместе с ними и некоторые малоподготовленные и морально малоустойчивые молодые сотрудники образовали в институте пятую колонну лысенковцев. Они обвиняли Вавилова в отрыве от практики, в антидарвинизме и даже в реакционности. Когда Вавилов вернулся из экспедиции в США, Мексику и Центральную Америку, он застал в институте такой разгул клеветнических выступлений, что был вынужден обратиться в президиум ВАСХНИЛ и к народному комиссару земледелия Якову Аркадьевичу Яковлеву.

Но клеветники были не только в институте. Вавилову навязывают так называемые "дискуссии", на которых лысенковцы, особенно хорошо известный в те годы проходимец и опытный интриган И.И. Презент и "философы" во главе с небезызвестным М.Б. Митиным, задают ему провокационные вопросы и обвиняют в реакционности. Пишутся клеветнические статьи и даже брошюры. Более того, начинаются прямые политические доносы. В результате всего этого уже в 1931 году на Вавилова было заведено агентурное дело, которое постепенно распуха-

ло. Как удалось выяснить писателю Марку Александровичу Поповскому, ко дню ареста число агентурных томов выросло до семи. Число доносов особенно возросло к концу тридцатых годов. Такие, как ныне покойный цитогенетик Елена Карловна Эмме, писали доносы со страха или по принуждению, но другие, а их большинство, писали по соображениям карьеры или просто из агрессивной зависти. Один из наиболее гнусных доносов, датированный мартом 1938 года, принадлежал старшему научному сотруднику ВИРа Григорию Николаевичу Шлыкову. ”Просто трудно представить, чтобы реставраторы капитализма прошли мимо такой фигуры, как Вавилов, авторитетной в широких кругах агрономии, особенной старой”,— пишет этот негодяй. Но самой страшной и, вероятно, решающей в судьбе Вавилова была жалоба Лысенко на него во время одного из приемов в Кремле. По некоторым данным, это было в марте 1939 года. На этом приеме Лысенко дал ясно понять, что Вавилов является помехой в его деятельности на пользу социалистическому хозяйству. Ему удалось вызвать недовольство Сталина, а присутствовавший при этом Берия сделал соответствующие ”оргвыводы”. Судьба Вавилова была решена. Почему же его не арестовали тогда же? Есть все основания полагать, что арест затянулся из-за предстоящего Международного генетического конгресса.

НЕНАДЕТАЯ МАНТИЯ

Летом 1939 года в Эдинбурге должен был состояться VII Международный генетический конгресс, президентом которого еще в 1938 году был избран Вавилов. Но Вавилову, несмотря на его обращение в Академию наук и в правительство, было отказано в поездке. Президентом конгресса пришлось избрать другого ученого — английского генетика профессора Ф. Крю. На открытии конгресса, обращаясь к его участникам, он сказал: ”Вы пригласили меня играть роль, которую так украсил бы Вавилов. Вы надеваете его мантию на мои не желающие этого плечи. И если я буду выглядеть неуклюже, то вы не должны забывать: эта мантия сшита для более крупного человека”. Что могло быть большим свидетельством международного авторитета Вавилова, чем эти слова? Не-

удивительно, что даже такой человек, как Берия, не решился арестовать его в год проведения конгресса.

Вавилов уже чувствовал надвигающийся арест, он иногда даже говорил об этом. Когда я видел Николая Ивановича на одном из его докладов в Ленинграде, вид у него был усталый, немного грустный, и заметно прибавилось седых волос. Но человек он был мужественный, держался бодро, говорил горячо о науке.

И вот 6 августа 1940 года, во время экспедиции в Западную Украину, Вавилова арестовали. Во время этой поездки, которую он совершал вместе со своим учеником Фатихом Хафизовичем Бахтеевым, Вавилов получил интересные результаты, но свои новые находки ему уже не удалось опубликовать. История гибели Вавилова — одна из самых трагических историй нашего века.

В 1983 году в США вышла книга "Дело академика Вавилова". Ее автор М.А. Поповский, досконально изучивший дело № 1500, подробно рассказал о результатах своей работы в архивах в ряде докладов, прочитанных в разных научных учреждениях нашей страны, в том числе в Ботаническом институте АН СССР и во Всесоюзном институте растениеводства, в конце 60-х годов. В своих докладах он огласил все важнейшие документы и свидетельские показания.

Допрос Вавилова начался утром 12 августа 1940 года в Москве во внутренней тюрьме НКВД. Старший лейтенант Алексей Григорьевич Хват начинает допрос словами: "Вы арестованы как активный участник антисоветской вредительской организации и шпион иностранных разведок. Признаете ли вы себя виновным?" Ответ Вавилова: "Нет, не признаю. Шпионом и участником антисоветских организаций я никогда не был. Я всегда честно работал на Советское государство". Но следователь со столь выразительной фамилией был аналогом рыбаковского Шарока (гомологический ряд?). Ответ Вавилова его не удовлетворяет. Он продолжает допрос целых одиннадцать месяцев и за это время вызывает Вавилова к себе четыреста раз. Четыреста сеансов глумления и истязания!

В первые дни допроса Вавилов держался очень твердо и решительно отрицал выдвинутые против него абсурдные обвинения. Но следователь — инквизитор бериевской выучки — умел "раскалывать" и таких мужествен-

ных, твердых и волевых людей, как Вавилов, и 24 августа добивается "признания". Более того, Хвату удается заставить Вавилова написать на двенадцати страницах совершенно фантастическое заявление, озаглавленное "Вредительство в системе Института растениеводства, мною руководимого с 1920 года до ареста (6.VIII.1940 года)". Написать такое Вавилова заставили, конечно же, пытки, унижения и бессонные ночи. Было ясно, что упорствовать и опровергать клевету совершенно бесполезно, сопротивляться бессмысленно. Полностью опровергал Вавилов только обвинение в шпионаже. Но в шпионаж, как, впрочем, и во многое другое, не верили и его палачи.

После того как Вавилов "признал" себя "вредителем и врагом народа", до марта 1941 года его больше не вызывают на допросы, и, сидя в одиночной камере, он мог отдаться своим мыслям. Но Вавилов все еще оставался Вавиловым. Он не мог бездействовать: пишет давно задуманную книгу об истории мирового земледелия. Мог ли еще кто-нибудь в мире, кроме Вавилова, написать такую книгу? Под рукой он не имел ничего, кроме карандаша и бумаги, но зато обладал поистине безграничными знаниями. Это был последний подвиг великого ученого и великого гражданина.

В марте 1941 года снова начинаются допросы. К этому времени он был переведен в двадцать седьмую камеру Бутырской тюрьмы, в которой уже сидели около двухсот человек. По словам М.А.Поповского, один из сидевших там арестантов (художник Г.Г.Филипповский) рассказывал ему, что, когда его втолкнули в камеру, он сразу заметил пожилого человека, который, лежа на нарах, задирал кверху опухшие ноги с огромными вздутыми синими ступнями. Это был Вавилов, лишь недавно вернувшийся после ночного допроса, где следователь продержал его стоя более десяти часов. Лицо его было отечным, с мешками под глазами. Каждую ночь Вавилова уводили на допрос, а на рассвете, обессиленного, волокли назад и бросали прямо у порога камеры. До своего места на нарах Вавилов добирался ползком (стоять, а тем более ходить, он уже не мог), где соседи кое-как стаскивали с его ног ботинки. После этих новых допросов, во время которых Хват всячески хамил, глумился, оскорблял и унижал Вавилова, он сильно изменился, помрачнел, почти не разговаривал, замкнулся в себе. Вскоре Вавилова переве-

ли во внутреннюю тюрьму НКВД, а 9 июля 1941 года состоялась комедия суда над ”троцкистом и монархистом”.

Перед судом следователь организовал экспертизу научной деятельности Вавилова. Организованная Хватом ”экспертная комиссия” состояла из явных противников и личных врагов Вавилова. Бывший ”аспирант” ВИРа С.Н. Шунденко не только помогал ему в подборе ”экспертов”, но и принимал активное участие в составлении ”заключения”. В своих воспоминаниях Евгения Николаевна Синская, одна из ближайших и старейших сотрудниц Вавилова, пишет о Шунденко: ”Что-то опасное чувствовалось в нем, в его щуплой, вертлявой фигуре, черных пронзительных, беспокойно шарящих глазах. Он быстро сошелся с другим таким же отвратительным типом — аспирантом Григорием Шлыковым, и они вдвоем принялись дезорганизовывать жизнь института”. Этот, по словам академика ВАСХНИЛ М.И. Хаджинова, ”поразительно невежественный человек”, который в 1938 году, несмотря на резкий протест Вавилова, был назначен заместителем директора ВИРа по науке, оказался для следователя Хвата находкой. Он умело подобрал экспертов (”кадры” он знал вполне профессионально), и когда Хват послал список президенту ВАСХНИЛ, чтобы тот мог ”познакомиться со списком комиссии и высказаться по ее составу”, то президент написал на полях: ”Согласен, Лысенко”. Состав экспертной комиссии его вполне устраивал. На закрытом заседании военной коллегии Верховного суда СССР, которое происходило 9 июля 1941 года и продолжалось лишь несколько минут, Вавилову выносится приговор — высшая мера наказания, расстрел. В помиловании Вавилову было отказано, и он был переведен в Бутырскую тюрьму для приведения приговора в исполнение.

ПАМЯТНИК

Но Вавилова не расстреляли в Бутырской тюрьме. Расстрел был отсрочен на полтора года. Фактически мгновенная смерть была заменена медленной мучительной смертью, полной унижений.

2 октября 1941 года Вавилов был переведен из Бутырской тюрьмы во внутреннюю тюрьму НКВД, а 15

октября ему было заявлено, что он получит полную возможность научной работы как академик и что это будет выяснено окончательно в течение двух-трех дней. Очевидно, речь шла о его работе в одном из тюремных институтов, в одной из так называемых "шарашек". 8 августа 1941 года Вавилов обращается к Берии с просьбой дать ему возможность закончить в течение полугода составление "Практического руководства для выведения сортов культурных растений, устойчивых к главнейшим заболеваниям", а в течение 6—8 месяцев закончить при напряженной работе составление "Практического руководства по селекции хлебных злаков" применительно к различным условиям СССР. Но он так и не получает ответа из НКВД. 29 октября 1941 года Вавилова на поезде привозят в Саратов. Вавилов попадает в корпус, где содержали наиболее крупных общественных и политических деятелей. Здесь с ним вместе оказались редактор "Известий" Юрий Михайлович Стеклов, философ, историк и литературовед, директор Института мировой литературы Академии наук СССР академик Иван Капитонович Луппол и другие крупные деятели. Сначала Вавилов сидел в одиночке, а затем он попал в камеру, где его соседями оказались И.К.Луппол и инженер Иван Федорович Филатов. Несмотря на ухудшающееся здоровье, Вавилов не падает духом и ободряет товарищей. Вот что, по словам М.А.Поповского, рассказывал уже почти умирающий Филатов механику Г.М.Лозовскому: "Камера была очень узкая, с одной койкой, прикованной к стене, окон не имела. Находилась эта камера в подвальном помещении тюрьмы... Жара, духота... Сидели потные. Одежду свою — холщовый мешок с прорезью для головы и для рук — заключенные называли хитоном. На ногах лапти, плетенные из коры липы. Луппол говорил, что такую одежду носили рабы в Древнем Риме... Вавилов навел дисциплину в камере. Ободрял своих товарищей. Чтобы отвлечь их от тяжелой действительности, завел чтение лекций по истории, биологии, лесотехнике. Лекции читали поочередно все трое". Вавилов держался очень стойко, был бодр и прочитал в камере сто один час лекций по биологии, генетике, растениеводству. Он был настроен оптимистически, много рассказывал о путешествиях. Виновником своего ареста он называл Лысенко.

В камере смертников Вавилов пробыл в общей сло-

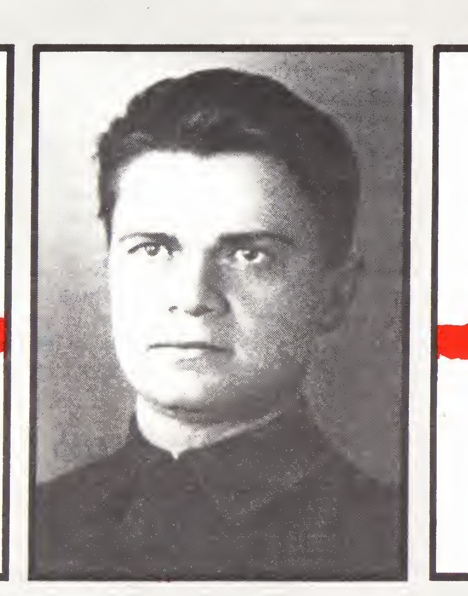
жности около года. За это время арестантов ни разу не вывели на прогулку. Им было запрещено переписываться с родными, получать передачи. Их не выпускали в баню и даже не давали мыло для умывания в камере. К весне 1942 года состояние Вавилова ухудшилось и он тяжело заболел цингой. 25 апреля 1942 года Вавилов пишет душераздирающее письмо Берии, в котором мольба о возвращении к труду. ”Прошу и умоляю Вас о смягчении моей участи, о выяснении моей дальнейшей судьбы, о предоставлении работы по моей специальности, хотя бы в скромнейшем виде...” Вавилов просит также разрешение повидаться с семьей или хотя бы что-нибудь узнать о ней. Но весной 1942 года в тюрьме разыгралась эпидемия дизентерии. Заболел и Вавилов. Но и это испытание не было для него последним. К двум академикам, Вавилову и Лупполу, посадили какого-то умалишенного, который, пуская в ход кулаки и зубы, отнимал у них утреннюю пайку хлеба. А в это время в Саратове жила поселившаяся у своей сестры-учительницы жена Вавилова доктор биологических наук Елена Ивановна Барулина. Но о том, что муж ее в Саратове, она не знала (продуктовые посылки, приобретенные на ее более чем скромные средства, Барулина посылала в Москву, где они исчезали в недрах НКВД). Вавилов тоже ничего не знал о жене. Как не знал и о том, что в мае 1942 года был избран членом Лондонского королевского общества.

Между тем 13 июня 1942 года заместитель народного комиссара внутренних дел В.Н. Меркулов пишет председателю военной коллегии Верховного суда СССР Ульриху о Вавилове и Лупполе: ”Ввиду того, что указанные осужденные могут быть использованы на работах, имеющих оборонное значение, НКВД СССР ходатайствует о замене им высшей меры наказания заключением в исправительно-трудовом лагере НКВД сроком на 20 лет каждому”. Президиум Верховного Совета СССР быстро принял постановление. Легко себе представить, с какой радостью Вавилов написал: ”Настоящее постановление мне объявлено 4 июля 1942 года”. Казалось, все будет хорошо. Вавилова и Луппола из подвала перевели в общую камеру на первом этаже. Вскоре отправили в лагерь Луппола. Но Вавилов так и не дождался этого желанного для него теперь лагеря. Он заболел дизентерией и 24 января 1943 года попадает в тюремную больницу, а через

два дня его не стало. Перестало биться сердце одного из величайших сынов России.

Известный американский генетик профессор Гарвардского университета Карл Сакс писал в 1945 году в журнале "Сайенс": "Где Вавилов, один из величайших русских ученых, один из величайших генетиков мира?"

Что мы могли ему ответить?

И.Я. ВРАЧЕВ
(род. в 1898)

У ВРЕМЕНИ В ПЛЕНУ

Альберт НЕНАРОКОВ,
кандидат исторических наук

Лет пятнадцать пазад, когда шла в набор моя книга о Маршале Советского Союза А.И.Егорове, и недавно, когда она переиздавалась, — ни в первый, ни во второй раз я так и не смог добиться, чтобы имя человека, которого хорошо знаю и дружбой с которым горжусь, заслуженно поминалось бы в ней. Как не смог добиться и того, чтобы была дана хотя бы фотография, где он, Иван Яковлевич Врачев, 24-летний начальник политуправления Отдельной Кавказской армии, снят вместе с ее командующим А.И.Егоровым в группе делегатов I Всероссийского съезда Советов, на котором учреждался СССР.

И кто бы ни вычеркивал его фамилию из моей рукописи, кто бы ни отбрасывал в сторону эту фотографию, вины с себя не снимаю. Не доказал. Не отстоял. Должен был, а не смог.

СОЛДАТСКИЙ ДЕПУТАТ

Биография его весьма схожа с биографиями тех, кого подняла к активной жизни революция.

Мальчишка из рабочей семьи, окончивший церковноприходскую школу, с 11 лет работал по найму: на пивоваренном заводе, макаронной фабрике, в типографии, парикмахерской, театрах.

С началом первой мировой войны не сразу, но понял угарность лжепатриотических лозунгов. Попал под влияние большевиков.

А вскоре наступил и февраль 1917 года: революция, митинги, демонстрации, споры. В такое время взрослеют быстрей. В марте вступил в члены РСДРП(б), получив в Бутырском районном комитете партии билет за № 1 ("Тогда не было общей нумерации, — рассказывает он смущенно. — Я оказался в райкоме, когда из типографии поступили билеты, мне и выдали первому".)

В апреле 1917 года призван Временным правительством на воинскую службу. Отправили в Воронеж, рядовым 58-го пехотного запасного полка.

Партийные поручения выполнял споро, толково. Вел

активную агитационную работу. Однополчане избрали председателем ротного, затем и полкового комитета. Стал членом президиума полкового комитета, депутатом гарнизонного, а затем и городского Совета.

В дни переломные энергия и энтузиазм ценятся особо. На молодого солдата обратили внимание. Его поддерживали и выдвигали. И всякий раз вверх по ступеням, что возводились революционным народом.

Иван Врачев. Воронеж. 1917 г.

В Воронежском Совете рядовой Врачев избран членом бюро Военной секции Совета. Вошел в Исполком. Летом 1917 года, когда контрреволюция повсеместно перешла в наступление, а большевики подвергались публичным расправам, стал членом Воронежского комитета партии и председателем бюро Военного района Воронежской организации РСДРП(б). Выезжал на Московскую областную конференцию большевистской партии. Делегат II Московского областного съезда Советов. Встречался с А.С. Бубновым, В.Н. Яковлевой, А. Ломовым (Г.И. Оппоковым) и другими. Работа с ними была пусть краткой, но прекрасной школой.

В Октябрьские дни Врачев возглавил Воронежский штаб Красной гвардии. Входил в состав боевого центра при Воронежском комитете РСДРП(б), был членом ВРК.

Природный ум, обаяние, прекрасные ораторские и организаторские данные, умение быстро решать и прояснять любые вопросы влекли к нему людей. В декабре 1917 года на очередном, III Московском областном съезде Советов Врачева избирают членом Московского областного исполнительного комитета и кандидатом в члены Московского областного бюро РСДРП(б). От Воронежского губернского крестьянского съезда его делегируют в Питер, на III Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Готовился созыв Учредительного собрания, и от позиции крестьянской массы зависела судьба пролетарской власти и всей революции.

На первом же заседании съезда перед собравшимися выступили председатель ВЦИК Я.М. Свердлов и лидер партии левых эсеров М.А.Спиридонова. Было принято решение объединиться с проходившим параллельно III съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, чтобы "одной братской трудовой семьей разрешить стоящие перед Российской Советской Республикой трудные задачи". Вечером того же 13 января 1918 года в Таврическом дворце начались заседания единого III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

18 января Врачев первый раз увидел и услышал В.И.Ленина, выступившего с заключительным словом перед закрытием съезда:

"...Теперь всем, даже, уверен, нашим врагам видно, что новый строй, власть Советов, не выдумка, не партийный прием, а результат развития самой жизни... Теперь мы на расчищенном от исторического хлама пути будем строить мощное, светлое здание социалистического общества".

Потом Врачев будет иметь счастье неоднократно слушать В.И.Ленина, даже беседовать с ним. Но этот день запомнился особо. Ленин говорил "будем строить", а это относилось и к нему. И он этим проникся.

На съезде И.Я. Врачев стал самым юным (ему было 19 лет) членом ВЦИК. Его оставили для работы в Петрограде. 21 февраля на пленуме ВЦИК по предложению Я.М.Свердлова ввели в состав Расширенного Президиума. Солдатский депутат стал одним из руководителей первого трудового парламента России.

КАК ГОТОВИЛСЯ ПЕРЕЕЗД ПРАВИТЕЛЬСТВА В МОСКВУ

В ночь на 2 марта 1918 года Врачева вызвал к себе в кабинет в Таврическом дворце председатель ВЦИК Я.М.Свердлов.

— Мы едем в Москву, — сказал он. — Есть задание ЦК партии и Владимира Ильича. Дел в Москве будет много. Вы едете со мной. Собирайтесь как можно быстрей.

Сборы были недолги. Врачев лишь сбегал в общежитие членов ВЦИК в Смольном за своим вещевым мешком. На Николаевский вокзал прибыл глубокой ночью. В специальном вагоне их ждали революционные матросы из отряда, охранявшего Смольный.

Состав с места резко набрал скорость. Загромыхали колеса на стрелках.

Дел действительно было немало. Предстояло склонить так называемых "левых коммунистов", выступавших против заключения Брестского мира, на сторону ленинского большинства ЦК и подготовить переезд Советского правительства из Петрограда в Москву, где в случае подписания мирного договора надлежало созвать IV Чрезвычайный съезд Советов для его ратификации. Волею судеб Врачев попал в центр событий исторической важности.

По приезде, на второй день, в здании Московского Совета было созвано экстренное заседание его президиума. Яков Михайлович сообщил:

— Совнарком принял решение о переезде правительства из Петрограда в Москву. Оно продиктовано сложнейшей обстановкой на фронте. Надо выбрать месторасположение правительственных учреждений и наметить, где будем собирать IV Чрезвычайный съезд Советов.

Среди членов объявленной комиссии по подготовке переезда правительства в Москву Свердлов назвал и Ивана Врачева.

В год, когда исполнялось 65-летие переезда Советского правительства в Москву, Иван Яковлевич по моей просьбе записал:

"Наиболее оживленный обмен мнениями произошел по первому из поставленных на обсуждение вопросов. Было предложено три варианта размещения правитель-

ства в Москве. Прежде всего некоторые товарищи, по аналогии с Петроградом, стали называть здания, схожие со Смольным. Предлагалось здание дворянского женского института, в прошлом запасного дома дворцового ведомства, — большой дом у Красных Ворот, на углу Садовой-Черногрязской и Ново-Басманной улиц. Называлось и здание Воспитательного дома на Солянке, построенное в 1765 — 1770 годах. Предлагался и Кремль.

Предложение разместить правительство в Кремле было наиболее заманчивым. Кремль — подлинный центр Москвы. В нем много зданий. На случай контрреволюционных выступлений он был удобен и для обороны. К тому же в Кремле в то время хранились самые ценные фонды молодой республики.

Однако звучали и выступления против: Кремль — излюбленное место прогулок москвичей. С размещением в нем правительства свободный доступ придется ограничить, а то и вовсе закрыть. В Кремле находятся храмы. Не будут ли оскорблены религиозные чувства верующих? Не вызовет ли это недовольство у населения?

Историк-коммунист Михаил Николаевич Покровский дал обстоятельную справку об историческом значении Кремля с его замечательными памятниками. Он подчеркнул, что в случае избрания Кремля в качестве резиденции правительства на их сохранность надо будет обратить самое серьезное внимание. Для размещения правительства рекомендовал использовать малоценное в историческом отношении здание Судебных установлений.

Споры разгорались.

Кто-то, фамилии не помню, высказывался против Кремля "по принципиальным соображениям": нельзя-де избирать для размещения правительства первой в мире республики трудящихся резиденцию русских царей.

— Правительство пролетарской революции не может находиться там, где короновались русские самодержцы! — патетически восклицал оратор. — Ведь штаб нашей революции в Питере разместился не в Зимнем или в другом дворце, а в Смольном...

— Но рабоче-крестьянский парламент заседает в Таврическом дворце, — подал реплику Свердлов.

Выступили с рядом веских соображений и в пользу Кремля... Кстати, я высказывался также за Кремль.

В конце обсуждения слово взял Я.М.Свердлов. Он

отверг предложение относительно здания бывшего дворянского женского института из-за его расположения — рядом были основные московские вокзалы, да и от центра по тем временам было далековато.

— Если наше правительство пребывает теперь в Смольном институте, это не значит, что и в Москве ему надо подыскивать институт благородных девиц, — иронически заметил Яков Михайлович.

Отклонил он и предложение об избрании для размещения правительства здания Воспитательного дома и высказался в пользу Кремля.

— Кремль удобен во всех отношениях, — подчеркнул он. — Мы не можем пренебрегать соображениями безопасности, а с этой точки зрения Кремль наиболее подходящее место.

Не обошел он и того, что мотивы против выбора Кремля также серьезны:

— Несомненно, буржуазия и мещане подымут вой — большевики, мол, оскверняют святыни, но нас это меньше всего должно беспокоить. Интересы пролетарской революции выше предрассудков.

Большинством голосов решение было принято в пользу Кремля. На следующий день Я.М.Свердлов уехал в Петроград".

Врачев остался в Москве. Он был среди тех, кому надлежало провести в жизнь принятые решения.

ВЦИК и Совнаркому было предоставлено здание Судебных установлений. Здание бывшего дворянского женского института отдали Народному комиссариату путей сообщения. В 1930 году его надстроили и даже "украсили" башенкой. В нем и сейчас размещаются службы Министерства путей сообщения. В бывшем Воспитательном доме в течение многих лет находились ВЦСПС и ЦК ряда профессиональных союзов. Теперь там Военная академия имени Ф.Э.Дзержинского.

Комиссия деятельно готовилась к встрече членов ВЦИК, Совнаркома, ЦК партии и народных комиссариатов. Комендант Кремля регулярно докладывал о подготовке здания. ВЦИК отвели второй этаж, с входом в центре. Совнаркому предназначили третий, с довольно скромным входом.

Предусмотрели и меры по охране кремлевских дворцов, Грановитой и Оружейной палат. Поздней сформи-

ровали особую комиссию Московского Совета по охране памятников искусства и старины под руководством старого большевика П.П.Малиновского и художника Е.В.Орановского.

В воскресенье 10 марта 1918 года Врачев был среди тех, кто на Николаевском (ныне Ленинградском) вокзале встречал первый правительственный поезд из Петрограда, а на следующий день — В.И.Ленина.

НА ПОЛИТРАБОТЕ В АРМИИ

В августе 1918 года И.Я.Врачев добивается, чтобы его отпустили в действующую армию. Военным комиссаром 3-й Воронежской пехотной дивизии, преобразованной впоследствии в 13-ю стрелковую, он прибывает на Южный фронт. С тех пор и до 1923 года на многих ответственных постах в армии: военком 40-й стрелковой Богучарской дивизии, помощник командующего Кавказской трудовой армии по политчасти, а одно время и ее командарм; с 1921 года — начальник политуправления последнего из оставшихся к тому времени фронтов — Туркестанского.

Здесь в полной мере проявился его дар организатора и руководителя.

Я видел в архивах его документы. Молодой человек с тремя классами церковноприходской школы, пройдя горнило революции, стал действительно, без всяких скидок, блестящим администратором, прекрасным партийным воспитателем, командиром.

Он редактировал один из лучших в Красной Армии журналов — орган политуправления Туркестанского фронта "Еженедельник политработника".

В бытность командующего Ферганской группой войск занялся составлением схемы родовых связей почти всех басмаческих лидеров. Это обеспечило возможность нужных контактов и переговоров, сначала через посредников, затем напрямую. За его подписью для служебного пользования была даже издана специальная брошюра, содержавшая для командного состава сведения данного рода. В ней же обобщались и первые итоги мирной борьбы за массы.

Врачев умел замечать, поддерживать и выдвигать людей.

Именно он дал путевку в большую армейскую жизнь будущему Маршалу Советского Союза Василию Даниловичу Соколовскому, которого рекомендовал на должность помощника начальника оперативного управления Туркестанского фронта.

В августе 1922 года Врачев по просьбе Г.К.Орджоникидзе, поддержанной И.В.Сталиным, переезжает в Закавказье начальником политуправления Отдельной Кавказской армии (ОКА). Этому предшествовала любопытная история.

На X съезде партии, куда Врачев был избран по троцкистской платформе (в те дни это не являлось криминалом, одновременно с ним по этой же платформе на съезд прошли Ф.Э. Дзержинский, В.Н. Яковлева и др.), он выступил с отводом кандидатуры Г.К.Орджоникидзе при выборах в состав Центрального Комитета партии.

Мотивировал это тем, что Орджоникидзе не выдержан, груб, кричит на нижестоящих, а это может привести к срывам и вообще не красит руководителя. Когда Сталин попытался поддержать Орджоникидзе, аудитория плохо восприняла его аргументы. И тогда выступил Ленин. Он свел все к шутке:

— Да, Орджоникидзе кричит. Он на всех кричит. Он и на меня кричит. Но ведь он плохо слышит...

Аргументация была по-человечески проста и понятна. Орджоникидзе в ЦК избрали. В личной беседе с Врачевым (его вызвали из зала заседаний, что зафиксировано в ленинской Биохронике) Владимир Ильич сказал, что, конечно, меняться Орджоникидзе надо: выдержки ему не хватает, вспыльчив. А работник отличный.

Через полтора года Орджоникидзе приехал с партийной проверкой в Туркестан, в том числе и в Ферганскую группу войск, которой командовал Врачев. И вот тут произошло то, что лучше всего свидетельствует о том, какая высоконравственная атмосфера царила в партии. Не держа обид, поняв и приняв все начинания молодого командарма, Орджоникидзе добивается его перевода в Закавказье. Он высоко оценил способность Врачева вести партийно-политическую, воспитательную работу не только в армии, но и среди местного многонационального населения. Этот опыт имел для Закавказья особое значение.

На новом месте Врачев обжился быстро. Это был

легкий, открытый, общительный человек. Его видели то в горных районах Армении, то в пограничной зоне Грузии, то на Каспии в Азербайджане.

Самое серьезное внимание, помимо армейской службы, он уделял развертыванию шефской работы населения над частями ОКА. По инициативе Врачева при президиуме ЗАКЦИКа создается Совет по шефским делам.

Его возглавил Миха Цхакая, старейший революционный деятель Закавказья: в партию вступил с момента основания, в революционном движении с 1896 года. Загружен работой он был сверх меры — и председатель президиума ЦИК Грузинской ССР, и один из председателей ЦИК ЗСФСР, и член президиума ЦИК СССР, но противиться напору начальника политуправления он не смог.

В первый же год для лагерного сбора было собрано 30 тысяч рублей золотом. Сумма по тем временам огромная. 10 процентов отчислений от шефства шли на печать. 10 процентов — на военную кооперацию: чтобы кормить красноармейцев, надо было разводить огороды, вести свое хозяйство. Дневной рацион бойцов составляли полтора фунта хлеба пополам с ячменем и овсом, суп из ржавой селедки, ложка каши и два золотника (8 граммов) масла. Мясо было большой редкостью.

С Николаем Павловичем Чаплиным, который руководил тогда закавказским комсомолом, Врачев ездил в самые отдаленные части, следя за тем, чтобы и политработники, и командиры проявляли максимум чуткого подхода, внимательности к молодежи национальных дивизий. К особенностям быта, национального характера, религиозным чувствам.

По настоянию Врачева в специальном циркулярном письме "Всем комиссарам и командирам дивизий, военкомам армейских управлений, командирам и комиссарам полков и всему ответственному командному и политическому составу Отдельной Кавказской армии" указывалось: "Командирам и комиссарам необходимо помнить, что поддержание авторитета начальника достигается не только путем строгого обращения с подчиненными, но и знанием своего дела, умением работать, учить и воспитывать красноармейцев".

В том, чтобы это стало стилем всей работы, Врачев опирался на армейских политработников Н.С. Окуджа-

ву, Г.А. Осепяна, Е.В. Стельмаха, А.Х. Хумарьяна, командиров корпусов А.И. Тодорского, Н.В. Куйбышева и других. Вместе с некоторыми из них он был избран на X Всероссийский и I Всесоюзный съезды Советов. Его подпись на основных документах, учреждающих образование Союза Советских Социалистических Республик. На I съезде Советов СССР Врачев стал кандидатом в

члены ЦИК СССР. Насколько мне известно, на сегодняшний день он единственный здравствующий из числа учредителей нашего многонационального государства.

Почему же мы совсем не слышим о нем? Почему даже пенсия ему определена без учета того, что он участник Октября и гражданской войны? Перехожу к самому сложному в моем рассказе.

В РЯДАХ ОППОЗИЦИИ

К сожалению, так уж сложилось, что мы привыкли к тому, будто герои революции непременно идеальны. Ошибок им не прощаем. А если они их совершали, то этим автоматически перечеркивалось все, что делалось ими до этого. Вспомним, как пытались опорочить Рас-

кольникова, выискивая у него ошибки и колебания. Но сделать из него троцкиста не удалось ни начальственным чиновникам, ни категоричным и односторонним историкам и писателям. С Врачевым хуже. Его "делать" троцкистом не надо. Он им был. И это разом изменило не только его судьбу. Это отняло у него прошлое. Любые заслуги в этом прошлом.

И.Я. Врачев (третий слева в первом ряду) с делегатами I Всесоюзного съезда Советов. Декабрь 1922 г.

Подпись члена полномочной делегации от ЗСФСР И.Я. Врачева на Договоре об образовании СССР

Мне кажется, что мы слишком расточительны. Дело не в личной судьбе Ивана Яковлевича, а в том, что, оценивая собственную историю и ее героев сквозь призму лишь более поздних оценок и выводов, мы лишаем ее светотени. Безлюдность именно отсюда: из страха помянуть добрым словом отступника.

Делегат XIII партийной конференции И.Я.Врачев активно отстаивал интересы оппозиции. Протестуя против утвердившихся, как он говорил, методов борьбы с оппозицией, ставших к тому времени практикой и которые, по его словам, трудно сочетались с принятым курсом на демократию, Врачев, обращаясь к тем, кто прерывал его, сказал довольно резко:

— Товарищи, может быть, у нас осталось всего несколько часов полной демократии, так разрешите нам этими часами воспользоваться...

Он защищал Троцкого, ибо, не зная еще оценок последнего ленинского письма, считал, что основной причиной грядущего раскола стали отношения между Сталиным и Троцким. Вот почему Врачев спрашивал Сталина прямо:

"1. Как ЦК думает проводить резолюцию, которая объединяет всю партию, — все с ней согласны, — резолюцию, которую партия приняла восторженно и с приветствиями?..

2. Будет ли ЦК и дальше продолжать борьбу со всяким, кто не одобряет целиком и полностью линию ЦК, теми методами, которые осуществлялись в последнее время, или от них откажется? Будет ли ЦК применять систему смещения с советской и партийной работы представителей оппозиции, симптомы чего мы теперь уже видим? И в частности (и эта частность имеет громадное значение для всей нашей партии, для нашей страны и для мирового рабочего движения), какой политики ЦК думает держаться по отношению к тов.Троцкому? Станет ли он и здесь на путь изоляции этого выдающегося деятеля нашей партии или нет?

Пусть тов. Сталин даст на эти простые и ясные вопросы простые и ясные ответы".

Ответов не было.

По поводу выступления Врачева на XIII партконференции скажу: он выступил так, что и другой, менее капризный, более лояльный, помнил бы это долго. Сталин помнил всю жизнь.

Реакция была резкой и незамедлительной. Решением ЦК Врачева снимают с партийно-политической работы и отзывают в Москву. Он назначается заместителем председателя Маслоцентра Центрального союза молочной кооперации.

Летом 1926 года Врачев подписал известное Заявление 83-х, а позднее присоединился к Заявлению 15-ти, препровождавшему в ЦК "платформу оппозиции". В декабре 1927 года он был в числе тех, кто обратился в защиту Троцкого к XV съезду партии. Постановлением съезда в числе других активных деятелей троцкистской оппозиции был исключен из партии.

И о таком человеке я решаюсь писать? Уж не "диссидент" ли я, как не постеснялся спросить меня за гораздо меньшую вольность лет пять назад мой шеф? Нет, я не

защищаю троцкистскую оппозицию, не любитель "жареного", сенсационного. Я хочу рассказать правду о сложной жизни человека из оппозиции, реабилитированного, но в партии не восстановленного.

Было у Врачева много взлетов и падений. В одном уверен твердо: был он искренен всегда. Как искренен и сейчас, в свои девяносто.

В 1928 году Врачев работал уже в Вологодской кооперации. Из Москвы его выслали. Через год он подал заявление о восстановлении в партии и разрыве с оппозицией. Пройдя испытательный срок, установленный XV съездом для оппозиционеров, Врачев решением ЦКК от 17 января 1930 года был восстановлен в рядах ВКП(б). И то что при этом он не таил злых умыслов и был до конца искренен, что после отхода от оппозиции занимал правильную партийную позицию — обо всем этом есть публичные свидетельства А.И. Микояна. Однако при обмене партийных билетов 1936 года он вновь оказался вне партийных рядов, теперь уж навсегда, с формулировкой в протоколе: "Как в прошлом активный троцкист". С тех пор апелляции результатов не давали.

После известных судебных процессов над бывшими членами оппозиционных групп (в январе 1935 г., августе 1936 г. и в январе 1937 г.) постановлением Особого совещания при НКВД СССР Врачев вместе с семьей (женой и тремя детьми) высылается в село Кослан Удорского района Коми АССР. Лишь весной 1938 года ему разрешили поселиться в радиусе 101 километра от Москвы. Он выбрал Серпухов.

ОТБЛЕСК КОСТРА

В первый же день войны, 22 июня 1941 года, Врачев отправил телеграмму в адрес И.В.Сталина о предоставлении себя в распоряжение ЦК, с просьбой направить на фронт. Он все еще мыслил старыми категориями. Ему, естественно, никто не ответил.

Когда фронт приблизился к Серпухову, Врачев с семьей эвакуировался в Москву. От Серпуховской межрайонной конторы Главкинопроката, где работал до войны, устроился в Московской областной конторе. Затем начал служить в Главном управлении кинофикации. Мечтал лишь об одном: попасть в действующую армию.

Вновь дважды писал Сталину. И вновь безответно. Подал заявление в Военный отдел ЦК с просьбой использовать для работы в партизанском подполье. Начальник штаба партизанского движения П.К.Пономаренко принял приветливо. Сказал, что лично считает возможным привлечь его к работе, но решение будет зависеть от маршала Ворошилова, который в то время был главнокомандующим партизанского движения. Через несколько дней Врачеву по телефону сообщили, что будут считать его в резерве.

В феврале 1943 года, не дождавшись вызова, он ушел в армию добровольцем. Ушел, чтобы занять место погибшего в первом же бою старшего сына. Ушел защищать Родину, несмотря на возраст.

Начал рядовым — стрелком и минометчиком, кончил старшиной, командиром отделения боепитания стрелкового батальона и отдельного лыжного батальона. За отличное выполнение боевых заданий, за отвагу и мужество, проявленные в боях на Центральном, Западном, 3-м Белорусском, 1-м Дальневосточном фронтах, И.Я. Врачев награжден орденом Красной Звезды, медалью ''За боевые заслуги'', пятью другими медалями (всего в настоящее время имеет 12 правительственных наград).

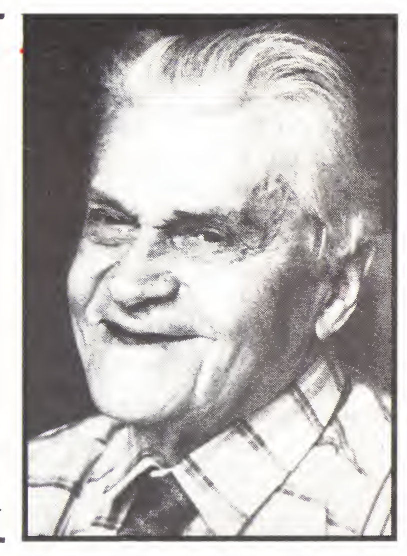
После демобилизации в 1946 году вернулся на работу в свой кинопрокат. Но 2 сентября 1949 года по ордеру, подписанному тогдашними министром государственной безопасности Абакумовым и Генеральным прокурором Сафоновым, был арестован.

Инкриминировалась ему вновь принадлежность в прошлом к троцкистской оппозиции. Словно и не прошло с того времени без малого 25 лет. Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 18 марта 1950 года лишен свободы на 25 лет и направлен для заключения в исправительно-трудовой лагерь строгого режима на Крайний Север.

Лишь после смерти Сталина 29 августа 1956 года Комиссией Президиума Верховного Совета СССР освобожден со снятием судимости. Определением военной коллегии Верховного суда СССР от 10 октября 1956 года признано, что после разрыва с оппозицией в 1929 году никаких элементов уголовно наказуемых действий за ним не значится, и постановление Особого совещания

при МГБ СССР от марта 1950 года отменено, а дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Кстати, факт, как бы специально предназначенный для литературоведов. В лагере, незадолго до освобождения, Врачев совершенно неожиданно для себя получил бандероль. В ней была книга Ольги Берггольц "Лирика", изданная в Москве в 1955 году. На титуле надпись: "Ивану Яковлевичу Врачеву — от сердца. Ольга Берггольц. "Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье". 1956. Ленинград".

И.Я. Врачев. 1988 г.

На странице 187 тогда же, в лагере, Иван Яковлевич отчеркнул:

Но как сквозь терний колючий —
сквозь ложь, клевету, обиды,
к тебе по любой дороге,
везде — у чужих и в дому,
в вагоне, где о тебе же
навзрыд поют инвалиды,
в обычных трудах и заботах, —
к сиянию твоему.
И только с чистейшим сердцем,
и только склонив плечо,
тебе присягая как знамени,

целуя его края, —
Трагедия всех трагедий —
душа моего поколения,
единственная,
прекрасная, большая душа моя.

...По утрам у газетного киоска, что на Ленинском проспекте у ресторана "Гавана", можно видеть подтянутого пожилого человека. На первый взгляд он суров и не очень приветлив. Говорит резко, не пытаясь смягчить сказанное. Словом, обычный пенсионер. Он скупает всю центральную прессу. Серьезно прорабатывает материалы очередных пленумов ЦК. Высоко ценит наступившие перемены.

В архиве Врачева воспоминания о В.И. Ленине, Я.М. Свердлове, работа о 40-й Богучарской дивизии, историко-мемуарные и историко-биографические очерки. Часть из них он сдал в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

На вечере, посвященном 60-летию Юрия Трифонова, сына его давнего друга, Иван Яковлевич Врачев, влюбленный в писателя и высоко ценящий его гражданскую смелость и принципиальность, назвал его документальную повесть "Отблеск костра" исследованием, нарушившим "заговор молчания" со стороны тех, кто самоустранился от правдивого освещения истории гражданской войны.

Врачев не самоустранился. Он продолжает работать и сейчас.

Комната Ивана Яковлевича Врачева в обычной коммуналке как бы застыла в том времени, когда хозяин обрел радость свободы. И дело не только в обстановке, которая с тех пор не менялась. Дело в настроении. В книгах, в газетных вырезках конца 50-х — начала 60-х годов. В том, что в центре книжной полки наряду с работами В.И. Ленина материалы XX съезда КПСС. Сейчас рядом с ними стали документы XXVII съезда.

Я.Б. ГАМАРНИК
(1894 — 1937)

ЕГО ЗНАЛА ВСЯ СТРАНА

Зоя ЕРОШОК

С Викторией Яновной Гамарник, в замужестве Кочневой, меня познакомил Григорий Устинович Дольников, прославленный летчик, Герой Советского Союза, генерал-полковник в отставке.

Однажды генерал сказал:

"Что касается исторической осведомленности, то мы в своем прошлом до недавнего времени видели только блистательные победы и сияющие вершины, а от всего самого горького, что выпало на долю народа, стыдливо отворачивались. И не обязательно — война! Был мир, пострашнее войны.

Народ воспринимался фоном истории, безликим и однообразным. Понадобились десятки лет, прежде чем среди этого фона стали различать отдельных людей, лица".

Генерал сидел выпрямившись, не спуская с меня своих огромных беспокойных глаз.

"Много лет я дружу с Ветой Гамарник. И хоть у самого жизнь была не сахар, но то, что Вета хлебнула... Невидимой плотиной была она отгорожена от живой жизни — и плотину эту прорвало только, когда Сталина не стало. А в чем была повинна?.."

Меня встречает красивая седая женщина. Приветлива. Улыбается. Но глаза — строгие.

Рассказать об отце? Раньше его знала вся страна. Сейчас уже есть необходимость в биографической справке.

В 1905 году одиннадцатилетний гимназист Ян Гамарник принял участие в революционной студенческой сходке. Дело происходило в Одессе. Одесса была в баррикадах. Ян видел матросов с броненосца "Потемкин", закованных в кандалы.

Учился Ян только на "отлично", но гимназию окончил с серебряной медалью вместо золотой: "за воль-

ность мысли". Сестры вспоминали, как часто видели шестнадцатилетнего Яна, склонившегося ночью над толстой книгой. То был "Капитал" Маркса. В 1913 году Ян Гамарник поступает в Петербургский психоневрологический институт. Слушает лекции Бехтерева, выступления Горького. Через год переводится на юридический факультет Киевского университета. В 1916 году вступает в партию большевиков. В марте 1917 года возглавляет легальный комитет большевиков в Киеве. Ему в ту пору 23 года.

Помещался легальный комитет большевиков в Киеве в нескольких комнатах Марьинского дворца. Сестры Гамарника, приходя сюда с матерью, опасливо оглядывались, не веря, что Ян тут может быть главным.

После победы революции в Петрограде в Киеве был создан ревком. Ревком готовил переход власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. И вдруг — весть: Ян арестован!

Я.Б. Гамарник (первый слева) среди активных участников январского восстания в Киеве против контрреволюционной Центральной рады. 1918 г.

Марьинский дворец захватили юнкера. Четырнадцать большевиков, в том числе и Яна Гамарника, под конвоем отвели в штаб военного округа.

Мама Гамарника помчалась на Банковскую улицу, где находился этот штаб, и кинулась в ноги к командующему округом, умоляя о свидании с сыном. Командующий сказал: "Что, вырастила бандита, а теперь слезы льешь?" Свидание, однако, разрешил.

Часовой открыл дверь. Ян и его товарищи сидели на полу и разговаривали. Мама остановилась на пороге, плача. Офицер сказал: "Подожди, завтра на рассвете всех перевешаем, тогда и будешь реветь". Мать забилась в истерике. Ян, подойдя ближе, сказал: "Мама, перестань! Твои слезы их только радуют. Крепись и покажи всем, что ты мать большевика!"

В ту ночь родители и сестры Яна не сомкнули глаз. Не дождавшись рассвета, пошли к штабу. И вдруг видят и не верят своим глазам: навстречу им мчатся машины и

на одной из этих машин с красными развевающимися на ветру флагами — Ян!

"Ну вот, все хорошо! — крикнул, увидев родных. — Домой не могу, еду на "Арсенал".

Он был необычайно взволнован, радостен, счастлив.

Сестры Яна Борисовича, Фаина и Клара, несколько десятилетий спустя, вспоминая эту минуту, напишут:

"Мы поняли: сбылась его самая заветная мечта".

В третьем номере киевского журнала "Коммунист" за 1920 год сам Ян Гамарник так описывает те дни:

"Нас оторвали от готовых восстать рабочих и солдат и посадили под арест. Оставшиеся на свободе товарищи быстро создали руководящий восстанием центр и повели в бой рабочие и солдатские отряды, они на деле показали белогвардейцам, что мало снять голову, что нельзя этим остановить революцию...

Перестрелка в городе все усиливалась, мы же сидели, отрезанные от всего мира. Никто из нас не боялся смерти, хотя она и была близка. Мы все думали и говорили о восстании в Петрограде, о борьбе на улицах Киева; каждый думал только об одном: как бы вырваться к восставшим, как бы встать в их ряды. После освобождения мы бросились во дворец, там уже заседал Совет победивше-

го киевского пролетариата. Из дворца мы направились в штаб восстания, находившийся в "Арсенале", и помню я путь из дворца в "Арсенал" — всюду рабочие патрули, баррикады, чувствуешь могучее дыхание пролетарской революции, чувствуешь в каждом бойце веру в рабочее дело и в рабочую победу. Прибыли в "Арсенал", и здесь стало ясно, почему мы разбили белогвардейцев: здесь все кипело, все работало; рабочие, работницы и солдаты — все горели энтузиазмом, все горели ненавистью к буржуазному миру. Помню, как один из арсенальцев мне говорил: "Сегодня в час ночи мы решили бить по штабу на Банковской улице, раньше не делали этого из-за вас, четырнадцати, а сегодня решили, что для революции придется вами пожертвовать и разгромить артиллерией белогвардейский штаб".

"...Мало снять голову... нельзя этим остановить революцию..." Господи, как этот октябрь 1917 года печально перекликается с маем 1937-го!

Виктория Яновна вспоминает, я записываю.

"В тридцать шестом году летом мы отдыхали с папой в Сочи. Я сидела на террасе нашей дачи и читала. Неожиданно в дверях появился Сталин. Я, не поднявшись, протянула ему руку. Пришел папа, и они уединились в кабинете. Когда Сталин ушел, папа сказал: дело не в том, что это Сталин, вошел человек во много раз старше тебя, а ты не соизволила встать. Шел тридцать шестой год. Папа мог бы сказать: *сам* Сталин зашел, а ты... Но сказал: дело не в том, что это Сталин...

На похоронах Серго Орджоникидзе папа стоял в почетном карауле, а я за стульями, где сидели Зинаида Гавриловна и Этери, жена и дочь Орджоникидзе. Помню, я очень плакала. Мама ругала папу, что он взял меня с собой. "Серго был такой человек, такой большевик, о котором нужно и можно плакать", — сказал папа. Серго Орджоникидзе застрелился 18 февраля 1937 года. Мой папа — 31 мая 1937 года".

О том, что папа застрелился, Вета не знала. Последнее время Ян Борисович тяжело и мучительно болел, у него было обострение сахарного диабета, и Вета думала, что папа *просто* умер. Но утром следующего дня из газет Вета узнала, что отец покончил с собой, "запутавшись в связях с контрреволюционным элементом". Вета стала медленно развязывать пионерский галстук. "Что

ты делаешь?" — в голосе мамы напряжение. "Если папа такой... я не имею права быть..." Мама ударила по лицу: "Не смей! Не смей — ты слышишь меня? — не то что говорить, думать об отце плохо. Он был настоящим большевиком до последней своей минуты".

Жена Гамарника вместе с ним работала в одесском подполье, вместе прошли они гражданскую войну. Она была членом партии большевиков с 1917 года. Окончила Институт красной профессуры, работала редактором-консультантом в издательстве, выпускавшем "Историю гражданской войны в СССР". Кажется, успело выйти тогда всего два тома. История, как и люди, становилась "оборотом, подлежащим вымарке и переделке".

За два дня до смерти Гамарника на вокзале, в поезде, на глазах у встречающей жены арестовали Иеронима Петровича Уборевича, командующего войсками Белорусского военного округа, кандидата в члены ЦК ВКП(б). Его дочь Мира и Вета были молочными сестрами. Ветина мама после родов заболела, и кормила грудью Вету Нина Владимировна Уборевич, Мирина мама. Мира и Вета были одногодки, учились в одном классе, жили в одном доме в Большом Ржевском, 11. О том, что Мирин папа арестован, сообщения в газетах не было, и в классе об этом знали только Мира и Вета. А о Гамарнике прочитали, конечно, все. Однако в школе Вету встретили как ни в чем не бывало. Никаких вопросов, никаких разговоров на эту тему.

Крематорий находился на Шаболовке.

Хоронили Яна Борисовича 2 июня 1937 года. Хоронили втроем — Вета, ее мама и шофер Семен Федорович Панов.

Наступила минута прощания. Вета подошла к отцу. Он будто спал. В военной форме (но без орденов, ордена уже отобрали), лицо совершенно спокойное, прекрасное бледное лицо.

2 июня был день рождения Яна Борисовича. Ему исполнилось бы 43 года.

Никакого места праху Гамарника в крематории определено не было. Гамарник (как и многие люди в то время) должен был исчезнуть с лица земли бесследно в никуда. Без права на память.

Я смотрю семейный альбом.

Вот фотография. Вполне обычная. Амур, серый день, в лодке двое — Ян Гамарник и маршал Егоров. Это последняя поездка Гамарника на Дальний Восток. На нем, уполномоченном ЦК ВКП(б), лежало руководство промышленным и оборонным строительством на Дальнем Востоке. У писателя П.А. Павленко в романе "На Востоке" есть такое место: "В декабре прошлого года приехал из Москвы невысокий бородатый человек с мрачным лицом и добрыми глазами. Он приказал снарядить самолет на север и, посмотрев планы закладки города, сказал твердо: "Город начнем — вот здесь, в тайге на Нижнем Амуре". (Это о Яне Борисовиче, об основании Комсомольска-на-Амуре.)

Фотографировал Гамарника и Егорова в лодке на Амуре Иван Михайлович Рачков, секретарь Гамарника.

Обычная фотография, но пленка ее проявлена восемнадцать лет спустя. Все это время Иван Михайлович Рачков провел в лагерях.

Зам. наркомвоенмора и начальник Политуправления РККА Я.Б. Гамарник на боевом корабле

Стены небольшой комнаты Виктории Яновны — в портретах отца, однако эти портреты пересняты по просьбе Виктории Яновны в 1956 году с лент кинохроники. В 1937 году все фотографии Яна Борисовича были изъяты при обыске и пропали безвозвратно.

Впрочем, может быть, и не безвозвратно? Где-нибудь в "Деле..." среди донесений и доносов, очень личных писем и разрозненных деловых листочков хранятся и они. Когда откроются наконец недоступные архивы, отыщутся там среди всего прочего и фотографии и вернутся в семейные альбомы. На свое место.

Я смотрю на фотографию и думаю о времени, которое тоже проявляет. И особенно отчетливо то, что оно, время, сильно и живо прежде всего людьми, людской солидарностью, людской памятью.

В 1929 году первого секретаря Белорусского ЦК партии Яна Борисовича Гамарника переводят на работу в Москву — начальником ПУРа. Секретарем к нему назначен И.М. Рачков, который был с ним до последней минуты.

Когда в 1937 году Ивана Михайловича Рачкова исключали из партии, он от Гамарника — не в пример другому секретарю — не отрекался, по поводу добрых с

ним отношений не винился, не каялся. По выходе из лагеря нашел Викторию Яновну и до конца его дней их связывала крепкая дружба.

"Иван Михайлович Рачков каждый раз при встречах со мной что-то новое вспоминал об отце, — говорит Виктория Яновна. — Мне иногда казалось, что он продолжал жить в том времени... "Ты помнишь, как папа ездил за границу лечиться?" — "Нет, не помню". — "Ну, как же! Тогда вдруг разнесся слух, что в Австрии есть профессор Норден, который излечивает диабет. И ЦК принял решение отправить Яна Борисовича к нему, на лечение. С выездом за границу в то время было сложнее, чем когда-либо. Яну Борисовичу пришлось сбрить бороду, надеть штатский костюм и под чужой фамилией двинуться в путь. Уезжал он на 1,5 — 2 месяца, а через две

недели получаю приказ его встречать. На вокзале подхожу к международному вагону. Вот вышел последний пассажир. Яна Борисовича нет. Поднимаю голову и вижу его, идущего от общего вагона. ''Понимаешь, — говорит, улыбаясь, — профессор этот ни черта не может, а тратить на себя государственное золото, которое так нужно стране, я не считаю вправе. Потому и сбежал. Ну, а из этих же соображений ехал в общем вагоне. Валюта — опять же не моя, а народная''. Иван Михайлович пьет чай. Улыбается своим мыслям. И опять: ''Когда Ян Борисович пришел на заседание, многие его не узнали. Без бороды, молодой. Надежда Константиновна Крупская спросила у Ворошилова: ''Кто это?'' А ведь она хорошо знала и любила Яна Борисовича''.

Это я знала. Как-то папа пришел домой рано, даже я еще не спала. Папа приходил с работы обычно в 3—4 часа утра, а тут рано и с порога крикнул: ''Дочка!'' Когда я подбежала, он расстегнул верхние крючки своей шинели и вытащил пушистого белоснежного сибирского котенка. ''Это тебе Надежда Константиновна просила передать''.

Аристарх Тихонович Якимов в своих воспоминаниях об отце пишет, что в 30-х годах он работал в Москве в Комиссии Советского контроля при Совнаркоме СССР под руководством Марии Ильиничны Ульяновой. 31 мая 1937 года Якимов видел ее, Марию Ильиничну, у окна своего кабинета, плачущую навзрыд. Она только что получила известие о самоубийстве Гамарника... По свидетельству Якимова, Мария Ильинична сказала: ''Какой человек погиб''.

О своей встрече с Владимиром Ильичем Лениным в 1918 году, накануне I съезда большевиков Украины, Ян Гамарник вспоминал: ''Будто живой воды напился''.

Двадцатипятилетний Ян Гамарник был членом Реввоенсовета Южной группы войск 12-й армии. Есть документ, свидетельствующий о высокой оценке действий и побед Южной группы Владимиром Ильичем Лениным.

После февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК партии (накануне застрелился Серго Орджоникидзе) проходили активы. На них упоеннее, чем когда-либо, пелась ''аллилуйя'' Сталину и предавались анафеме ''враги народа''.

А как ведет себя в это время Ян Гамарник?

"Возьмитесь за Ленина, читайте том за томом, это будет лучший метод изучения марксизма-ленинизма".

Это из выступления Я.Б.Гамарника 22 марта 1937 года на собрании актива Балтийского флота.

Он в ту свою последнюю весну в каждом выступлении: читайте Ленина, том за томом. Будто заклинает, будто знак, ключ дает.

10 июня 1937 года Вету и ее маму сослали в Астрахань. Вместе с ними в Астрахань были сосланы жены и дети Тухачевского, Уборевича и других военных. По дороге в Астрахань узнали приговор трибунала "по делу военной группы". Приговор уже был приведен в исполнение.

В Астрахани женщины сбивались с ног в поисках работы. Работы им нигде не было.

1 сентября 1937 года дети пошли в астраханскую школу. Через пять дней арестовали их мам, а самих детей отправили в астраханский детприемник. Потом — в детдом. Мира Уборевич, Вета Гамарник и Света Тухачевская попали в один детдом, Нижне-Иссетовский, что в восьми километрах от Свердловска.

В течение года Вета, Мира и Света переписывались с мамами, которые сидели в это время в Темниковских лагерях (Мордовия). Через год переписка оборвалась навсегда. Спустя восемнадцать лет стало известно: мамы были расстреляны.

Никого из друзей и соратников Яна Борисовича Гамарника уже нет в живых. Никого.

Пока они были живы, много могли бы рассказать мне о нем такого, что знали только они.

Я упираюсь в их смерти, как в стенку, которую не обойти.

Остались от некоторых из них, кто умер своей смертью, пережив, пересилив тюрьмы, лагеря, ссылки, через которые они все как один прошли в сталинские годы, остались воспоминания, всего по нескольку пожелтевших страниц, где о "товарище Яне" говорится с неизменным пиететом.

Но этого мало...

Они, товарищи, знали — не могли не знать! — сияющих черт Яна Борисовича, черт, о которых важно им было бы именно рассказывать, потому что есть вещи, кото-

рые должны передаваться от живого к живому, которые описать, быть может, вовсе невозможно.

Что мешало мне встретиться с ними прежде? Другое время? Что на время кивать...

А ведь каждый из этих людей интересен не только в связи с Гамарником, но имел и "собственное имя и значение".

Теперь вот читаю и перечитываю очень немногочисленные воспоминания, пишу по ним о Гамарнике, а слово мне не поддается...

Что же Вета успела узнать об отце при его жизни?.. Очень мало.

Память, действительно, не непрерывна, что-то, быть может, существенное забывается напрочь, а какие-то подробности люди и впрямь обречены помнить всю жизнь.

Ян Борисович покупает Вете шведскую стенку и настаивает на занятиях спортом. Он считает, что молодежь должна быть крепкой, смелой, выносливой. Вета — довольно-таки плотненькая девочка и лазает по шведской стенке тяжело и весьма неохотно.

Ян Борисович учит Вету бегать на коньках, плавать.

С плаванием у Веты никак не получается. Однажды в Крыму отец берет Вету с собой в лодку, отплывает далеко от берега и преспокойно бросает дочь в море. Вета беспомощно барахтается, а ей: "Плыви. Не бойся. Ты ведь умеешь плавать". И Вета плывет! Сам Ян Борисович плавал преотлично. В молодости легко переплывал Днепр. А еще любил верховую езду. В детстве объезжал диких лошадей. И потом это ему очень помогло во время похода Южной группы 12-й армии, когда по нескольку суток подряд приходилось быть в седле.

Г.К. Орджоникидзе, Л.М. Каганович, В.М. Молотов, Я.Э. Рудзутак, Я.Б. Гамарник, К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, М.И. Калинин на похоронах С.М. Кирова. 1934 г.

Из воспоминаний начальника штаба Южной группы А.Немитца:

"Я диктую машинистке Шурочке первый приказ по войскам Южной группы: "Товарищи красноармейцы! Мы окружены..." Далее описываю, какие части белых нас окружают, и сообщаю, что фронт уже отошел от Вопнярки на север на 480 верст. Призываю войска осознать серьезность положения, повысить дисциплину и в полном боевом порядке пробиваться на соединение с частями Красной Армии.

В комнату входит Якир и, пробежав глазами приказ, вырывает его из машинки:

— Не подпишу! Да так вы разложите мне все дивизии!

— Войска должны знать правду. Это поднимает сознание, чувство ответственности, дисциплину. Солдат должен понимать замысел полководца, тогда он храбр.

Спор ведется уже на высоких нотах. Отдыхающий в соседней комнате на диване член Реввоенсовета Южной группы Ян Гамарник просыпается и слушает нашу перепалку.

В разгар спора он встает и, подойдя к столу, молча подписывает приказ.

Якир высоко ценил мнение своего комиссара. Так был принят план выхода из окружения".

Многим поначалу Гамарник казался очень мрачным, суровым. Но внешность обманчива. На самом деле он был человеком чрезвычайно живым, молодым, увлекающимся.

Из воспоминаний секретаря Дальневосточного крайкома ВЛКСМ М.Кузеница:

"В начале 1927 года в Хабаровске состоялся очередной пленум крайкома комсомола.

— Я вам назову места, — говорил первый секретарь Дальневосточного крайкома партии Ян Борисович, — где молодежь жалуется на скуку, сухость, и никого это не беспокоит. Молодежь хочет танцевать, а некоторые активисты считают это желание чуть ли не пережитком капитализма. Многие ли среди вас, сидящих в этом зале, умеют танцевать? Говорят, что всего два человека, и то фамилии не называют, чтобы их не "дискредитировать"...

Однажды вечером я встретил Гамарника на улице — он с коньками под мышкой направлялся на стадион "Динамо". Увидев меня, сказал: "Я вас почему-то ни разу не видел на катке. Пойдемте-ка вместе, я в порядке "партийного руководства" вовлеку в спорт хотя бы одного комсомольского работника".

Немало краснел и потел я в тот вечер, но деваться некуда — коньки пришлось осваивать.

— Ну вот, теперь легче будет вам составлять резолюцию о развитии спорта, — сказал Ян Борисович, прощаясь".

Работал Гамарник много. Как правило, все вечера у него были заняты. Если же все-таки выдавался свободный вечер, шел в театр. Чаще всего — в Художественный. Много и постоянно читал. Любил Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Пильняка, Арсеньева, Паустовского. Бывал не однажды на даче у Горькова.

Из воспоминаний народного артиста СССР Ефима Дзигана:

"Минуло три недели, как фильм "Мы из Кронштадта" был показан кинoруководству. Но решение о его выпуске на экран так и не принято.

В один из вечеров мы показали картину начальнику ПУРа Яну Борисовичу Гамарнику, приехавшему на студию вместе с двумя работниками сектора культуры.

Фильм закончился. Некоторое время в зале царило

тягостное, как на похоронах, молчание. Обращаясь к работникам сектора культуры, Гамарник спросил: "Ваше мнение о фильме, товарищи?"

Один из них, выступая, убеждал, что такой фильм вряд ли стоит рекомендовать к выпуску на экран.

— Историческая обстановка искажена, — утверждал он. — Не показана роль питерского пролетариата, участие рабочих в защите Петрограда от полчищ Юденича, матросам отведена чрезмерная доминирующая роль...

— Но фильм посвящен героическим балтийским морякам! — не выдержав, перебил я. — Именно о них мы и хотели рассказать...

— Вы, видимо, плохо разбираетесь в вопросе о движущих силах революции, — ледяным тоном возразил он, — а матросы даны у вас как стихийная, анархически настроенная масса.

— Это же неправда! — возмутился я.

Гамарник, подняв ладонь, остановил меня. Спокойно, спокойно.

Ничего нового не сказал и второй оратор.

В зале снова воцарилась гнетущая тишина. Но вот звякнуло стекло — Гамарник не спеша налил в стакан воды, отпил несколько глотков и негромко, как бы подводя итог, произнес:

— Да, сильный фильм. Очень сильный... Он будет пользоваться и в армии, и у народа большим успехом. Вы создали очень нужное, волнующее произведение. Думаю, этой вещи суждена долгая жизнь... Спасибо!"

Вета научилась читать в пять лет. Иногда отец читал ей вслух "Маугли" Киплинга и "Песнь о Гайавате" Лонгфелло, заставлял всерьез заниматься языками — немецким, английским.

Однажды Вета проспала и попросила Яна Борисовича подвезти ее в школу на машине, он сухо и резко отказал. "Но я ведь опаздываю..."—сказала Вета. "В следующий раз встанешь пораньше", — захлопнув дверцу машины, уехал на работу. Вечером сказал: " Запомни, дочка: ты никакого отношения к отцовской служебной машине не имеешь. Ты ничем не лучше других. Ты такая же, как все. Ты должна одеваться, как все, жить, как все, работать, как все".

Восемнадцать лет само это имя — Гамарник — находилось под строжайшим запретом. С 1955 года Виктория

Яновна собирает все, что имеет хотя бы малейшее отношение к отцу. Счастье, что есть кому собирать...

Важное свидетельство нахожу у Марии Николаевны Троицкой, члена партии с 1919 года, товарища Яна Борисовича по совместной работе в первые годы Советской власти. Мария Николаевна пишет, что если бы не такие люди, как Гамарник, то "...много бы лишней крови было пролито и не одно "Кронштадтское восстание" полыхало бы на Украине...".

Смелый и мужественный в своих действиях, твердый и непреклонный в своих убеждениях, Гамарник знал, что революция бескровной не бывает, но, как мог, сопротивлялся тому, чтобы наш путь к Великой Цели был непременно щедро полит кровью.

Из письма Луначарского Ленину, май 1920 года:

"...Я нисколько не отрицаю того, что товарищ Ян — очень крупный работник, ведущий далеко не без ума свою мягкую политику. Надеюсь, что ни т.Ленин, ни т.Раковский не заподозрят меня в переломе палки в сторону политики суровой. Мягкая политика в Одессе никуда не годится. Товарищ Ян утверждает, что невозможно прекратить свободу торговли в Одесской губернии, которая фактически никак не дает встать на ноги настоящей разверстке. Т. Ян указывает, что нет еще пока никакого советского аппарата и что поэтому пришлось бы посадить на голод всю Одессу, в том числе и рабочую.

Н.С. Хрущев, Я.Б. Гамарник, С.М. Буденный. Фото 30-х годов

В то время как в Херсоне при существовании более или менее правильной разверстки и при довольно большом количестве хлебных запасов в распоряжении Упродкома цена на хлеб стоит 600 рублей пуд, в Одессе пуд продается за 180—200 рублей при полном отсутствии запасов у Продкома и очень слабых у армии.

Лично я считал бы до крайности важным, чтобы

т. Дзержинский приехал в Одессу и поддержал своим огромным авторитетом здешнюю ЧК".

На первой странице рукою Ленина написано: "В архив".

Из воспоминаний М.Н.Троицкой:

"В середине июня 1920 года Киев освободился от поляков. Ян Гамарник становится во главе Киевского губ-

ревкома — потом губисполкома. Мост через Днепр взорван поляками. Свирепствует сыпной тиф. Появляются сибирская язва и холера. В городе нет топлива. На селе — бандитизм. Помню "рейд Тютюника" в ноябре 1921 года. Атаман Тютюник с отрядом в 1500 человек перешел границу около Коростеня и Олевска. В обозе у него находился состав министров петлюровского правительства, представители польского командования. В эти дни в Киеве из-за обледенения оборвались телеграфные провода, связывающие город с внешним миром. Неизвестно, как далеко прошли банды Тютюника и где они сейчас. Мы с Яном идем по ночному Киеву. Ян спокоен. С математической точностью он вычисляет, как далеко могут пройти отряды Тютюника и где их настигнут части Котовского. Ян уверен, что попытки петлюровских отрядов проникнуть в глубь страны будут бесполезными. Части

Красной Армии под командованием Котовского разбивают отряд Тютюника. Расчет Гамарника оказался верным. Но борьба с петлюровским бандитизмом не закончилась. Обстановка была очень сложной. Петлюровщину поддерживала международная контрреволюция. Весной 1922 года в Вене проходил "Всеукраинский конгресс", то есть объединение всей контрреволюции от Скоропадского и Петлюры до Савинкова. И внутренняя контрреволюция готовит выступление. Киевской ЧК удается узнать день, когда назначено восстание в городе, но полностью еще не известны все участники этого заговора. Надо было как-то заставить петлюровцев оттянуть выступление. Военное совещание (очень узкое) у председателя губисполкома Яна Гамарника. В городе создается напряженное положение. Петлюровцы откладывают день восстания. В это время ЧК полностью выявляет главарей и все ответвления этой организации.

Контрразведка готовила, кроме всего прочего, уничтожение ответственных политработников.

А ходили все члены губкома и президиума губисполкома, в том числе и Ян Гамарник, по городу без всякой охраны и пешком".

Сколь позорный, столь и сложный механизм, созданный Сталиным для уничтожения всего человеческого в человеке, не смог, как ни хотел, подмять под себя всех до единого. Люди оставались людьми. Среди них был и Ян Гамарник. Рано или поздно ему это должно было выйти "боком"...

Одна короткая встреча, но разве она не свидетельствует о том, что Гамарник из числа тех, кто служил не лицам, а долгу, своей совести и любимой Отчизне?!

Рассказывает полковник в отставке И.А.Телятников:

"Весной 1937 года меня вызвали в Политическое управление РККА.

— Товарищ Телятников, вы, дивизионный комиссар, много лет проработавший в укрепленном районе! Положа руку на сердце, допускаете, что в укрепрайоне было вредительство? — спросил меня в упор начальник Политического управления РККА, первый заместитель наркома обороны Ян Борисович Гамарник.

Я категорически отверг эту возможность.

— А что, комиссия комкора Подласа обнаружила вредительство? — спросил Гамарник.

Я сказал, что комиссия работу еще не закончила...

— Я прошу вас, — сказал тов.Гамарник, — передайте от моего имени товарищу Подласу, чтобы он объективнее разобрался во всех вопросах и поддерживал с вами связь.

Тогда как-то странным показалось, что, прощаясь, Гамарник ни единым словом не обмолвился, что надо "разоблачать врагов", "громить вражеские гнезда" и т.д., что в ту пору было неким первостепенным указанием, которое каждый начальник считал необходимым дать подчиненным".

Вспоминает Р.М.Лучанская, член партии с 1915 года:

"Никогда не забыть мне последние дни жизни Яна. Кругом творилось страшное, непонятное — аресты старых, испытанных большевиков, лучших людей партии. Незадолго до гибели Ян заболел. Войдя к нему в спальню, я увидела, что он ест мороженое. "Почему вы едите мороженое? Это для вас отрава", — сказала я. В ответ он только махнул рукой.

В тот вечер жена Яна Борисовича сказала мне об аресте Якира, Уборевича и Тухачевского. Я вскрикнула. "Так и мы приняли эту новость", — сказала она".

31 мая 1937 года у Гамарника был сильнейший приступ сахарного диабета. В тот же день к нему домой приехал маршал В.К.Блюхер. Разговаривали долго и наедине.

В 1964 году на юбилейном вечере, посвященном 70-летию Яна Борисовича Гамарника, к его дочери подошла вдова Блюхера и сказала: "Вета! Знаешь, в тот день, 31 мая 1937 года, мы с Василием Константиновичем должны были пойти в театр. Но он приехал от твоего отца сам не свой и сказал: "Театр отменяется. Сегодня Гамарника не станет".

Все в тот же день в пятом часу вечера к Яну Борисовичу приехали управляющий делами Наркомата обороны И. Смородинов и еще один сотрудник. Они пробыли в спальне Гамарника не более 15 минут. Едва они вышли из комнаты, раздался выстрел.

Одна из легенд гласит: Блюхер передал Гамарнику слова Сталина: пусть выбирает — либо самому быть су-

димому вместе с другими ”заговорщиками” — Тухачевским, Уборевичем, Якиром и другими, либо судить их. Гамарник сделал свой выбор. Возможно, он сказал о своем выборе Блюхеру. Это всего лишь легенда, документально никак не подтвержденная. И узнаем ли мы когда-либо со всей достоверностью о том, что на самом деле происходило в тот роковой день в доме Яна Борисовича Гамарника?..

В любом случае тут не обошлось без зловещей тени ”мудрейшего вождя”. А уж он-то любил тайну и умел убирать свидетелей.

Через несколько дней жена Гамарника на общем партийном собрании Института красной профессуры держала ”ответ за мужа, врага народа”. Таков был порядок: близких обвиняли в потере бдительности.

”Как это вы не заметили около себя врага народа?”

Она улыбнулась и посмотрела — не отрываясь — в глаза оратору: ”О какой бдительности вы меня спрашиваете? Были еще люди, которые не ”заметили” около себя врага народа. Например, товарищ Сталин. Ведь именно товарищ Сталин на одном из последних приемов в Кремле поднимал бокал за Гамарника, как за лучшего члена партии”.

Дорого обошлось жене Гамарника это заявление. Но она знала, на что шла.

Двадцать лет спустя стало известно, что из жены Гамарника в тюрьме ”выколачивали” показания на многих, в том числе и на Анну Михайловну Панкратову, видного историка, подругу по революционной борьбе. Следователь парткомиссии Кузнецов сказал дочери Гамарника: ”Вы можете гордиться своей матерью так же, как отцом. Из двух тысяч ”дел”, которые я вел в связи с реабилитацией, только в двух нет никаких показаний ни на кого из друзей, близких, знакомых — в ”делах” Мейерхольда и вашей матери. А какие тогда были допросы — не мне вам рассказывать”.

Нет уже в живых Гамарника. Но смысл памяти — в объединении людей, мыслей, чувств.

Но вот в одном из документов, обнаруженном недавно в архиве, читаем: ”Красноармеец 88-го стройбатальона Примотдела Козаченко 4 августа 1938 года на политзанятиях стал выхваливать врагов народа Гамарника и Тухачевского. Во время перерыва в беседе с групповодом

красноармеец Козаченко заявил, что хорошо знал Гамарника и Тухачевского и не может забыть их как умных людей. Эта контрреволюционная вылазка была пресечена".

Можно представить, каким образом была пресечена "контрреволюционная вылазка" красноармейца Козаченко после того, как он посмел заявить о своем нежелании участвовать в анафеме тех, кого он знал "как умных людей"... И все-таки посмел!

Все делается для того, чтобы были "сплюснуты судьбой" дети "врагов народа", но находятся люди — их надо вспомнить поименно! — которые не дают "растоптать" этих детей, не дают им погибнуть.

Был ли страх? Был. Но они старались побороть его.

Отнято все — родители, дом, Москва. Но есть друзья.

Даниэль Митлянский, скульптор:

"Нет, мы от Ветки отказаться никак не могли. Это было бы безобразие. Черт знает, что такое. А спас нас от этого безобразия Новиков. Конечно, он был гениальным директором. Пройдет много времени, и мы узнаем о категорических указаниях Новикову из роно: "прорабатывать детей "врагов народа" и о не менее категорических отказах Новикова, мотивированных очень просто: "Это непедагогично, и я это делать не собираюсь", а тогда, в тридцать седьмом, помню, он собрал наш класс и рассказал о "деле военных". К детям "врагов народа" мы должны быть предельно внимательны и добры, сказал он, и меня поразил его очень грустный голос".

Ирина Голямина, физик-акустик:

"Ветка была нашим другом. С первого класса. Мы ее знали, любили. Это нормально, что мы не отвернулись. Ненормальностей и без нас в то время хватало. Когда Ветка со своей мамой была сослана в Астрахань, мы тут же взялись усердно переписываться. Мы писали друг другу очень нежные письма. Это, значит, было лето тридцать седьмого года. Так вот мою маму вызвали на Лубянку и сказали, что переписываться мне и Вете нельзя. Я, конечно, переписывалась с Ветой все восемнадцать лет, что не было ее в Москве. Мама моя знала об этом. Но ни слова против не сказала. Были тогда еще какие-то заповеди, заветы, устои, кодекс чести, благородства. Их знали, придерживались. Конечно, что касается

государственной машины, то она ни к какому милосердию нас не призывала, наоборот, нам вдалбливалось в голову: "Все можно ради Великой Цели". Нет, мы никогда не переставали верить своей великой стране, были всегда кровно связаны и со своим временем, и с жизнью своего народа, но знали: не все можно даже ради самой Великой Цели. Например, нельзя предать друга".

Друзья поддерживают издалека. Ира Голямина, Игорь Купцов, Габор Рааб, Гриша Родин, Виринея Каминская, Ноля Митлянский, Юра Дивильковский пишут Вете и Мире в детдом из Москвы, из дома.

Над столом у каждого висит карта Испании. Все они рвутся в Испанию, чтобы сражаться с фашизмом и победить его.

О многом друзья из Москвы в своих письмах пишут, но, наверное, о стольком же и молчат. Молчат о том, что у Габора Рааба арестовали отца (Габор был сыном политического эмигранта венгерского коммуниста, племянником Мате Залки), и Габор ходил потерянный и не хотел жить; директор 110-й школы Иван Кузьмич Новиков назначил тогда Габора председателем учкома школы, заставлял его много работать, гонял, хвалил, ругал, тормошил. И спас: ожил Габор. Молчат ребята и о свинцовой тяжести страха, который навис почти над каждым домом, каждой семьей.

Я.Б. Гамарник в Большом Кремлевском дворце. 1934 г.

Иван Кузьмич Новиков вел в 110-й школе "Час газеты". Он учил ребят читать "между строк": за словами слышать и видеть многое — жизнь! Когда Новиков вдруг пропадал, в школе говорили: "Кузьмич дочитался "между строк"...

Однажды Нолька Митлянский прислал Вете в детдом письмо, где сообщил следующее: "Был на параде. Генералам выдали сабли". Сказались уроки Ивана Кузьмича! Вета должна была прочитать "между строк": Тухачевский, Уборевич, Гамарник и другие среди прочего призы-

вали в подготовке к будущей войне не уповать во всем на конницу. Но за конницу горой стояли Ворошилов и Буденный. Точку зрения последних разделял и Сталин.

6 мая 1937 года в "Красной звезде" Маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский писал: "Нам пришлось столкнуться с теорией особенной маневренности Красной Армии — теорией, основанной не на

изучении и учете нового вооружения как в руках наших возможных врагов, так и в руках советского бойца, а на уроках гражданской войны, на взглядах, более навеянных героикой гражданской войны, чем обоснованных ростом могущества, культуры, ростом крупной индустрии социалистического государства, а также ростом вооружений армий наших возможных противников из капиталистического лагеря".

Статью эту читали на "Часе газеты" вслух.

Через пять дней маршал Тухачевский был освобожден от обязанностей зам.наркома обороны, а 11 июня 1937 года вместе с другими "заговорщиками" расстрелян.

И вот: "Генералам выдали сабли".

Даниэль Митлянский:

"Я не о том Вете написал: победила другая сила. Я

писал ей другое: твой папа, так же как Уборевич и Тухачевский, — не "враги народа", не верь этому никогда, они умные, талантливые военные, а тут сама посуди, какой уровень: сабли!"

Из воспоминаний Н.Д.Чередник-Дубовой, давнего друга семьи Гамарников, жены И.Н.Дубового, командующего Харьковским военным округом:

"Не помню, в каком году вышла нашумевшая тогда книга "Война 1936 года", книга, переведенная, кажется, с английского. Я, придя с работы, зашла к Якирам. Там были Ян Борисович, Якир, Дубовой и еще несколько военных. Говорили об этой книге. Я побыла несколько минут и хотела уже уходить, когда Ян Борисович спросил меня, читала ли ее. Я ответила утвердительно. "Ваше мнение?" — "Когда читаешь, становится страшно — какая сила техники, война механизмов, война самолетов. Как-то даже не хочется думать о возможности такой войны..." Ян Борисович горячо запротестовал: "Вот это уже никуда не годится. Как это — думать не хочется? Надо думать, крепко думать и делать, много делать. Да, товарищи, — обратился он к присутствующим, — война будущего — война механизмов, и у нас должны быть самые лучшие и самые новейшие механизмы. К сожалению, это не все еще понимают".

Когда Ивана Наумовича Дубового арестовали в первый раз, Гамарник ходил к Сталину и просил за него. Дубового выпустили на время.

Иван Наумович Дубовой был расстрелян в том же, 1937 году.

"Однажды нас с Мирой пригласили в райком комсомола, — вспоминает Виктория Яновна. — Ясноглазый, розовощекий секретарь без всяких слов забрал наши комсомольские билеты и положил себе в стол. В явном замешательстве мы спросили: за что? "Как — за что? Какое право вы, дочки врагов народа, имеете носить комсомольские билеты?" Не помню, как дошли до детдома. От слез не разбирали дороги. В детдоме на комитете комсомола ребята нам заявили: все будет по-прежнему, с вами ничего не произошло, вы будете комсомольцами для нас и для себя всегда. Так и было. Мы по-прежнему выполняли свои поручения, были вожатыми в пионерских отрядах, ходили мы на собрания. Кто был в том ко-

митете комсомола? Ваня Лощановский, Миша Примак, Миша Юрьев. Они потом на войне погибли".

Ушли на войну Гриша Родин, Ноля Митлянский, Юра Дивильковский, Габор Рааб. Гриша Родин погиб сразу.

Света Тухачевская, Мира Уборевич, Вета Гамарник очень просились на фронт. Не пустили. Дочкам "врагов народа" не доверяли.

Вета пошла работать в свердловский госпиталь. Там она и познакомилась с лейтенантом Валентином Кочневым, находившимся на излечении.

Комиссар Кукушкин был категорически против, чтобы его любимец, лейтенант Кочнев, женился на дочке "врага народа". Все пять месяцев, пока ждали Ветиного совершеннолетия, комиссар Кукушкин вел душеспасительные, переходящие в угрозы, беседы с лейтенантом.

Валентин Кочнев комиссара Кукушкина не испугался и женился на Вете тотчас же, как ей исполнилось 18 лет.

Потом была землянка на Гореловском кордоне под Свердловском. Вета готовилась стать матерью.

Дочке Наташе исполнилось семнадцать дней, когда Валентин Кочнев уехал опять на фронт. Вета поехала к его маме, в город Кузнецк Пензенской области.

"Везде были люди. Потому мы и выжили. В войну архитектурный институт, где я училась, эвакуировали в Ташкент, — говорит Владимира Иеронимовна Уборевич. — В Ташкенте я год жила у Елены Сергеевны Булгаковой. Елена Сергеевна была дружна с моей мамой. Елене Сергеевне самой практически не на что было жить, с нею был ее младший сын Сережа. А тут еще я. Но она меня приняла, как родную. У Елены Сергеевны собирались многие интересные люди. Приходила часто Анна Андреевна Ахматова. Она читала свои стихи. Стихи в то время Анна Андреевна не записывала, держала в памяти. Ее единственный сын Лев сидел в лагере. Сама Анна Андреевна каждый день ждала ареста. Потом она заболела скарлатиной и чуть не умерла. Мы с Сережей Шиловским носили ей еду в больницу".

Погиб на войне Игорь Купцов. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Погибли Юрий Дивильковский и Габор Рааб.

Даниэль Митлянский на войне остался жив и невредим. Смерть его миновала, хотя воевал он исправно и

мог бы быть убит в любую минуту, но такова была его судьба: уцелеть. Спустя двадцать шесть лет скульптор Даниэль Митлянский в бронзе вернет жизнь своим одноклассникам Игорю Купцову, Габору Раабу, Грише Родину, Юре Дивильковскому, и будут мальчики во дворе своей 110-й школы стоять вечно юные, с цыплячьими шеями, в шинелях, со штыками за спиной.

В семьи к погибшим одноклассникам ходили все, кто остался жив, кто был в Москве.

Вета жила по-прежнему в Кузнецке, по-прежнему усердно переписывалась с друзьями. Москва свежо и остро вспоминалась. Тоска по ней была неодолимой. Вскоре представилась возможность съездить в столицу с оказией.

Валентина Кочнева исключили из партии: "за потерю бдительности", то есть за то, что женат на дочери "врага народа". Вета это стерпеть не смогла и, написав несколько писем, повезла их в Москву. Одно из писем было "лично товарищу Сталину". Это письмо Вета вместе с Ирой Голяминой отнесла к Спасским воротам Кремля, отдала в комендатуру. В письме "лично товарищу Сталину" Вета писала: "Надо — сажайте меня, но при чем тут мой муж? Он воевал, он имеет семнадцать благодарностей лично от Вас, товарищ Сталин, он награжден орденами и медалями, он потерял на войне отца и брата, в чем же он провинился перед Отечеством?"

Я.Б.Гамарник, Г.Г.Ягода, А.А.Андреев, А.И.Микоян на трибуне в день физкультурного парада. 1936 г.

Через две недели в Пензенском обкоме партии Валентину Кочневу вернули партбилет. А еще через две недели пришли за Ветой.

Письмо было "услышано": мужа в партии восстановили, ее посадили.

Так за что же была арестована Вета Гамарник в сорок девятом году, мать маленьких дочек, двух и шести лет? Да, конечно, только за то, что она — дочь своего отца.

Из выступления Я.Б.Гамарника на совещании начальников политорганов Белорусского военного округа 26 ноября 1935 года:

"...Тут задавался один вопрос, на котором я хочу остановиться, — это вопрос о семьях начсостава, в частности о женах начсостава. Здесь многие выступали и говорили, что жена такого-то командира — дочь попа, что жена

такого-то командира — дочь торговца. Но, товарищи, было бы величайшей ошибкой, если бы мы начали "лупить" того или иного командира эскадрильи или летчика, или молодого комвзвода за то, что он женился на дочери попа или внучке торговца, которой сейчас 18 — 20 лет. Я думаю, что многие из вас прикрывают свою плохую работу среди семей начсостава, отыгрываясь на том, что жена командира — дочь попа. Разве мы с вами не можем воспитать ту или иную жену командира, которая не имеет никаких грехов, кроме того, что она дочь попа, если это вообще за грех можно считать".

За Ветой пришли и спросили: "Оружие есть?" — "Есть. Пулемет в подполе". Кинулись в подпол. Взбешенные вернулись: "Издеваться изволишь". Вета улыбнулась. Потом надела свое детдомовское пальто и на-

правилась к двери. "Вета, — сказал муж, — давай хоть попрощаемся". Вернулась, поцеловала. На войне, за форсирование Днепра, лейтенанта Кочнева представили к Звезде Героя, но не дали эту награду. Из-за нее, Веты. После войны, в сорок шестом, Валентин Кочнев поступал в Военно-инженерную академию имени Куйбышева, в Москве. Сдал все экзамены на "отлично". В академию его не приняли. Не пропустила мандатная комиссия. Опять из-за нее, Веты. Когда Вета была уже арестована, муж сестры Валентина пришел и стал уговаривать его отречься от Веты: "Сколько она горя тебе принесла, а сколько еще принесет?" Мария Ивановна Кочнева, Ветина свекровь, услышав эти слова, вытолкала зятя вон. А сыну сказала: "Держись за Ветку. Она — твое счастье".

И.В. Сталин, Я.Б. Гамарник на совещании жен командиров Красной Армии. 1937 г.

А Вета в это время уже год как сидела во внутренней тюрьме в Пензе. Три с половиной месяца одиночки, бесконечных ночных допросов. Кому — отбой, а ей — на допрос. Приводят в камеру утром. Лежать нельзя, ходить нельзя, можно только сидеть — но так, чтобы в глазок было видно твое лицо, и — не дремать, не положено! Все это время Валентин возил передачи, работал и возился с дочками. А писать не мог. Не положено! Но она знала: он есть, помнит, любит. И вот решение Особого совещания. Десять лет ссылки в Красноярский край.

Статья расшифровывалась так: социально опасный элемент. Речь шла о девицах легкого поведения. С этими девицами она и ехала в "столыпинском вагоне", где вместо дверей были решетки. В обычном купе помещалось 19 человек: 18 девушек, что осаждали "Метрополь", и она, Вета Гамарник. В дороге — ржавая селедка и совсем мало воды. Одна женщина была в положении. Она мучилась ужасно. На перронах ставили на колени. И конвоиры с собаками. Ехали очень долго. Приехали в село Тасево, что в 150 километрах от

Канска Красноярского края. Декабрь. Минус пятьдесят.

Объявили: где хотите — работайте, но чтоб работали непременно; где хотите — живите, но два раза в месяц приходите в комендатуру отмечаться. После долгих поисков нашли заброшенную баню. На первые дни и ночи и это счастье. Для работы два места: леспромхоз и кир-

пичный завод. Обрубка сучьев по пояс в снегу или тяжеленные носилки с кирпичами. Работала и там, и там.

От непосильного труда стали распухать руки и ноги, а сама Вета все больше походила на живой скелет. Разрешили поездку в Красноярск, к врачам. Врачи сказали: "Вернетесь обратно, жизни вам два-три месяца". И — вновь хорошие люди. По заключению врачей оставили работать в Красноярске.

Валентин Кочнев приезжал к жене, хотел перебраться в эти края. Сама отговорила. Если уж в родном Кузнецке мордовали, что будет здесь? Где работать? Кто здесь рядом с ссыльной женой ему, учителю, доверит детей?

Ира Голямина, Виринея Каминская, Даниэль Митлянский из Москвы слали Вете письма и посылки с едой и теплыми вещами.

В Красноярске родилась Лена, третья дочь.

"Не было сил расстаться с Леной. Ею только и жила. Семь километров в один конец, семь километров — в другой. Это дорога в ясли. Каждый день преодолевали ее на санках. Жили в отгороженном фанерой закутке. По ту сторону фанеры — бочки с помоями для хозяйских свиней и коровы. Дважды Лена у меня там умирала".

...Мы с Викторией Яновной едем к дому № 11 в Большом Ржевском переулке, что между улицей Воровского и новым Арбатом. Большой серый мрачный дом с колоннами.

На доме установлена мемориальная доска — "Здесь жил активный участник Великой Октябрьской революции и гражданской войны..." Хотим возложить цветы, но подставка для цветов находится слишком высоко. Просим помочь молодого человека, проходящего мимо. Молодой человек останавливается, выслушивает нас, потом читает текст мемориальной доски и идет прочь. Смотрим на прохожих уже с явным подозрением: а вдруг и они? "Вот, — говорит Виктория Яновна, — мальчишки!" Мальчишки с радостью выполняют поручение. Кладут цветы. Читают надпись. "А кто этот дяденька?" — "Вы же прочитали". — "А все равно — кто он вам?"

Разговариваю с мальчишками, а из головы не идет молодой человек, его пустой взгляд.

А может, ну его?.. Может, эти мальчишки — важнее? Или та же шестилетняя правнучка Гамарника Валя, которую назвали в честь деда. (Валентин Алексеевич Кочнев умер в восьмидесятом. Умер молодым — в пятьдесят девять лет. Три инфаркта. Было отчего...)

...Мы возвращаемся на квартиру Виктории Яновны. Говорим до вечера. Приходит с работы Лена. Я вижу, как она похожа на деда. Звонит Владимира Иеронимовна Уборевич, вечером с Викторией Яновной они идут на тридцатилетие Нины Тухачевской, дочери Светланы Михайловны. Светлана Михайловна умерла пять лет назад.

"По возвращении из ссылки, — вспоминает Виктория Яновна, — мне очень помог Анастас Иванович Микоян. До 31 мая 1937 года мы жили на одной даче с семьей Микояна. У него было пять сыновей, пять моих закадычных друзей. Мой ровесник Володя Микоян погиб на войне. Степан, Серго, Ваня, Алеша были и остаются мне дорогими людьми. В позапрошлом году, 19 декабря, умер Алеша Микоян, генерал-лейтенант, заслуженный летчик,

человек, который всю жизнь делал людям добро, и, даже будучи уже тяжело больным, перед самой смертью, он поднимался и шел помогать: привозил лекарства, "выбивал" квартиру, устанавливал телефон, а скольких молодых летчиков выручал!.. Анастас Иванович после ссылки помог мне и Мире деньгами, квартирой, заботой. Никита Сергеевич Хрущев, знаю, обогрел семью Якира. Не думайте, что, мол, ну, тогда уже было можно... Не все, далеко не все кидались к нам на помощь, даже когда стало можно. Климент Ефремович Ворошилов в то же время отказался принять Светлану Тухачевскую. Уж не знаю почему. Может, не хватило мужества посмотреть Светлане в глаза?.."

Из приказа Народного Комиссара обороны СССР № 96 от 12 июня 1937 года:

"...11 июня перед Специальным Присутствием Верховного суда Союза ССР предстали главные предатели и главари этой отвратительной изменнической банды: Тухачевский М.Н., Якир И.Э., Уборевич И.П., Корк А.И., Эйдеман Р.П., Фельдман Б.М., Примаков В.М. и Путна В.К.

Верховный суд вынес свой справедливый приговор! Смерть врагам народа! Приговор изменникам воинской присяге, Родине и своей Армии мог быть только и только таким.

Вся Красная Армия облегченно вздохнет, узнав о достойном приговоре суда над изменниками, об исполнении справедливого приговора. Мерзкие предатели, так подло обманувшие свое правительство, народ, Армию, уничтожены...

Бывший заместитель Народного Комиссара обороны Гамарник, предатель и трус, побоявшийся предстать перед судом советского народа, покончил самоубийством...

Конечной целью этой шайки было — ликвидировать во что бы то ни стало и какими угодно средствами советский строй в нашей стране, уничтожить в ней Советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов...

Мировой фашизм и на этот раз узнает, что его верные агенты гамарники и тухачевские, якиры и уборевичи и прочая предательская падаль, лакейски служившие капи-

тализму, стерты с лица земли и память о них будет проклята и забыта.

Народный Комиссар обороны СССР,
Маршал Советского Союза
К.Ворошилов".

Из очерка "Товарищ в борьбе" в сборнике воспоминаний "Ян Гамарник", вышедшем в Воениздате:

"Вся сравнительно короткая жизнь Яна Борисовича Гамарника — это трудовой и ратный подвиг. От рядового коммуниста до крупного партийного руководителя — таков его путь. Ян Гамарник на любом посту работал с полной энергией. Он показывал пример простоты и скромности, органически не терпел кичливости и зазнайства. Он был настоящим большевиком-ленинцем. Таким он и останется в сердцах тех, кто знал его лично, в памяти всех трудящихся".

Написан очерк в 1967 году. Год издания сборника — 1978-й. Автор вышеупомянутых пламенных строк — Климент Ефремович Ворошилов.

Сегодня то громче, то тише раздаются голоса: хватит 37-го года! Тяжело все это! Лучше не знать! Откуда это в нас — "лучше не знать"? Не оттуда ли, из 37-го, ни оттуда ли, из 67-го, из 78-го, когда наше дело, чего не коснись, было маленькое? Почему "лучше" не думать, не читать, не слышать, не вспоминать, не сострадать? Что еще можно поставить в этот ряд — не быть? Вот оно — логическое завершение неуважения к жизни человека вообще и в частности!

Что касается частностей, то надобно отметить, что вовсе не случайно во времена застоя в сборнике "Ян Гамарник" не было внятно сказано о причине, по которой прервал свою жизнь "активный участник Великой Октябрькой социалистической революции и гражданской войны, советский, партийный и военный деятель". Об этом в своем стихотворении "После реабилитации" прямо и недвусмысленно заявит Борис Слуцкий: "Гамарник был подтянут и высок, и знаменит умом и бородою. Ему ли встать казанской сиротою перед судом? Он выстрелил в висок". "...Он был острей, толковей очень многих..."

В том-то и дело, что острей, толковей очень многих.

Ни слова в сборнике о трагической участи, постигшей всю комиссарскую семью (кроме жены и дочери пострадали также мама и сестры Яна Борисовича; мама, старая больная женщина, была сослана в Башкирию и брошена на произвол судьбы, ей негде и не на что было жить, она просила милостыню, сестры Гамарника в это время были заключены в тюрьмы и лагеря). Почему так? Может быть, потому, что в застойные времена как раз и победили те, кто решил, что хватит разоблачать 37-й год, лучше сделать вид, что его не было вообще?!

И не случайно встретился нам прохожий, не захотевший дотянуться с цветами к мемориальной доске. Да хоть на каждом камне, облитом кровью, установи мы мемориальные доски, не избежать нам молодых людей с пустыми глазами и пустыми сердцами, если не расскажем мы им, не страшась, о страданиях и лишениях, что выпали на долю лучших наших соотечественников.

Это урок прошлого.

Это урок нам на будущее.

Н.П. ГЛЕБОВ-АВИЛОВ
(1887 — 1942)

НАРКОМ, РЕДАКТОР, ДИРЕКТОР...

Анатолий ПАНКОВ

Его фотография висит в музее газеты "Труд". Тут же фотокопия первого номера профсоюзной газеты, вышедшего 19 февраля 1921 года. Как и полагается, в конце номера стоит фамилия главного редактора — Н.П.Глебов. И приложена краткая биография. Настолько краткая, что едва ли дает представление о том, какой долгий и драматичный путь — путь борьбы и лишений прошел этот человек, большевик-ленинец, член первого Советского правительства.

Не намного больше можно узнать о нем и в Большой Советской Энциклопедии. Специальных же книг или воспоминаний о нем никто не писал. Даже личное дело разыскать проблема, поскольку осенью 1936 года он был репрессирован. В одном из громких процессов тех лет Вышинский выбивал из очередной своей жертвы сведения о том, будто Глебов-Авилов готовил "террор против Сталина".

Мало осталось тех, кто лично знал Николая Павловича, хотя бы в последние годы его жизни. Сам же он мемуаров не писал. Во всяком случае, нам ничего не известно. Единственный дошедший до нас его рассказ о себе — краткая биография.

Более полувека прошло после ареста. Живы ли родственники? Да и вообще была ли у него семья, дети? Ведь, как правило, именно в семье вопреки всем перипетиям судьбы сохраняются память и то, что мы называем реликвиями — документы, фотографии, вещи? Скорее всего, на всякий случай, почти не веря в успех (ведь арестовали и судили Глебова-Авилова в Ростове-на-Дону), обращаюсь в московскую справочную. И получаю телефон Г.Н.Глебова-Авилова. Появилась надежда: фамилия-то редчайшая — искусственно создана из партийного псевдонима большевика и его родной фамилии, да и инициал сходится. И все же боюсь, что ниточка оборвется (и это разыскиваются родственники соратника Ленина!). Когда же в телефонной трубке раздался мягкий, глуховатый голос: "Глеб Николаевич слушает...", все сомнения в

родстве сразу отпали. И отчество совпало, и имя Глеб — не случайное, оно тоже было партийным псевдонимом Глебова-Авилова. Выходит, он его подарил сыну.

Встретились на квартире Глеба Николаевича. Приехала и его старшая сестра Ирина Николаевна, почти всю жизнь проработавшая инженером на Первом подшипниковом заводе.

Было удивительно слушать Ирину Николаевну, как они жили в Кремле (она и родилась там в 1918 году), как в одном коридоре с ними (!) жили Дзержинский и Ленгник (один из самых первых большевиков), как запросто бывали в квартирах Калинина, Ворошилова...

Когда в тридцать шестом дети внезапно осиротели, их забрали к себе родственники, за что все они пострадали: кого-то арестовывали, кого-то увольняли, ссылали в отдаленные места. Да и самим детям "врага народа" жилось несладко. Глеб не погиб, может быть, только благодаря тому, что полфамилии его отпало, стал он просто Глебов. Но в 1949 году, когда он начал оформляться для загранплавания, выяснилось, чей он сын, и его исключили из ленинградской мореходки. Обращение непосредственно к А.И. Микояну, который хорошо знал отца, помогло восстановиться. Но не надолго. Через два месяца грянуло "Ленинградское дело", и Глеб оказался на улице.

Ирина Николаевна была представлена в числе авторов новой технологии к Сталинской премии. Премию дали, но ее фамилию из списка вычеркнули. Пятьдесят шестой год все поставил на свое место, и жизнь в общем-то выправилась...

Документов о Глебове-Авилове в семейном архиве никаких не сохранилось. Писем — тоже, осталась лишь одна открытка. И десяток-полтора фотографий. Да и откуда им взяться больше, если уже на следующий день после ареста те, кто брал отца, бесцеремонно вырывали снимки из семейного альбома. Может быть, они искали те, где Глебов-Авилов был рядом со Сталиным?..

На профессиональном снимке запечатлена большая группа людей — в основном женщины. Легко узнаваемы на снимке Орджоникидзе, Стасова, Шверник. Это зафиксирована в 1935 году встреча с активистками движения жен крупных руководителей (было и такое!). Среди них и мать Глеба Николаевича. За свою общественную дея-

тельность она была премирована тогда легковым автомобилем. Трудно было молодой женщине предположить, что случится с ее мужем всего через год. Это настолько казалось невероятным, что она не выдержала внезапной трагедии и покончила с собой...

Рассказывает Г.Н.Глебов-Авилов:

"Мне было всего семь лет, когда однажды ночью отец исчез. Навсегда. Но многое врезалось в память очень сильно... Он часто задерживался на заводе допоздна. Но в свободную минуту любил повозиться с нами. Иногда по вечерам читал вслух книги. Помню, очень любил он Михаила Зощенко.

Отец отрицательно относился к спиртному. Был такой случай: даже со дня рождения матери ушел. Подарил ей огромный, в мой рост, торт и ушел. Вернулся, когда гости разошлись. Но человеком он был компанейским. Любил с друзьями ездить на рыбалку или охоту. И, что характерно, не было у него предвзятого отношения к чинам и рангам. Очень дружил и с главным инженером завода, и с дворником, жившим в нашем доме. Я играл с детьми дворника, они постоянно бывали у нас, и это только поощрялось".

ПОДПОЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Зная, что судьба уготовила Глебову-Авилову стать первым редактором первой ежедневной профсоюзной газеты нашей страны, я пытался выяснить, где и какое образование он получил. По-видимому, сколько-то классов церковноприходской школы окончил. Но бедность заставила Колю Авилова устраиваться на работу уже в двенадцать лет. Лет с шестнадцати начал посещать рабочие кружки, митинги, читать марксистскую литературу. В 1904 году стал членом большевистской партии. В следующем году восемнадцатилетний наборщик был одним из организаторов стачки в губернской типографии. Его уволили, и найти работу в родном городе он не смог, подался в Москву.

С тех пор стал профессиональным революционером. Сначала как "техник партии" — организатором и работником подпольных типографий.

Вспоминает рабочий-большевик А.Доброхотов:

"...В конспиративном отношении... квартира была превосходная, но в гигиеническом — отвратительная.

Каменные стены были всегда влажны от сырости, и капельки воды струились на пол. Проветривать комнату было невозможно, и поэтому в квартире стоял всегда затхлый прелый воздух и приторные испарения от сырости... К началу лета я стал бледен как бумага... Заменить меня было некому... Наконец т.Николай, наборщик из Калуги... сменил меня".

В этой московской типографии, что располагалась на нынешнем проспекте Мира, и работал Авилов. Интересно, что А. Доброхотов пишет далее, будто Николай потом умер на каторге. Как всякий профессиональный революционер, Авилов вынужден был в царское время скрываться под различными вымышленными фамилиями и партийными кличками: Глеб, Н. Глебов, Н.В.Сидоров, Н.П.Волынский, Н.Ф.Несслер... Может быть, какой-нибудь Сидоров действительно умер. Или просто Доброхотов потерял след Николая, который по заданию Московского комитета РСДРП отправился на Урал. Потом пошли аресты. Но едва выходил на свободу или убегал из-под надзора полиции, как снова принимался за организацию типографий, выпуск газет. К тому времени он уже был не только "техник", но и пропагандист, публицист.

С большой осторожностью, боясь, что они рассыпятся в прах, я держал хрупкие листки подпольной газеты "Калужский рабочий", которая вышла летом 1908 года. Тогда, в самый разгул реакции, Глебов-Авилов возвращается в Калугу в ожидании очередного суда, но, несмотря на надзор полиции, восстанавливает комитет социал-демократической партии и заново начинает выпускать газету. Увы, до читателей дошел лишь один номер. Только напечатали первую полосу следующего номера и стали набирать вторую, как нагрянула полиция. Так и дошел до нас этот уникальный оттиск с одной страницей, оборванной на полуслове, как недопетая песня.

Н.П. Глебов-Авилов (четвертый справа во втором ряду) с членами президиума III Всероссийского съезда профсоюзов. В центре в первом ряду — М.П. Томский

В ноябре 1910 года "Глеба" и еще одного рабочего Московская большевистская организация направляет в Болонью для учебы во "второй партшколе" (первая была тоже в Италии — на острове Капри). Школы эти создавали марксисты, сгруппировавшиеся вокруг журнала "Вперед". Они расходились с большевиками в том, что выступали против участия в Государственной думе, профсоюзах и других легальных организациях. Впоследствии Глебов-Авилов отмечал, что он никогда не был "впередовцем", но ему очень хотелось расширить свои познания марксизма. В Болонье читали лекции директор школы А.Луначарский, а также М.Покровский, А.Коллонтай и другие видные революционеры, многие из которых потом стали большевиками.

А.В.Луначарский писал:

"Ученики Болонской школы были по своему качеству несколько ниже каприйских, но и тут было по своему качеству несколько выдающихся людей, из коих отмечу тов. Гл. Авилова".

Школа приглашала читать лекции и Ленина. Владимир Ильич в Болонью поехать не смог (да и не хотел по "принципиальным причинам"), однако готов был высту-

пить перед слушателями и пригласил их всех в Париж. Туда они все приехали, но лекции так и не начались. Ленинский "университет" Глебов-Авилов проходил три года спустя.

За это время жизнь устроила жесточайшие "вступительные экзамены": арест на Путиловском заводе, знаменитая тюрьма "Кресты", две ссылки в тобольские города Ялуторовск и Тару... А в перерывах — подпольная работа в Питере, сотрудничество в "Правде", редактирование журнала профсоюза металлистов...

В 1914 году большевики решили созвать за границей Всероссийскую конференцию. Для выполнения организационных заданий Ленина большевистская фракция Государственной думы направила к Владимиру Ильичу в Поронин несколько наиболее способных и надежных подпольщиков. "Благородно одетые" рабочие-большевики Алексей Киселев и Николай Глебов-Авилов с риском для жизни тайно пересекли границу с Австро-Венгрией и благополучно добрались до "виллы Тереско", где жил Ленин.

В.И.Ленин (из письма Инессе Арманд 12 июля 1914 года):

"Сегодня (воскресенье) прибыли двое рабочих, очень хорошие парни, из нашей столицы".

Устроились они по соседству и в течение почти трех недель по нескольку раз в день бывали у Владимира Ильича, тем более что и питались у него. Их поразила работоспособность Ленина: ежедневно писал он множество писем и статей, на велосипеде отвозил все это на почту и возвращался с увесистой сумкой, в которой лежали книги, журналы, газеты, письма на многих языках — все, что получал ЦК партии. При этом находил время побеседовать с ними. По ряду вопросов, казавшихся неясными, Владимир Ильич читал им целые лекции.

По заданию Ленина Глебов-Авилов отправился в Баку, затем в Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Там его застала первая мировая война. Отношение к революционерам стало еще более жестким. Глебова-Авилова ссылают в Нарымский край (север Томской области) "на все время военного положения в Одесском военном округе". Снова побег, и снова ссылка в Нарымский край.

Ссылка, по свидетельству многих революционеров, прошедших ее суровую школу, на некоторых действова-

ла угнетающе, разлагала вынужденным бездельем, оторванностью от политической жизни страны. Это усугублялось тяжелыми бытовыми условиями и жестокостью охранников. Глебов-Авилов все невзгоды ссылки пережил стойко. Старый большевик В.Н.Залежский вспоминал впоследствии, что Николай Павлович попал в один из отдаленных пунктов Нарымского края, где поселенцы даже взбунтовались. Но было, по словам Залежского, одно преимущество у Нарымского края: "стараниями" правительства там оказалось очень много "выдержанных" старых большевиков, благодаря чему ссылка жила весьма содержательной жизнью. И здесь, в суровых условиях, продолжались университеты революционера.

Февральская революция застала Глебова-Авилова в "бегах". В Томске он помог организовать местный ревком — и в Питер.

ЧЛЕНУ ПРАВИТЕЛЬСТВА — 30 ЛЕТ

В ночь с 26 на 27 октября (по старому стилю) семнадцатого года на II Всероссийском съезде Советов было образовано первое Советское правительство во главе с Лениным. Народным комиссаром почт и телеграфов стал Глебов-Авилов. Случайность или закономерное следствие авторитета молодого большевика, которому за две недели до этого исполнилось тридцать лет?

Период между Февралем и Октябрем был столь насыщенным в биографии Глебова-Авилова, что едва ли возможно даже перечислить все те "посты", которые он занимал.

После возвращения из Нарымского края Глебов-Авилов с головой уходит в бурную политическую жизнь столицы. Организует Невский райком партии, входит в исполнительную комиссию Петроградского горкома. Затем переключается на профсоюзную работу. В годы реакции многие профсоюзы были запрещены, и теперь надо было их восстанавливать. На III Всероссийской конференции профсоюзов избирается в исполком ВЦСПС и секретарем его печатного органа. Одновременно занимается созданием фабрично-заводских комитетов (тогда они были автономны от профсоюзов) и становится членом их Центрального совета. Во многих доктябрьских

номерах "Правды" появляются его заметки по профсоюзным вопросам.

Авторитет его быстро растет. На Апрельской конференции РСДРП(б) его избирают кандидатом в члены ЦК. Выборы тогда проходили так: каждый из 109 делегатов конференции должен был написать список членов ЦК из девяти человек — это и был бюллетень для голосования. Глебов-Авилов по числу голосов занял тринадцатое место и стал кандидатом в члены ЦК.

На VI съезде партии он выступает с докладом о профсоюзном движении.

Непосредственно в предоктябрьские дни Глебов-Авилов участвовал в подготовке красногвардейских отрядов к вооруженному восстанию.

Как видно, не случайно ЦК партии рекомендовал его в состав первого правительства: несмотря на молодость, имел он богатый политический и жизненный опыт.

Н.П. Глебов-Авилов выступает на Дворцовой площади в Ленинграде

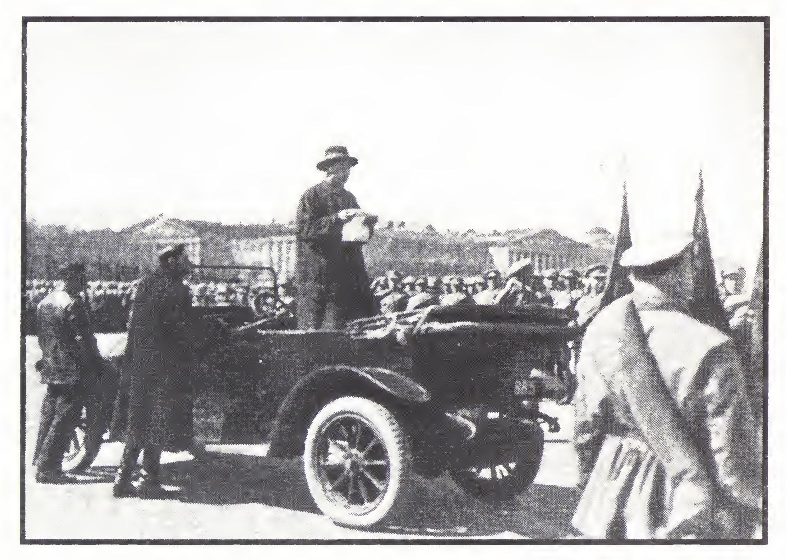
Получив мандат наркома, Глебов-Авилов не спешит появляться в "своем" министерстве: главным было не формальное руководство, а реальное овладение почтой, телеграфом, телефоном. Лишь шесть дней спустя нарком пришел в министерство для принятия дел.

Вспоминает бывший заместитель наркома почт и телеграфов А.М.Любович:

"...Начался наглый, неприкрытый саботаж... Откормленные, выхоленные министерские чиновники свысока смотрели на представителей Советской власти, и не только никто из них ничего не делал, но и не исполнял распоряжений народного комиссара Авилова... Нужно удивляться чрезвычайному терпению, которое было проявлено по отношению к этим саботажникам народным комиссаром..."

Надо учесть, что в министерстве работали еще царские чиновники, а в профсоюзе верховодили эсеры и меньшевики. После нескольких дней "терпения" нарком обра-

тился с "декларацией" к низшим служащим и рабочим: "Выбирайте! С нами — и вы теряете только свои цепи. Против нас — и вы приобретаете жгучую, клеймящую ненависть пролетариата. Но с вами или без вас почта и телеграф останутся в руках революции, революция ждать не будет..." Одновременно отменялись реакционные меры прежнего министра Временного правитель-

ства. Еще через несколько дней кронштадтские матросы выгнали чиновников из министерства и появился приказ: кто не признает власти народного комиссара, считается уволенным. Эти и другие решительные меры наркома многих отрезвили.

О том, насколько сложно было овладеть старым государственным аппаратом, говорят, может быть, и не главные, но немаловажные факты: министерство почт и телеграфов под таким названием существовало еще пять месяцев, а на печати "наркома по министерству почт и телеграфов" красовался... воинственный двуглавый орел.

По Биохронике Ленина, по его собранию сочинений можно проследить, какой напряженной была работа: в день по нескольку статей и по нескольку речей. Так же работали все видные большевики. И по сути не столь важно, кто какой пост занимал официально, в то время у

всех у них, образно говоря, была одна должность — большевик.

Да, вначале их было немного — самых преданных, опытных, смелых, прошедших горнила подполья, царских застенков, ссылок, и приходилось каждому работать за десятерых. Вот почему у Глебова-Авилова в первые годы Советской власти очень пестрая биография.

В конце декабря 1917 года, после того как левые эсеры вошли в правительство, он сдал им пост наркома. Был помощником комиссара Государственного банка (ключевая для экономики страны организация!). Перешли немцы в наступление — его послали под Псков комиссаром Комитета революционной обороны Петрограда. Очень напряженная ситуация сложилась в полуокруженном врагами революции Новороссийске — был направлен туда. Кризис Черноморского флота — назначен его главным комиссаром. Белополяки у стен Чернигова — стал председателем ревкома. Надо наводить порядок в хозяйстве освобожденной Украины — нарком труда этой республики.

Может, кто-то, глядя на эти перемещения "сегодняшними глазами", воскликнет: вот и тогда бросали с места на место "номенклатурных" работников! Да, бросали. Только не на "теплые местечки", а на горячие. Когда надо было ехать за сотни верст через территории, занятые то ли красными, то ли белыми, то ли зелеными... Когда никакой мандат не убережет от пули, а вся твоя личная охрана — мужество, выдержка, находчивость, убежденность, большевистское слово правды. Когда один неосторожный шаг, одна ошибка — и ты будешь расстрелян врагами или... своими. Да, было и такое, когда Глебова-Авилова как "изменника" и "провокатора" чуть не "шлепнули" по решению... Новороссийского Совета. Случилось это в июне восемнадцатого, когда по прямому указанию Ленина надо было во что бы то ни стало потопить Черноморский флот.

БЛИЖЕ К МАССАМ

В истории советских профсоюзов есть и свои выдающиеся деятели. К их числу принадлежит и Глебов-Авилов.

До Октября ему приходилось бороться за объедине-

ние завкомов и профсоюзов, за производственный принцип построения организаций, за создание общероссийских профсоюзов, против "нейтральности" и за тесные связи с пролетарской партией...

После Октябрьской революции Глебов-Авилов был одно время секретарем ВЦСПС. Шла гражданская война, и от рабочего класса требовалось, как говорил Ленин, больше дисциплины, больше единоначалия, больше диктатуры! "Милитаризация труда" сказалась и на профсоюзах. Членство было обязательным. При выборах комитетов голосовали только списком. Профсоюзы частично финансировались из госбюджета. Шло "огосударствление" профсоюзов.

Но жизнь меняется. На смену "военному коммунизму" пришел нэп. Надо было менять и методы работы профсоюзов. В этот переходный период Троцкий навязал партии бурную дискуссию о профсоюзах. Наверно, эта ситуация заставила ВЦСПС начать наконец издание более оперативной, ежедневной газеты (до этого был еженедельник). И, пожалуй, не было среди профсоюзных деятелей страны более опытного газетчика, чем Глебов-Авилов. 33-летний большевик стал первым главным редактором газеты "Труд".

Достаточно бегло взглянуть на заголовки и рубрики первого номера "Труда" от 19 февраля 1921 года, чтобы убедиться: основные линии выбраны настолько правильно, что они в значительной мере злободневны и сегодня.

Вот написанная Глебовым-Авиловым передовица первого номера — многое в ней как бы адресуется и нынешним газетчикам:

"Здоровая небезответственная критика наших непорядков, где бы они ни происходили — в Народном Комиссариате, в Главке, Центре, в профсоюзе или за станком рабочего, — основная задача нашей газеты".

В 1923 — 1926 годах был в жизни Глебова-Авилова чисто профсоюзный период: он возглавлял Ленинградский губернский совет и Северо-Западное бюро профсоюзов, стал членом Президиума ВЦСПС. Тогда же он издал четыре книжки, в которых проанализировал путь развития профсоюзов, поделился опытом ленинградцев, выделил основные задачи. Книги написаны по-большевистски откровенно, честно, и разговор в них конкретный и деловой. В них четко прослеживается солидарность с

гибкой ленинской тактикой: формы работы зависят от конкретной ситуации. Как это перекликается с требованиями нынешней перестройки!

X съезд партии, завершив дискуссию о профсоюзах, постановил считать главным методом профсоюзов метод убеждения, а не принуждения. С февраля 1922 года профсоюзы перешли на добровольное членство и ”са-

мокупаемость”. Лозунгом дня стало: ближе к массам! Но одно дело провозгласить это и другое — следовать на практике. ”Нами руководит циркуляр”, — с горечью писал Глебов-Авилов в книге ”Профессиональные союзы на путях оживления своей работы” (1925 г.).

Что же он предлагал для оживления профсоюзной работы? Вот некоторые его выводы. Насколько они актуальны и сейчас — можете судить сами.

Изменить систему выборов (от списков перейти к персональному обсуждению): ”чтобы рабочий голосовал с разбором, нашу резолюцию принимал не механически”. Должна быть отчетность сверху донизу. Требовал беспощадной борьбы за чистоту профсоюзных рядов.

Предлагал не допустить ”сращивания” профсоюзов с хозяйственными органами.

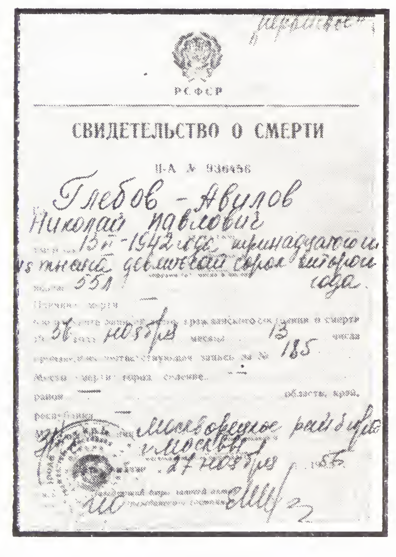
Ни на минуту не забывать об улучшении материаль-

ного положения рабочих. Но нельзя поощрять погоню за заработком любой ценой: "человеческие силы имеют предел, техника не может развиваться беспредельно".

Создавать рабочие клубы — очаги культуры:

"Сами-то мы не на все 100 процентов живем для будущих поколений, также и рабочий — он помогает налаживать хозяйство, борется за коммунизм, но наряду с

Н.П. Глебов-Авилов
с семьей

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

II-А № 936456

Глебов-Авилов
Николай Павлович
13/II-1942 года тринадцатого
февраля девятьсот сорок второго
года

этим он ищет разумного развлечения, пролетарского веселья. Не может он и не должен все время работать и ходить с "выражением на лице".

Глебов-Авилов не был формальным исполнителем постановлений, резолюций. Он не боялся проявить инициативу. В Ленинграде впервые появились цеховые бюро профсоюзов, хотя кое-кто поспешил назвать это новшество бюрократизацией. Вопреки позиции Томского, тогдашнего руководителя ВЦСПС, Глебов-Авилов горячо защищает производственные совещания, которые, по его мнению, и явились в то время для рабочих "школой управления, школой хозяйничания, школой коммунизма".

На XIII съезде партии Глебов-Авилов избран кандидатом в члены ЦК, а на следующем — оказался участником "новой оппозиции", которую возглавил Зиновьев, руководитель Ленинградской партийной организации...

В начале 1926 года Глебов-Авилов был снят со всех ленинградских постов и направлен в уже знакомую ему Италию советником полпредства. Но через четыре года он уже принимал участие в работе XVI съезда партии. Причем выступил в прениях по докладу первого секретаря ВЦСПС Шверника. И вот что интересно: несмотря на серьезнейшее наказание за участие в оппозиции, он сохраняет критический и деловой настрой. Когда во многих речах уже довлел хвалебный тон, Глебов-Авилов говорил о недостатках в социалистическом соревновании, в воспитании молодых рабочих, о бюрократизме, об ответственности хозяйственных руководителей.

Из выступления Н.П.Глебова-Авилова на XVI съезде ВКП(б):

"У нас не только... большое количество прогулов, невыходов — у нас... нет порядка в цехах — все хотят администрировать, руководить, все хотят людей расставлять, а когда происходит какая-нибудь ошибка, то никто не хочет за эту ошибку отвечать".

И еще одна характерная деталь. На этом съезде уже заметны славословия в адрес Сталина, ссылки на его речи. В выступлении Глебова-Авилова ничего этого нет. Сугубо деловой, конкретный разговор. В ленинском стиле.

"ВЫ МОЖЕТЕ ИМ ГОРДИТЬСЯ"

В первой пятилетке на окраине Ростова-на-Дону раскинулась огромная стройка — будущий гигантский завод сельскохозяйственного машиностроения. В мае 1928 года начальником "Сельмашстроя" назначили Глебова-Авилова.

Строительство не шло гладко. Проект неоднократно переделывался. Не хватало финансов, квалифицированных кадров, материалов, оборудования, продуктов питания, жилья. Были шкурники, паникеры, лодыри и пьяницы. И все же завод построили на год раньше срока. И год этот выгадали не за счет того, что наняли "миллион" рабочих. То, к чему когда-то призывал член Президиума ВЦСПС Глебов-Авилов, осуществил на практике начальник строительства (а потом директор завода) Глебов-Авилов. Он сделал упор на массовое ударничество, новаторство, рационализацию. Здесь впервые на советской стройке использовали бетонный завод. Здесь

применили экскаваторы, паровые лопаты, цементные пушки и другую технику, а также принципиально новые строительные конструкции.

Ставку на новейшую технику сделали и при закупке импортного оборудования для завода. Не расходились у Глебова-Авилова теория и практика и по поводу заботы об условиях труда рабочих. И завод получился превосходным. Об этом говорили многие зарубежные специалисты и общественные деятели, посетившие тогда новостройку.

Завод сумел дать прекрасную продукцию. В 1937 году на Международной выставке в Париже впервые демонстрировался зерноуборочный комбайн "лапотной" России. Весьма придирчивое жюри (все-таки конкуренция!) вынуждено было дать советскому первенцу "Гран-при". Однако директор "Ростсельмаша" уже не смог порадоваться вместе со своим коллективом — в октябре 1936 года его арестовали. Несколько месяцев спустя в "Труде" (парадокс истории или преднамеренность наказания?) появилась статья, в которой новый директор завода описывал, как Глебов-Авилов ...занимался вредительством, устраивал аварии в цехах...

Из рассказа Р.Г.Дианова, бывшего рабочего, первого стахановца "Ростсельмаша":

"Как о руководителе я о нем очень и очень хорошего мнения. Запомнился он требовательным и строгим, но отзывчивым, очень доступным для рабочих. Кто я тогда был? Еще юнец. А он мне: "Вы, товарищ Дианов, не стесняйтесь. Если вам что-то будет сдерживать производительность труда, приходите, я вас всегда приму..." И принимал. И не меня одного. Любого. Он был чуткий, очень чуткий человек..."

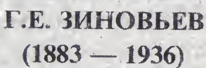
Вспоминает писатель Анатолий Софронов, бывший рабочий "Ростсельмаша":

"Он не ораторствовал, не витийствовал, не бросал пустых лозунгов, всегда говорил по делу, конкретно. Его очень внимательно слушали. Его вообще любили, он был чрезвычайно авторитетен на заводе".

По крупицам собирая сведения о Глебове-Авилове, я все более и более удивлялся: как же могло случиться, что его имя оказалось полузабытым? А ведь после реабилитации прошло более тридцати лет. Да, его помнят в ре-

дакции газеты ”Труд” и на ”Ростсельмаше” (там ему даже памятник установили, есть экспозиция в заводском музее), но широкому кругу советских людей его имя ничего не говорит. И дело сейчас не только в восстановлении исторической справедливости. Жизнь Глебова-Авилова — это пример для потомков. Он один из тех, ”делать жизнь с кого” учил поэт.

Г.Е. ЗИНОВЬЕВ
(1883 — 1936)

ЖИЗНЬ И ТРАГЕДИЯ

Дмитрий ШЕЛЕСТОВ,
доктор исторических наук

Те, кому довелось познакомиться с опубликованными в журнале "Коммунист" (1988. № 8, 9) протоколами этапной в истории большевистской партии VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП 1912 года, возможно, обратили внимание, что только два члена образованного на ней ЦК были избраны единогласно — Ленин и Зиновьев. Через пять лет эти же фамилии стояли первыми и при оглашении результатов выборов в ЦК на состоявшейся сразу после выхода партии из подполья VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) 1917 года. На прошедшем три месяца спустя судьбоносном VI съезде партии состав избранного им ЦК из конспиративных соображений не объявлялся. Тем не менее по предложению Г.К. Орджоникидзе было решено назвать фамилии четырех членов ЦК, получивших наибольшее количество голосов. Ими оказались: Ленин (133 голоса из 134 голосовавших), Зиновьев (132), а также Каменев и Троцкий (по 131 голосу).

Заглянем в стенограммы более поздних партийных съездов, скажем, XII (1923 г.), на котором Ленин из-за тяжелой болезни уже не мог присутствовать. Вместо него на съездовскую трибуну с основным докладом — Политическим отчетом ЦК — поднялся Зиновьев. На следующем, XIII партсъезде (1924 г.), собравшемся вскоре после кончины Владимира Ильича, такой доклад был сделан опять Зиновьевым, который, кстати, начал его со строк Александра Безыменского:

Видно, у мыслей дрогнули колени.
В омуте глаз заблудилась тоска.
— Политотчет Цека... Читает... Читает...
Не Ленин...

Все эти факты, свидетельствующие о высоком революционном и партийном авторитете Григория Евсеевича Зиновьева, сегодня по-прежнему еще непривычны и даже могут показаться односторонне подобранными, "надерганными", как мы привыкли лихо заявлять, обере-

гая привычные стереотипы нашей истории. А между тем для современников ее теперь уже далеких событий эти и многие другие подобные факты были повседневностью, и они в общем-то воспринимали Зиновьева как одного "из ближайших сотрудников и учеников тов. Ленина".

Приведенные слова взяты из биографического очерка середины 20-х годов. Десять лет спустя они были вытравлены, "исчезла" и сама биография, как бы опечатанная двумя жестокими словами: "враг народа". Теперь их трагическая неправедность общеизвестна, и имя Зиновьева должно занять свое место в истории нашей страны, что требует восстановления хотя бы основных вех его жизненного пути.

Л.Д. Троцкий, Я.М. Свердлов, Г.Е. Зиновьев, М.М. Лашевич в президиуме II съезда Советов Северной области. Петроград, 1918 г.

Подобно некоторым другим видным большевикам, Зиновьев (его другой партийный псевдоним — Радомысльский, а настоящая фамилия — Апфельбаум) по своему социальному происхождению не был выходцем из пролетарской среды. Он родился в 1883 году в Елизаветграде (ныне Кировоград) в семье мелкого предпринимателя (отец имел молочную ферму). Промысел приносил небольшие доходы, и 14-летний паренек начал подрабатывать платными уроками, а позже устроился конторщиком. Несмотря на это, он получил хорошее домашнее образование, позволившее успешно сдать экзамен и поступить в 1904 году в известный в Европе университет в Берне, который он, впрочем, скоро оставил, целиком посвятив себя революционной деятельности.

Первые шаги к ней были сделаны еще в ранней юности, когда он участвовал в молодежных и рабочих кружках, что привело затем, в 1901 году, 18-летнего Зиновьева в ряды РСДРП. Но определяющей в его революционной судьбе стала личная встреча с В.И.Лениным.

В многотомном издании ленинской Биохроники фамилия Зиновьева впервые упоминается в связи с одной из записей 1909 года. В действительности такое упоминание

должно быть отнесено на шесть лет раньше, к началу 1903 года, когда Зиновьев впервые переступил порог небольшого домика в женевском предместье Сешерон, где в ту пору жил и работал создатель и руководитель первой общерусской марксистской газеты "Искра". Эта встреча — не только важнейший факт биографии Зиновьева, но и одно из конкретных проявлений того, как

Владимир Ильич внимательно и неустанно формировал революционные ряды, готовя II съезд РСДРП (лето 1903 г.), положивший начало партии большевиков.

В предгрозовые месяцы кануна революции 1905 — 1907 годов Зиновьев активно участвует в работе комитета заграничной организации большевиков, сотрудничает в их первом журнале "Вперед".

"Это было при нас, это с нами вошло в поговорку..." Зиновьев — в числе тех, кто по праву мог повторить эти пастернаковские слова, открывающие поэму о первой русской революции. Едва в швейцарских газетах появились телеграммы о событиях 1905 года, он с группой большевиков пересекает границы, чтобы попасть в Петербург. Однако в этот раз — ненадолго, сердечное заболевание заставило вернуться обратно, лечь в клинику.

Когда весной 1906 года Зиновьеву удалось вновь при-

ехать в Петербург, он не мог, конечно, знать, что последующие два года станут для него временем напряженнейшей работы, которая выдвинет его в первые ряды большевиков. Вовлеченный в водоворот революции, он развернул активную и многообразную деятельность. Его некрупная фигура привычно мелькала среди рабочих за Московской заставой, он даже получил на время псевдоним "Григорий Московский". Позже с неменьшим вниманием этого популярного агитатора слушали рабочие Невского и ряда других районов. Направляемый Лениным, постоянно ощущая его поддержку, он окреп как большевик и вскоре был избран членом Петербургского комитета РСДРП, где вместе с другими ленинцами противостоял меньшевикам, проводя большевистскую линию.

Надо ли удивляться, что на состоявшемся весной 1907 года V (Лондонском) съезде РСДРП большевики провели 24-летнего Зиновьева в состав ЦК как одного из шести своих представителей. Вернувшись сразу после съезда в Петербург, он продолжил работу в трудных условиях спада революции и натиска всех противостоящих ей сил. Только в начале 1908 года полиция, выследив нелегальное собрание на Васильевском острове, сумела схватить Зиновьева. Тюремное заключение для человека с его здоровьем могло плохо кончиться. К счастью, через несколько месяцев его удалось вызволить с помощью известного адвоката Д.В.Стасова, отца большевички Е.Д.Стасовой.

В конце лета 1908 года Зиновьев приехал в Женеву к Ленину и с этого времени почти десять лет работал бок о бок с ним, под его непосредственным руководством. Он активно участвовал в деятельности большевиков в годы реакции и начала нового революционного подъема, был в числе тех, кто готовил уже упомянутую VI Всероссийскую конференцию РСДРП, выступал на ней, поддерживая ленинский курс свержения царизма.

Вскоре после конференции, летом 1912 года, Владимир Ильич обосновался вблизи российской границы, в Кракове. Сюда же перебрался и Зиновьев. Его политические оппоненты 20-х годов иногда утверждали, что он был простым секретарем Ленина. Конечно, это не так. В то время Ленин и Зиновьев вдвоем составляли Заграничное бюро ЦК большевиков. Ясно, что главная роль во всех

отношениях принадлежала исключительно Владимиру Ильичу. Но это совсем не значит, что другой член Бюро ЦК был лишь техническим сотрудником. Этого Ленин никогда не допустил бы.

С началом первой мировой войны Зиновьев вслед за Лениным оказался в Швейцарии. Наряду с другими оставшимися за рубежом большевиками он помогает Владимиру Ильичу восстанавливать связи с Россией, редактирует вместе с ним большевистскую газету "Социал-демократ", выступавшую с разоблачением социал-шовинизма и разъяснением империалистического характера войны. Зиновьев полностью воспринял ее ленинскую оценку, одно из свидетельств тому — привлечение его Владимиром Ильичем в качестве соавтора брошюры "Социализм и война" (1915 г.). Вскоре после окончания работы над ней Зиновьев отправился с Лениным в швейцарскую деревушку Циммервальд. Здесь, а через год в другой деревушке — Кинталь на Международных социалистических конференциях левые силы сделали шаг в своем интернациональном сплочении. Это была веха и в политической биографии Зиновьева, веха, которая еще сыграет свою роль в привлечении его к международному коммунистическому движению.

Но это будет позже. Пока же время неумолимо отсчитывало последние месяцы, недели и дни российского самодержавия. 2 (15) марта 1917 года Зиновьев, находившийся в Берне, получил из Цюриха телеграмму от Ленина о начавшейся в России революции. Владимир Ильич предлагал немедленно встретиться. Пройдет три недели, и они с группой революционеров-эмигрантов пересекут Германию в запломбированном вагоне, направляясь на родину, в революционный Петроград.

Этот вагон стал одиозным, когда летом 1917 года контрреволюция развернула травлю Ленина и его соратников как "немецких агентов". Среди тех, кто призывал к неукоснительному исполнению приказа о их поимке, был, между прочим, и меньшевик Вышинский. Через девятнадцать лет именно ему Сталин поручит требовать расстрела "главаря банды шпионов" Зиновьева, а из истории на долгие годы исчезнет тот факт, что Ленин скрывался от ищеек Временного правительства не один. В знаменитом шалаше в Разливе с ним жил и Зиновьев.

Как и Владимир Ильич, он был вынужден оставаться

на нелегальном положении вплоть до начала Октябрьского вооруженного восстания. По свидетельству первого летописца этих событий Джона Рида, на историческом заседании Петроградского Совета 25 октября (7 ноября) 1917 года вслед за Лениным, который провозгласил свершение рабочей и крестьянской революции, выступил Зиновьев, заявивший: "Сегодня мы заплатили долг

международному пролетариату и нанесли страшный удар войне, удар всем империалистам..."

Появление Зиновьева на этом заседании и произнесенная там речь наметили две основные линии его последующей деятельности: внутриполитическую и международную. В декабре 1917 года он был избран председателем Петроградского Совета и с переездом Советского правительства в марте 1918 года в Москву фактически возглавил этот важнейший район страны. Менее чем через полтора года в Москве состоялся учредительный конгресс III, Коммунистического Интернационала, Зиновьев стал также и председателем его Исполкома. На всех послеоктябрьских съездах партии, включая XIV (1925 г.), он входил в ЦК, был кандидатом в члены (1919 — 1921 гг.) и членом (1921 — 1926 гг.) его Политбюро.

Таковы самые основные контуры политической био-

графии Зиновьева до 1926 года, когда в ней произошел резкий перелом. Насколько неожидан он был? Вопрос этот не простой. Было бы заблуждением полагать, что реабилитация ряда крупных партийных и государственных деятелей сразу расставит все точные акценты в нашем прошлом, в том числе и в исторической оценке этих деятелей, включая Зиновьева. Ведь речь идет не о том, чтобы сводить политические счеты, возвеличивать или низвергать чьи-то персоны, важно другое — во имя настоящего и будущего правдиво увидеть день вчерашний, на основе ленинской методологии понять то время и действие в нем конкретных личностей с их устремлениями, страстями, идейной борьбой, осложненными разногласиями и, как мы теперь знаем, личным соперничеством. Все это требует глубоких исследований, которые еще впереди и не могут быть подменены краткими по необходимости историко-публицистическими заметками, дающими возможность лишь бегло коснуться отдельных вопросов сложнейшей проблемы.

Бюро фракции коммунистов V Всероссийского съезда Советов. В первом ряду Г.Е. Зиновьев, Я.М. Свердлов, Н.Н. Кузьмин, И.Г. Смилга. 1918 г.

Признание того, что Зиновьев принадлежал к ленинской большевистской гвардии, совсем не означает затушевывания его действительных политических ошибок и просчетов. Но теперь их анализ, очищенный от зловещих ярлыков и предвзятых обобщений, должен приобрести всесторонний, подлинно научный характер.

С настойчивостью метронома наши учебники истории десятилетиями акцентировали внимание на том, что в решающие предоктябрьские недели Зиновьев и Каменев высказали в ЦК несогласие с установкой Ленина на восстание. Да, это так, и они, по точному замечанию Рида, "испытали на себе всю страшную силу ленинской аргументации". Но разве за взгляды Ленин назвал их штрейкбрехерами и потребовал исключить из партии? Совсем нет. Его возмущение вызвал непартийный посту-

пок Зиновьева и Каменева, сделавших заявление по решенному ЦК вопросу в открытой печати и тем самым противопоставивших себя ЦК, проявивших амбициозную претензию на свою исключительность в коллективной выработке партийной линии. Думается, что именно такое понимание ”октябрьского эпизода” позволяет уяснить ленинскую политическую оценку Зиновьева и Каменева, данную пять лет спустя.

Все это время они, как известно, оставались в числе ближайших сотрудников Ленина, который как-то заметил, что ”без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены”. ”Особая надобность” пришла на исходе 1922 года, когда сраженный болезнью Владимир Ильич начал диктовать свое ныне широко известное ”Письмо к съезду”. Говоря едва ли не последний раз в жизни о Зиновьеве, Владимир Ильич бескомпромиссно отметил, что его и Каменева ”октябрьский эпизод”, хотя он мало, может быть, ставим им в вину лично, конечно, не являлся случайностью.

Г.Е. Зиновьев выступает на митинге, посвященном закладке Дома рабочих. Москва, 1918 г.

На наш взгляд, здесь прежде всего имелись в виду политическая невыдержанность и амбициозность, проявившиеся в Октябрьские дни и грозившие перерасти в ”вождизм”. Нет никаких оснований предполагать, что Зиновьев (как и Каменев) стремился в первой половине 20-х годов к утверждению ”культа своей личности” в том смысле, как мы сегодня понимаем это явление. Он несомненно сознавал, что никто из ленинских соратников не может заменить ушедшего из жизни вождя, и был в принципе сторонником коллективного руководства, однако со все более возраставшей претензией играть в нем особую роль. Примерно к тому же, но со своих позиций и своими амбициями стремился и Троцкий, авторитет которого, однако, сильно пошатнулся в ходе идейного разгрома его сторонников в 1923 году и осуждения их

XIII партконференцией (январь 1924 г.) за попытку ревизии большевизма и явно выраженный мелкобуржуазный уклон.

Эту идейную борьбу с троцкистами возглавили Зиновьев и Каменев при участии тогда еще малоизвестного стране Сталина, который за год перед тем (в апреле 1922 г.) по рекомендации Каменева занял только что

введенный пост Генерального секретаря ЦК партии. Названная тройка ко времени кончины Ленина стала ведущей в Политбюро ЦК, в состав которого, кроме них и Троцкого, входили А.И. Рыков и М.П. Томский (оба с 1923 г.), а кандидатами в члены являлись Н.И. Бухарин, М.И. Калинин, В.М. Молотов и Я.Э. Рудзутак.

Заметим также, что пост председателя Исполкома Коминтерна, который в 1919 — 1926 годах занимал Зиновьев, давал ему опору в международном коммунистическом движении и усиливал авторитет внутри партии, являвшейся секцией Коминтерна. Недаром сразу после освобождения его от этого поста Сталин настоял на ликвидации и самого поста. Сменивший Зиновьева Бухарин стал представителем ВКП(б) в Коминтерне и секретарем его Исполкома.

Но вернемся к событиям первых месяцев после кончи-

ны В.И.Ленина. В мае 1924 года, за пять дней до открытия XIII съезда партии, Н.К.Крупская передала ленинское "Письмо к съезду" Комиссии ЦК. В современной литературе уже не раз отмечалось, что именно Зиновьев, Каменев и Сталин сыграли решающую роль в сокрытии от партии и отказе от реализации рекомендаций этого важнейшего документа. Добавим, что Зиновьев и Каме-

нев в силу своего соперничества с Троцким по существу игнорировали исчерпывающе точную оценку своего учителя, согласно которой наибольшую опасность для устойчивости в руководстве партией представляли в то время отношения Троцкого и Сталина. В интересах соперничества с первым они добились, вопреки мнению Ленина, оставления Сталина на посту генсека и фактически предпочли сохранить сложившееся, как им казалось, благоприятное для них положение, хотя ленинское письмо открывалось настойчивым советом "предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе".

"Октябрьский эпизод" оказался действительно не случайностью, как и считал В.И. Ленин. К сожалению, он своеобразно повторился теперь в 1924-м, но, так сказать, уже с другим знаком. В 1917 году Зиновьев и Каменев апеллировали к широкой непартийной аудитории,

сейчас они, напротив, скрыли от партии и не выполнили важнейшие указания ее вождя.

Логика ложного шага повела к другим неверным шагам, в том числе и к таким, которые поначалу могли показаться малозначительными. Еще в начале 20-х годов на картах страны появились два населенных пункта с одинаковым названием — Троцк (первый из них ныне Чапаевск, второй — Гатчина). Теперь, в 1924 году, Елизаветград переименовывается в Зиновьевск (сейчас Кировоград), почти одновременно "исчезает" Юзовка и появляется Сталино (с 1961 г. Донецк), а в следующем году и Сталинград (ранее Царицын). В этих первых переименованиях (потом, как известно, они покатятся снежным комом) по-своему проявился "вождизм", открывающий путь к авторитарной власти.

В.И. Ленин в группе делегатов II Конгресса Коминтерна у дворца Урицкого (бывший Таврический). Слева направо:
Л.Б. Каменев,
К. Радек,
Н.И. Бухарин,
А.М. Горький,
З.А. Пешков,
Г.Е. Зиновьев,
М.И. Ульянова и другие. Петроград, 19 июля 1920 г.

Ее симптомы не заставили себя ждать. Еще летом 1923 года на неофициальном "пещерном заседании" (оно проходило в пещере близ Кисловодска), в котором кроме Зиновьева участвовали М.В. Фрунзе, М.М. Лашевич, П.Е. Евдокимов, Г.К. Орджоникидзе и ряд других членов ЦК, было отмечено усиление руководимых Сталиным Секретариата и Оргбюро ЦК партии. В результате принятого компромисса в Оргбюро были введены от Политбюро Зиновьев, Троцкий и Бухарин. Однако никто из них, по признанию Зиновьева, не только не принял участия в текущей работе Оргбюро, но и не явился ни на одно его заседание. И это тоже важный штрих. Чуть позже, в 1926 году, Ф.Э. Дзержинский сказал суровые слова Каменеву: "Вы занимаетесь политиканством, а не работой..." Не относились ли они и к Зиновьеву, чья "игра в вождизм", связанная с нарушением ленинских принципов коллективного руководства, вела его как революционера-большевика в тупик и в конечном счете к подлинно человеческой личной трагедии?

Эта "игра" не позволила ему в решающий момент на

XIV съезде ВКП(б) (1925 г.) открыто сказать партии о своей принципиальной ошибке в вопросе о "завещании" Ленина. Его попытка выступить с Каменевым, Сокольниковым и рядом других делегатов съезда против уже усилившейся власти Сталина не только запоздала, но и была сведена на нет противоречащими линии партии теоретическими взглядами по вопросам социалистичес-

кого строительства.

Но Сталин навсегда запомнил эту попытку. Не сделал правильных выводов из решений съезда и Зиновьев.

Борясь в 1923 — 1924 годах с большевистских позиций против Троцкого, он после поражения на XIV съезде сблокировался в 1926 году с ним, оказался в числе тех деятелей, чья мелкобуржуазная натура взяла верх, и они повели себя фракционно. На исходе 1927 года XV съезд ВКП(б) исключил его и других активных оппозиционеров из партии.

Хотя в следующем году Зиновьев, признав неправильность своих действий, был восстановлен в ее рядах, его активная политическая жизнь кончилась. Что касается его дальнейшей личной судьбы, то она все больше оказывалась в жестокой власти человека, укреплению позиций

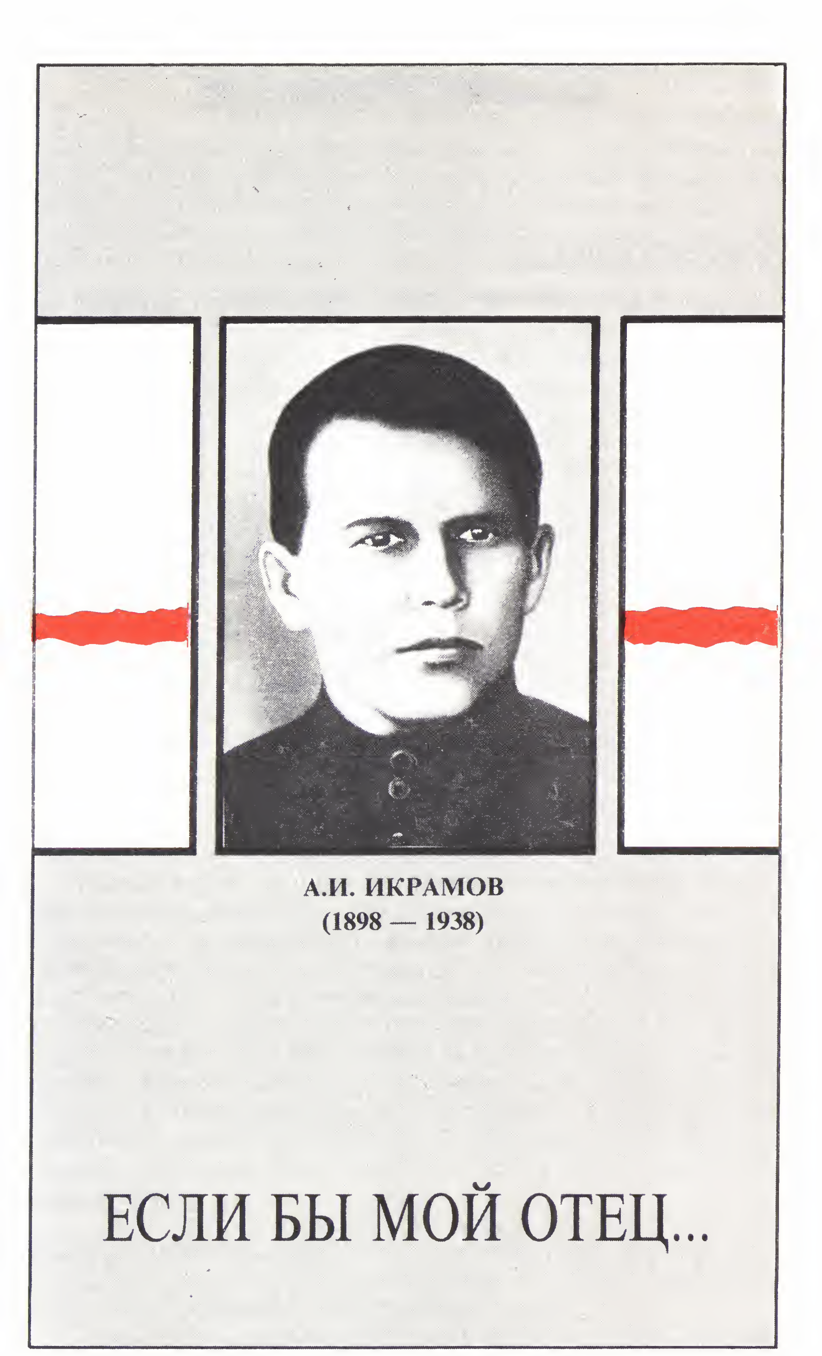
которого он в свое время способствовал, как объективно способствовал и созданию обстановки, в которой утверждался культ Сталина.

Осенью 1932 года он вновь был исключен из партии в связи с так называемым делом "Союза марксистов-ленинцев" (М.Н. Рютин и др.). Коллегия ОГПУ, даже не предъявив Зиновьеву и Каменеву обвинения, отправила их в ссылку. В 1933 году они вернулись в Москву, опять стали членами партии. Но окончательная расправа близилась...

В ночь на воскресенье 16 декабря 1934 года за спиной Зиновьева, работавшего в последние годы членом коллегии Центросоюза, навсегда захлопнулась дверь тюремной камеры. О трагической развязке было возвещено под утро, 24 августа 1936 года, когда армвоенюрист Ульрих ровным голосом зачитал приговор. Есть версия, что, когда Зиновьева вывели из камеры на расстрел, он истерически расхохотался.

Немецкие делегаты Конгресса Коминтерна на приеме у Г.Е. Зиновьева. 1925 г.

Критикуя в 20-е годы политические амбиции Зиновьева, один из честнейших большевиков, чуждый какому-либо политиканству, Алексей Иванович Рыков пророчески сказал: "Будет ли Зиновьев или нет, будет ли Рыков или нет, коммунистическая партия останется. Октябрьская революция нас переживет..." Имя Григория Евсеевича Зиновьева неотделимо от нашей истории, исполненной героизма и вместе с тем драматической.

А.И. ИКРАМОВ
(1898 — 1938)

ЕСЛИ БЫ МОЙ ОТЕЦ...

Камил ИКРАМОВ

Икрамов Акмаль (1898—1938), сов. гос., парт. деятель. Чл. КПСС с 1918. Участник борьбы за Сов. власть в Средней Азии. В 1921-22 секретарь ЦК КП(б) Туркестана. С 1925 секретарь, с 1929 1-й секретарь Узбекистана, секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б). Член ЦК ВКП(б) с 1934 (кандидат с 1925). Член ЦИК СССР. Такие данные сообщает о моем отце однотомный Советский энциклопедический словарь 1987 года. Получается, что черточка между датой рождения и смерти вместила только то, что сказано в словаре. Мой сыновний долг пусть коротко рассказать о том, что пока знают немногие.

Я не знаю и никогда, возможно, не узнаю, как его расстреливали в марте 1938 года. Их было много по тому процессу: Николай Бухарин, Алексей Рыков, Николай Крестинский, Владимир Иванов... И мой отец — Акмаль Икрамов. Может быть, их вывели к стене — и из пулемета. Может быть, каждого в отдельности — пулей в затылок...

Теперь в Самарканде на площади, венчающей широкий проспект Икрамова, на гранитном постаменте стоит памятник — во весь рост, и руки замерли в добром национальном жесте — мархамат — пожалуйста, я рад вам! Отец тут совсем молодой, каким был в самом начале двадцатых годов, когда работал секретарем ЦК Компартии Туркестана или учился в ”Свердловке” — Коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова в Москве. О времени учебы в ”Свердловке” рассказал мне покойный ныне профессор М.М. Шейнман. Они были в одной группе, и отец мой, по его словам, отличался скромностью.

— Как это? — удивился я. — Ведь все вы были студентами, как может скромность проявиться? Может, лучше сказать, что он был не скромным, а робким, застенчивым, смущающимся, неуверенным в себе?

— Он отличался именно скромностью. Ведь мы все

были рядовыми коммунистами, недавними комсомольцами, а Акмаль считался и во время учебы секретарем ЦК КП Туркестана. Лекции и семинары на тему ''Марксизм и национальный вопрос'' читал у нас Генеральный секретарь ЦК РКП(б) Сталин. Ваш отец часто вступал с ним в полемику на семинарах, а в перерывах они прогуливались по улице вдвоем и продолжали что-то обсу-

Акмаль Икрамов. 20-е годы

Члены Исполбюро ЦК КП(б) Узбекистана 1-го созыва. В нижнем ряду слева направо: Ф. Ходжаев, А. Икрамов

ждать. Мы смотрели издали и удивлялись, а потом вновь садились в аудитории, возвращались в общежитие, и он никак не выделялся, общительным был, умел шутить, рассказывал о Туркестане, очень любил анекдоты о Ходже Насреддине и всегда приводил их к месту, так что они приобретали значение аргументов в наших нескончаемых политических дискуссиях. Еще мы знали, что он участвовал в важнейших совещаниях по национальному вопросу. Нет, не робость, не застенчивость, а именно скромность. И удивительно было, что он лучше каждого из нас знал труды Маркса, Энгельса и Ленина. И очень любил русскую поэзию...

Позже от вдовы узбекского поэта Бату я узнал, что отец и Бату хорошо лично знали Маяковского, встречались с Луначарским. Однажды пригласили на плов Сергея Есенина и очень удивлялись, что он не выпил ни

рюмки вина, а ведь слава о нем была в этом отношении весьма определенная.

Поэта Бату арестовали раньше моего отца, когда органы ОГПУ уже имели власть над партией. Мой отец никак не мог его спасти, а семье помогал, и дети Бату чтут память об Акмале. Сейчас я дружу с его сыном, профессором-хирургом Эркли Ходиевым, а вдова Бату

русская красавица Вера Васильевна после ареста мужа заболела тяжелейшим нервным расстройством, а умерла совсем недавно.

Нет, ничто не исчезает в истории, ничто не останется закрытым для потомков. Мы пережили время, когда к забвению прошлого были направлены все силы пропаганды и подавления и антиутопия Д. Оруэлла "1984" долгие годы была реальностью. Но финал мрачного романа великого романиста XX века не стал финалом нашей жизни. И я твердо верю, что при всех ужасающих современных ядерных, химических и бактериологических средствах массового уничтожения человечество легче лишить будущего, нежели прошлого. Хотя, и тут совершенно прав Оруэлл, намерения эти одного корня.

Отца и мать арестовали в сентябре 1937-го, мне было десять лет, а в шестнадцать арестовали меня и освободи-

ли только после смерти Сталина. Отец и мать еще числились ”врагами народа”, а я вернулся в Москву. Я мало знал о родителях и начал с изучения стенограмм того знаменитого процесса ”антисоветского правотроцкистского блока”, на котором отец ”признавался”, что вместе с Н.И. Бухариным хотел свергнуть Советскую власть... Только стенограмма, только газетные статьи видных наших писателей и публицистов, но и этого оказалось достаточно. Я понял, что отец — не враг народа, но и не случайная жертва. Реабилитации еще не было. Был анекдот, построенный на известной детской сказке: ”Посадили репку. За репку — дедку, за дедку — бабку, за бабку — дочку, за дочку — Жучку, за Жучку — кошку, за кошку — мышку. Так вот мышку на днях реабилитировали”.

И.В. Сталин среди делегатов Узбекистана на XIV партконференции. Второй слева — А. Икрамов. 1925 г.

Я был тогда этой мышкой. Потом — XX съезд партии, в 1957 году первым из того процесса реабилитировали отца, потом мать. А я стал заниматься литературой, писал повести, романы, сценарии кинофильмов, имя мое замелькало на страницах газет и экранах телевизоров. Я стал получать письма. Их много, они трагичны и полны удивительных деталей. Но разве неудивительно и то, что я стал переписываться с Валентином Августовичем Яксоном, который был шофером моего отца в начале 20-х годов, потом стал инженером, а теперь живет в Донбассе, на пенсии. Дай бог ему здоровья!

А в мае 1988-го, через пятьдесят с лишним лет, я увидел летнюю белую панамку моей матери. Дочь популярного московского врача, моя мать Евгения Львовна Зелькина вступила в партию в 1919 году, стала специалистом в области экономики, земельно-водных отношений в странах орошаемого земледелия, руководила преобразованием сельского хозяйства Узбекистана. Ее арестовали 5 сентября 1937 года, за пятнадцать дней до ареста отца, который был тогда в Москве, пытался убедить

Сталина и Ежова, что репрессии, начавшиеся в республике, где он только номинально к тому времени считался первым секретарем ЦК Компартии, совершенно необоснованны.

Когда мать увели, на полу осталась ее белая панамка. Эту панамку как реликвию вместе с несколькими фотографиями хранила до смерти наша домработница тетя

Лиза. Она умерла двадцать лет назад и передала свое заветное племяннице Марии Николаевне Савиной. Боясь умереть, одинокая Мария Николаевна переслала все это мне с письмом.

Оказывается, тетя Лиза, которую я хорошо помню, стала очень верующей, и в Ленинграде, где она жила после Ташкента, в каждой церкви она ставила свечку за мое здоровье. Все годы, до самой ее смерти.

Я не знаю, где могилы отца и матери, но я точно знаю, что перед смертью они думали обо мне...

Отцу было двадцать три, когда он выступил на VI съезде коммунистов Туркестана по поводу новой экономической политики. В библиотеке В.И.Ленина в Кремле есть "Резолюции и постановления" того съезда с пометками Владимира Ильича: "верно", "важно" и т.д.

Я родился в 1927-м. Вскоре отец стал первым секрета-

рем ЦК недавно созданной Компартии Узбекистана и пробыл на этом посту до сентября 1937-го. Арестовали его после того, как Сталин и Молотов написали письмо пленуму ЦК КП Узбекистана — его привез в Ташкент член Политбюро Андрей Андреев. Никого нынче не удивит, что пленум, на котором первого секретаря ЦК отстранили от работы и исключили из партии, не только не имел кворума, но и стенограммы не было, не было и протокола. Кворум в то время был не на улице Гоголя, где помещался ЦК, а на улице Ленинградской — в подвалах НКВД.

А письмо из Москвы было такое:

"Пленуму ЦК КП(б) Узбекистана

Ознакомившись: а) с показаниями Бухарина, Ф. Ходжаева, Разумова, Румянцева, Полонского, Ходжанова, Антипова, Рыскулова, б) протоколами очной ставки т. Икрамова с Бухариным, Ф. Ходжаевым, Антиповым, Разумовым и в) заявлением т. Икрамова, ЦК ВКП(б) установил, что

1) т.Икрамов не только проявил политическую слепоту и близорукость в отношении буржуазных националистов, врагов узбекского народа Ф. Ходжаева, Балтабаева, Таджиева, Каримова и др., но иногда даже покровительствовал им.

2) У т. Икрамова, по-видимому, были связи с руководителями право-троцкистских групп в Москве (Бухарин, Антипов и др.)

ЦК ВКП(б) постановляет:

1) Предложить пленуму ЦК КП(б) Узбекистана обсудить вопрос тов.Икрамова и сообщить свое мнение ЦК ВКП(б).

2) Командировать члена Политбюро ЦК ВКП(б) т.Андреева А.А. для разъяснения вопросов, связанных с настоящим письмом.

И.Сталин, В.Молотов

10 сентября 1937 года".

Такое письмо, такой вот стиль "гения человечества"! Не только "слепоту", но еще и "близорукость" проявил мой отец.

Тридцать лет я работал над книгой об отце, а все остальные книги, пьесы, сценарии и публицистические статьи писал, сознавая, что должен быть верен тем словам, которые отец говорил мне незадолго до предвиден-

ного им ареста. Первый вариант книги об отце собирался напечатать Александр Твардовский, но не успел, потому что... Впрочем, теперь об этих причинах сказано много. Потом я вновь засел за нее и, закончив в основном, долго прятал у друзей, боясь, что ее постигнет та же участь, что роман В. Гроссмана "Жизнь и судьба". Один экземпляр хранился у Владимира Тендрякова, другой — у Анатолия Рыбакова, третий — у родственников в Ташкенте. Теперь эта книга сдана в издательство...

— Что бы со мной ни случилось, сынок, что бы обо мне ни говорили, знай, что я всегда был верным ленинцем.

Мне было десять лет, но я никак не мог, не хотел понять, сил не имел, чтобы понять, что говорил отец. Это было в Москве, куда мы вместе приехали из Ташкента, в полутемном кабинете углового номера гостиницы "Метрополь", и по лицу моего отца текли слезы. Никогда до того вечера я не видел, как плачет отец.

Зазвонил телефон. "Да, Николай Иванович, — сказал отец, а потом долго и резко повторял одно слово: — Ложь! Ложь! Ложь!" Он с такой силой ударил трубкой, что рычажки старомодного телефонного аппарата разогнулись в разные стороны. Сухопарый, тонкий в талии, он был очень сильным физически — крутил "солнце" на турнике, занимался на брусьях, отлично стрелял. О том, кто был тот Николай Иванович, я узнал позже. Это был Ежов. Николай Иванович Бухарин в то время тоже был на Лубянке, но звонить оттуда не мог... Потом я узнал, что отец из Москвы много раз пытался позвонить домой, но телефон после ареста матери отключили.

Меня арестовали в сорок третьем, в те дни, когда наши войска взяли Киев. Именно тогда заместитель наркома внутренних дел СССР Кобулов и Прокурор СССР Бочков подписали ордер на арест ученика ремесленного училища при заводе им. Владимира Ильича, который еще не успел получить паспорт, но уже был принят в комсомол первичной организацией. Долгие годы я не мог уразуметь смысла в синхронности этих явно несопоставимых событий. Смысла на первый взгляд и не было. В то время, когда весь народ жил одной жизнью и одними помыслами, была организация, которая занималась стыдным и страшным делом, противостоящим жизни народной. Мой следователь носил общевойсковые капи-

танские погоны. Такие же погоны носили командиры рот и комбаты, которые в те дни погибли при взятии Киева. Он, наверное, и не вспомнит теперь, что тридцать суток не давал мне спать, требуя, чтобы я подписал признание — считаю арест отца несправедливым и, значит, клевещу на Советскую власть. У меня не было и нет жажды возмездия, я не хотел бы стать даже свидетелем на трибуна-

ле, который судил бы палачей моего отца. Хотя надежда на божий суд явно себя не оправдывает. И сроки давности для зверств ежовщины и бериевщины не имеют значения. Судили же во Франции лионского палача гестаповца Барбье, хотя он не своих безвинных соплеменников убивал, а противников — французов заодно, конечно, с евреями. Судили же Барбье. Если можно судить заочно, то можно и необходимо посмертно. Поняло человечество, что в качестве гарантий от будущих палачеств мало законов морально-нравственных, нужны законы юридические. А мне стыдно за мое всепрощенчество. Может, оно от того, что столько крови и смертей я видел?

Помню, как в первые годы после того, как материалы процесса над моим отцом были опубликованы в газетах и в газете же появилось сообщение о его казни, я вопреки здравому смыслу ждал его, надеялся, что он войдет — в

пыльной своей гимнастерке и сапогах. Откроется дверь, и он войдет. Я ехал в трамвае с Пятницкой до улицы Кирова — в Дом пионеров, и какой-то человек со спины показался мне похожим на отца. Я тогда уже плохо видел. Я сошел за ним у Покровских ворот и шел до Земляного вала, боясь догнать и убедиться, что это не он...

В тридцатые годы, которые я помню вполне отчетливо, отец становился все более суровым. Совсем не такое лицо у него было, как на ранних фотографиях, и не такое, как увековечил скульптор, пользуясь почтовой маркой, выпущенной после XX съезда КПСС. В тридцать третьем в Средней Азии был жуткий голод, но в Ташкент, за которым была слава города хлебного, и в другие города Узбекистана хлынули многие тысячи людей с разных концов страны.

Акмаль Икрамов (справа). 1934 г.

Много позже я узнал, что в самом начале коллективизации мой отец на партийном съезде резко выступал против Бухарина, который обвинял Сталина в военно-феодальном способе эксплуатации крестьянства; критикуя Бухарина, отец говорил тогда, что темпы коллективизации в республике слишком медленны. Не знаю, что думал отец три года спустя, когда видел трупы умерших от голода на всем пути от Ташкента до Волги, могу только догадываться по некоторым деталям, что он раскаивался — он был честным человеком...

Помню солнечное зимнее утро в Ташкенте, мы завтракаем всей семьей, значит, был выходной. Голод кончился — на столе хлеб в общей тарелке, масло на блюдечке, на краю стола самовар, колотый сахар, можно пить чай вприкуску. Вошел человек в длинной шинели, вынул из-за обшлага пакет с сургучными печатями, откозырял и вышел крупным шагом. Отец вскрыл пакет, прочел бумагу, чуть отстранившись от матери, потом встал и стал мерно ходить вдоль стола. Мать вопрошающе глядела на него, и он не удержался.

— Подробности убийства Кирова. Никак не пойму, кому это было надо?

Запомнилось мое удивление: как же это папа не понимает, когда всем уже известно, что Сергея Мироновича убили враги народа.

Хмурые начались годы, и мой отец, умевший весело острить и на трибуне, и в дружеском кругу, обладавший

способностью совсем по-молодому хохотать, теперь и улыбаться стал реже.

"Жить стало лучше, жить стало веселей!" — твердили вокруг слова Сталина. И песню сложили: "Живем мы весело сегодня, а завтра будет веселей". Слышал я эти слова и от отца, только произносил он их почему-то с грустной усмешкой, откровенно иронически. Это тоже врезалось в мою детскую память...

Отец моего отца Икрам-домла — учитель и одновременно вероучитель из Старого города Ташкента совершил паломничество в Мекку, был фанатично предан исламу и презирал своего старшего брата Алима, который сотрудничал с русскими учеными, редактировал узбекское издание "Туркестанских ведомостей". А дядя отца по материнской линии был депутатом II Государственной думы, в 1909 году его арестовали за социалис-

тическую пропаганду. Он встречался со Львом Толстым в Ясной Поляне. Все это я узнал всего лет двадцать назад, стараясь понять, из какой среды вышел мой отец, откуда у него такое уважение к учености, желание и умение учиться. Отец в десять лет знал наизусть Коран, в совершенстве владел арабским и фарси, любил персидскую поэзию, в 16 лет свободно читал русские газеты, а в 35 занялся немецким, чтобы читать "Капитал" в оригинале.

Акмаль Икрамов (слева) и главный инженер Чирчикской железной дороги Кайдалов. 1935 г.

Он спорил со Сталиным, когда требовал изменений системы продовольственного снабжения Узбекистана — одна из причин голода начала 30-х годов. На XVII съезде партии Сталин оборвал отца, когда тот после победного рапорта заговорил о необходимости серьезной критики и самокритики. Еще бы! Ведь это нарушало тональность съезда победителей.

И все-таки, я думаю, отец мог сохранить свою жизнь и свой пост, если бы вел себя, как Багиров в Азербайджане или Берия в Грузии. Но он твердо возражал против массовых репрессий, звонил Сталину, стараясь опровергнуть действия и приказы Ежова. В августе 37-го Поскребышев сказал отцу, что Сталин велел его больше с Икрамовым не соединять.

Да, отец знал, на что идет. Старшего сына Ургута отправил в сельхозинститут в город Кинель под Куйбышевом, надеясь, что там его не найдут. Меня отвез к отцу моей матери — в Москву.

О том, что было с партийными кадрами в Узбекистане, говорит не только то, что пленум не имел кворума, но и то, что после ареста отца ЦК Узбекистана возглавил не кто-то из членов бюро или секретарей ЦК, а тогдашний нарком пищевой промышленности Усман Юсупов.

Его речь на том пленуме была чудовищной клеветой. Кто-то пытался возражать ему, но возражавших арестовывали прямо в зале, стаскивали с трибуны. Нет стено-

граммы, но сохранилась в архиве записка отца: "Товарищи, дорогие, неужели вы верите?.."

(Отца арестовал нарком внутренних дел Узбекистана Н.Загвоздин. Потом Загвоздина перевели на ту же должность в Таджикистан, избрали депутатом Верховного Совета СССР и... расстреляли, когда Берия избавлялся от кадров Ежова.) А вслед за тем сентябрьским пленумом срочно вышла в свет брошюра У.Юсупова. Если сопоставить текст этой гнусной книжонки с текстом обвинительных пассажей А.Я.Вышинского против моего отца на том позорном судилище, то ясно видно, что это была его главная шпаргалка. Тот же перечень "сообщников", те же обвинения в создании подпольной националистической организации "Милли-истиклял", связь с басмачами, вредительство в сельском хозяйстве и промышленности...

А. Икрамов в президиуме совещания передовых колхозников Узбекистана, Казахстана и Каракалпакии. 1936 г.

Все клевета! Не было подпольной организации, и все "сообщники" реабилитированы! Все — посмертно! Не было вредительства, и насаждение монокультуры хлопчатника опровергается просто: с 1937 года удельный вес этой культуры среди прочих рос из года в год, по сей день.

Читая и перечитывая брошюру Юсупова, я вижу, что она не только основана на произнесенной им на пленуме речи, я предполагаю, что первоначально это был текст доноса Юсупова Сталину в самом начале лета 37-го года, когда стали арестовывать близких друзей отца. Об этом говорит перечень имен, названных У.Юсуповым. По свидетельству старого коммуниста Сулеймана Азимова, в те годы Юсупов подписал приговоры к расстрелу сорока тысяч человек. Так что не только Сталин, Ежов, Берия... Настало время хоть главных палачей назвать поименно.

В 1983 году в страхе перед грядущими разоблачениями гигантских хищений при таинственных обстоятель-

ствах умер Шараф Рашидов, возглавлявший Компартию Узбекистана во все застойные годы. Именно он всячески раздувал культ умершего своей смертью Усмана Юсупова. Десяткам улиц, колхозов и совхозов было дано его имя, много хвалебных книг вышло об этом сталинском палаче. И недаром Ю.Карякин в журнале "Огонек", рассказывая о Жданове, не мог не сказать, что рашидов-

щина — прямое порождение сталинизма.

Это точно. Рашидов вслух мечтал о реабилитации Сталина. Я встречался с этим хитрым и весьма осторожным "деятелем", когда приезжал в родной Ташкент в качестве корреспондента "Правды" и других центральных изданий. И дважды без всякого повода с моей стороны Рашидов заговаривал о том, что никакого процесса "правотроцкистского блока" вообще не было и не сохранилось никаких следственных документов. Я слушал его, не возражая, ибо точно знал, что он врет.

Я читал документы, свидетельствующие о том, что отец за два с лишним месяца до начала процесса пытался покончить с собой. В следственном деле имеется акт о попытке самоубийства. Лезвием безопасной бритвы он пытался перерезать себе горло. Представляю, как наказали того, кто не уследил за тем, как отец добыл это лез-

вие. А того, кто бдительно смотрел в глазок камеры и своевременно вызвал тюремного врача, возможно, и поощрили.

Сохранились и записки отца в канун попытки самоубийства: "т.т. Сталин и Ежов! Прошу верить, что я ничего общего с контрреволюцией не имею. Я верный сын партии..." Другая: "Нарком, простите. Вчерашнее обвинение Матвеева нельзя терпеть. Икрамов". И еще: "На себя наклеветал, больше не могу. Икрамов". Эта прямо перед попыткой самоубийства.

Не уверен, что на процессе был именно мой отец, а не двойник. По лагерным слухам, знаю, что "дублеры" были у каждого. Есть точка зрения, что после упорного противостояния Н.Н.Крестинского Вышинскому в первых допросах потом за него сидел на скамье подсудимых другой человек. Даже по стенограмме процесса это видно: другая фразеология, другая лексика и совсем невероятные объяснения.

Есть где-то фото- и кинодокументы, но их не удалось увидеть ни дочери Н.Н. Крестинского, ни мне. На экранах пока только те кадры, где Вышинский и Ульрих со своими коллегами. Но истина откроется скоро и во всех деталях. Даже изобретенная служба забвения в романе Д. Оруэлла давала сбои, а реальность всегда богаче неожиданностями, нежели любая гениальная фантастика.

Всего мне, конечно, не узнать. Как расстреляли мою маму, где погибли четыре родных брата отца, его дядя, тот, что встречался со Львом Толстым, два племянника отца — инженеры, получившие образование в Германии. Мой старший брат тоже был арестован, умирал и был выпущен, когда стало ясно, что не выживет.

Он остался жив. Повезло и мне. В лагерях я умирал от пеллагры и дистрофии третьей степени, но меня спасли. Долгое время я был самым младшим из политических заключенных.

Самым близким другом в лагере был Е.А. Гнедин, до ареста заведовавший Отделом печати в Наркомате иностранных дел. Это был единственный из моих знакомых, кто прошел потайную Сухановскую тюрьму, его пытали, чтобы получить показания на М.М. Литвинова, но он выстоял. Сейчас уже опубликованы его мемуары.

Именно благодаря Е.А. Гнедину я понял, что, когда

мне будет особенно тяжело и когда я буду очень счастлив, я должен жить так, будто на меня смотрит мой отец.

Боже мой! Ведь когда отца пытали в ежовских застенках, когда ему сообщили о судьбе жены и братьев, ему, конечно же, намекали и о младшем сыне. Ведь известно, что многие клеветали на себя, чтобы спасти жизнь близких, жены, детей. Мне рассказывали о человеке, который не подписал ни одной бумаги, хотя на его глазах замучили жену и сына. Не могу я восхищаться такой стойкостью. Видимо, человек еще до всего этого сошел с ума. И надо помнить, что когда мы виним людей, сломленных пытками, то одним этим оправдываем палачей. Всех палачей, начиная с инквизиторов.

И отец, естественно, не мог не думать обо мне, неловком очкарике, которого он безуспешно пытался приобщать к спорту. Он понимал, что жизнь предстоит мне не просто сиротская. Может, провидел он тринадцать тюрем и лагерей, которые пришлись мне на долю, и мог ли надеяться, что я останусь жив, что буду счастливым отцом семейства, что книги мои переведут на десяток языков, что побываю в Дании, Норвегии, Швеции, Франции, что именно меня пригласит наше посольство в Париже выступить перед эмигрантами, которые придут сюда, на крохотный клочок советской земли близ Булонского леса, чтобы отметить 70-летие Великого Октября.

В большом зале собрались потомки знаменитых дворянских родов, либеральной интеллигенции, офицеров Белой гвардии и те, кого забросила в зарубежье вторая мировая война, их дети, мечтающие о родине. Здесь были и те, кто покинул нашу страну сравнительно недавно... Я говорил не им, а с ними, говорил, как нелегко нам даются первые шаги перестройки, борьба за демократизацию и гласность. Но начал я с себя, с судьбы отца и матери, с того, что они верили в справедливость дела Ленина. А вот я дожил до этих лет, наступивших после апреля 1985-го и XXVII съезда. Я говорил о том, что встречал артистов, которые, переходя из одного театра в другой, желали творческих неудач прежнему своему дому, о спортсменах-перебежчиках, которые радовались проигрышу своей прежней команды. Это стыдные, хотя и понятные человеческие чувства. Но родина — не театр и не спорт. И нет греха более тяжкого, чем желать зла

своей родине, грозить ей новой войной, будто мало у нас войн и несчастий.

...Ночью мы с женой вернулись в дом, где жили французские друзья, у которых мы гостили. Хозяева легли спать, потому что вставали рано. Мы поужинали, стараясь не греметь посудой, и говорили о моем отце, о том, как радовался бы он сыну, которого слушали сегодня люди самых замысловатых, а порой и трагических судеб. Насколько легче было бы ему тогда, перед смертью.

...Наша новая приятельница Вера, дочь малограмотного корниловского солдата, затем шофера парижского такси, ставшего поэтом, повезла нас с женой в лес Фонтенбло. По-русски Вера говорит на том диалекте, на котором изъяснялись крестьяне юга Воронежской губернии, только букву ''р'' никак не может произнести правильно, грассирует, как все французы.

— Вера! — воскликнул я в восхищении от сказочной красоты гигантских дубов в сочетании с причудливым нагромождением огромных валунов ледникового периода. — Ты знаешь, когда я сидел в тюрьме, прокурор сказал мне: ''Молодой человек, я знаю, что вы не виноваты, но вы сын своего отца и будете сидеть всю жизнь''.

— Они пегепутали, — спокойно сказала Вера. — Они пгосто пегепутали.

...Если б отец и мать знали, если б смогли увидеть меня! Как хочется верить, что жизнь есть и по ту сторону смерти.

Л.Б.КАМЕНЕВ
(1883 — 1936)

ОДИН ИЗ ВИДНЕЙШИХ БОЛЬШЕВИКОВ И КОММУНИСТОВ...

Дмитрий ШЕЛЕСТОВ,
доктор исторических наук

Теперь уже мало кто знает, что День Конституции СССР отмечался в 20-е — первой половине 30-х годов в июле, а дата введения ее в действие — пятница 6 июля 1923 года — является вместе с тем и датой создания первого общесоюзного правительства — Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР. При оглашении его состава следующим после Председателя СНК В.И.Ленина был назван Лев Борисович Каменев — один из пяти заместителей главы правительства СССР.

Под его же руководством несколько дней спустя, 18 июля, состоялось первое заседание правительства, принявшее официальное "Оповещение СНК о приступе его к работе". В тот же день Каменев не впервые занял председательское кресло вместо Ленина. Еще в конце весны 1922 года, когда Владимир Ильич был вынужден из-за болезни на длительное время уехать в Горки, он поручил Каменеву председательствовать вместо себя на заседаниях Политбюро ЦК партии и СНК РСФСР. Позже Каменев же вел пленумы ЦК, на которых обычно по левую руку от него сидел Генеральный секретарь ЦК И.В. Сталин, а по правую — председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев.

Длительное время, пожалуй, со второй половины 20-х годов, фотоснимки этих заседаний, проводившихся в небольшом зале, который непосредственно соседствует с кремлевским кабинетом Ленина, не публиковались. Больше того, даже уникальная фотография Владимира Ильича, сделанная в этом зале на заседании Совнаркома 2 октября 1922 года, печаталась лишь изредка и к тому же, так сказать, в "отредактированном" виде.

На последнем "совнаркомовском" снимке Ленина около него стоят А.И. Рыков и Л.Б. Каменев. Десятилетиями вместо этих двух фигур воспроизводилось некое пятно, одно из тех белых пятен, которыми затирались следы людей в эпохе, а с ними и само ее многоцветье.

Фамилия Каменева в отличие от Рыкова не замалчивалась, становилась известна из школьных учебников. И не случайно. Зловещая тень августовского "судебного" процесса 1936 года, на котором Каменев был объявлен одним из "главарей беспринципной и безыдейной банды", как бы проецировалась на всю историю советского общества, искажала и корежила ее в угоду сталинизму и его более поздним последователям.

Парадокс: фамилию Каменева знает едва ли не каждый старшеклассник ("а, это тот, что выступил против Октябрьской революции!"), вместе с тем его жизнь, судьба не то что малоизвестна, но просто забыта. В своей революционной и партийно-государственной деятельности Л.Б. Каменев действительно не раз допускал серьезные просчеты и ошибки. Известна их критика В.И. Лениным, а затем в решениях XIV и XV партийных съездов. Но значит ли это, что его жизненный путь состоял только из просчетов и ошибок? Кто он, каковы хотя бы внешние штрихи его политической биографии?

18 июля 1883 года в семье машиниста Московско-Курской железной дороги Бориса Розенфельда появился первенец, названный по имени великого русского писателя Львом. Родители его были люди по-своему незаурядные: отец сумел окончить Петербургский технологический институт, а мать — Бестужевские высшие курсы. Успешно учился и сын, завершивший гимназическое образование в Тифлисе и тогда же, в 1901 году, поступивший на первый курс Московского университета.

Но на первом же курсе учение юноши закончилось. Еще в гимназии он приобщился к революционному движению, а в Москве принимал активное участие в известных студенческих выступлениях 1902 года. Попал в тюрьму, затем был выслан обратно в Тифлис, где сразу начал работать в социал-демократической организации.

Тот, 1902 год стал для 19-летнего революционера особенным. Он приезжает в Париж, начинает сотрудничество в ленинской "Искре". Когда стало известно, что сюда прибывает Владимир Ильич, он делает все, чтобы встретиться с ним.

Каменев (точнее, Юрий Каменев — такой партийный

и литературный псевдоним он принял) становится профессиональным революционером-большевиком, ведет нелегальную работу в Закавказье и других районах страны. Он делегат III съезда партии, участвует в революции 1905 — 1907 годов, постоянно общается с Лениным, в 1913 году работает под его руководством в Кракове. В конце осени 1914 года, находясь в России, он был арестован и сослан в Сибирь, откуда его вызволила февральская революция 1917 года.

Так случилось, что весть о ней он встретил вместе со Сталиным. Пути политической ссылки свели их в те февральско-мартовские дни, ставшие переломными в истории России, в небольшом сибирском городке Ачинске. Каменев, конечно, и отдаленно не мог тогда предположить, что щуплый рыжеватый Коба (возможно, известный ему как один из рядовых подпольщиков еще по работе в Закавказье в 1904 — 1905 гг.), с которым они будут единомышленниками по многим вопросам чуть ли не до середины 20-х годов, заставит его затем еще раз повидать Ачинск по дороге в минусинскую ссылку, а потом и беспощадно расправится с ним.

Но это все случится позже. А пока надо попытаться понять ближайшее будущее, уяснить пути дальнейшего развития революции.

Каменев приехал в бурлящий Петроград несколько раньше возвращения из эмиграции вождя большевиков. Освобожденный из ссылки 33-летний революционер уже пользовался авторитетом в партии. Еще десять лет назад, во время V (Лондонского) съезда РСДРП (весна 1907 г.), он был избран в Большевистский центр. Его литературно-публицистическое творчество в предвоенные годы, талантливые очерки по истории общественного движения (о Герцене, Чернышевском, Некрасове и др.) принесли ему известность и за пределами партии.

В них, как и в революционной практике, он заявил себя зрелым марксистом, что, понятно, не гарантировало его от тех или иных просчетов, неверных шагов, да и просто человеческих слабостей и недостатков. О его дореволюционных, октябрьских и послеоктябрьских ошибках и "неоднократных выступлениях против ленинской политики партии" (среди них и надуманных) накопился Монблан литературы. В данных коротких заметках нет нужды подробно повторять то, что общеизвестно, и

вместе с тем нет возможности глубоко переосмыслить политические выступления и деятельность большевика-ленинца, с которого наконец-то снято клеймо ”врага народа”. Ограничимся поэтому только некоторыми наблюдениями в пределах краткого биографического очерка.

Отрадно, что впервые после почти 60-летнего перерыва справка о Л.Б. Каменеве ”прорвалась” в третье, дополненное (а фактически во многом переработанное) издание однотомной энциклопедии ”Великая Октябрьская социалистическая революция”, вышедшей в 1987 году. Это маленький, но все же шажок к исторической правде.

И.В. Сталин (третий слева во втором ряду), Л.Б. Каменев, Я.М. Свердлов в группе ссыльных в Туруханском крае. 1915 г.

Шажок, однако, не вполне освобожденный от кандалов отживших историографических стереотипов. Общая характеристика всей многообразной дореволюционной деятельности Каменева ограничена в энциклопедии одной фразой: ”В.И. Ленин еще в 1911 году называл Каменева непоследовательным троцкистом” (заметим, что точно такая же фраза повторена в биографических справках о Г.Е. Зиновьеве и А.И. Рыкове).

Нельзя не признать, что блок Зиновьева и Каменева с Троцким в 1926 — 1927 годах давал некоторые основания для этого. В то же время, отказавшись от действительной оценки взглядов Каменева и сведя ее только к указанной фразе, составители энциклопедии объективно отразили широко распространявшееся в нашей литературе утверждение о его ”троцкизме”, забыв о том, что с середины 30-х годов Сталин объявлял ”троцкизмом” любое инакомыслие в партии и стране.

”Троцкизм” Каменева доказывали всякими способами, не исключая и ”аргументацию”, связанную с тем, что он еще в 1902 году женился на сестре Троцкого и был-де годами семейно близок с ним (чего, заметим, на самом деле не было — Ольга Каменева, сама старый член пар-

тии, не поддерживала тесных политических отношений с братом). Даже в появившемся совсем недавно одном из исторических очерков вполне серьезно утверждается, что Троцкий стал осенью 1917 года председателем Петроградского Совета при поддержке своего шурина Каменева. Автор очерка сумел, вопреки известной поговорке, убить двух зайцев: разоблачил ничтожество Троцкого и

прозрачно намекнул на троцкизм Каменева...

Что же в действительности имел в виду В.И. Ленин, когда в 1911 году критиковал (между прочим, не называя никаких фамилий) непоследовательных троцкистов? Отнюдь не систему политических воззрений троцкизма, а неправильную, примиренческую позицию ряда большевиков в конкретном вопросе — отношении к межфракционной борьбе в РСДРП того времени. Такую неверную позицию занимали не только названные выше три большевика, но и некоторые другие (И.Ф. Дубровинский, В.П. Ногин и др.). Что касается Сталина, то, хотя его мнение в 1911 году и не имело сколько-нибудь существенного значения, отметим, что он вообще считал тогда борьбу Ленина с оппортунистами внутри РСДРП "заграничной бурей в стакане воды".

В области научно-критического анализа взглядов Ка-

менева предстоит немалая работа. Но уже сегодня, по нашему мнению, ясно, что они не были тождественны троцкистским. Ни в дореволюционный период, ни в 1917 году. Думается, Каменев и позже, на XIV партконференции (осень 1926 г.), имел определенное основание заявить: "...Вы не укажете, как не мог указать в своем обстоятельном докладе т. Сталин, ни одной цитаты, ни одного факта, в котором можно было бы констатировать то, что нам здесь приписывается, — что мы "перешли" на сторону идейной позиции троцкизма".

К событиям 20-х годов мы еще вернемся, а сейчас нас интересует весна 1917 года. Всякому, кто изучал историю партии, известно, что Каменев был в числе тех большевиков, которые не сразу восприняли Апрельские тезисы Ленина, его план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Будучи образованнейшим большевиком-марксистом, Каменев с ортодоксальных позиций подошел к подлинно революционно-творческим тезисам Ленина и выступил с критическим содокладом на VII (Апрельской) конференции РСДРП(б). Но объяснялось ли это только его "ортодоксальностью"? Нет. В.И. Ленин уже тогда раскрыл глубинные основы позиции Каменева, Зиновьева и ряда других большевиков.

Возражая группе делегатов конференции, которая выступила против выдвижения каменевской кандидатуры для баллотирования в ЦК, Владимир Ильич показал, что позиция Каменева не является просто личной, а отражает настроения определенных слоев масс. "То, что мы спорим с т. Каменевым, — говорил он, — дает только положительные результаты. Присутствие т. Каменева очень важно, так как дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив его, после трудностей, узнаешь, что этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах".

Понимание такого ленинского подхода к апрельской дискуссии 1917 года имеет не частное, а принципиальное методологическое значение для научного исследования истории разногласий по тем или иным вопросам развития революции и последующих лет становления Советского государства.

Вместе с тем это первостепенно важно и для характеристики деятельности Каменева, уяснения природы пос-

ледовавшего через полгода "октябрьского эпизода", когда он и Зиновьев выступили на проходивших нелегально заседаниях ЦК партии 10 и 16 октября 1917 года против установки Ленина на вооруженное восстание. Их голосование против ленинской резолюции, определенное неправильным, как показали последующие события, анализом соотношения социальных сил, было усугублено антипартийным поступком.

Первое из названных заседаний собралось в квартире большевички Г.К. Сухановой, муж которой (он не знал о заседании) меньшевик Н.Н. Суханов редактировал "внепартийную" газету "Новая жизнь", где сотрудничал и М. Горький. Возможно, последним обстоятельством и объясняется, что Каменев обратился от себя и Зиновьева именно в эту газету с письмом, выражавшим их несогласие с решением ЦК. Можно допустить, что то был импульсивный поступок, но все равно для деятелей такого масштаба он никак не оправдан и имел по существу антипартийный характер. Ленин с полным основанием потребовал исключения Зиновьева и Каменева из партии. Хотя члены ЦК (в том числе Сталин) не поддержали его, это был суровый и справедливый ленинский урок. Вместе с тем в ближайшие недели еще раз выявилась одна из важнейших черт ленинского стиля партийного руководства — не отсекать заблуждающихся, а втягивать их в практические дела, которые помогут им уяснить ошибочность отстаиваемых взглядов.

Понимание своей неправильной характеристики положения в стране осенью 1917 года и сложившегося соотношения социальных сил пришло к Каменеву не сразу, а только лишь в ходе утверждения социалистической революции, для победы которой он немало сделал. Именно в Октябрьские дни он впервые занял крупный "председательский" пост, по поручению ЦК партии вел заседания исторического II съезда Советов, а затем был избран первым председателем-большевиком образованного на съезде ЦИКа.

Однако его предшествующие колебания еще не были изжиты. В начале ноября 1917 года Каменев оказался в числе тех, кто, настаивая на переговорах о создании "однородного социалистического" правительства, отказался от своих постов и даже вышел из ЦК РСДРП(б). Правда,

он быстро понял ошибочность такого решения и признал это в письме в ЦК.

В конце 1917 года СНК поручил ему участвовать в заключении перемирия на фронте, а затем он в качестве члена советской делегации выехал в Брест, где начались мирные переговоры со странами германо-австрийского блока.

Порой в литературе можно встретить утверждение, что с весны 1918 года Каменев стал председателем Моссовета. Кроме того, обычно отмечается, что на всех партийных съездах 1917 — 1925 годов он избирался в состав ЦК. И то и другое неправильно. Каменев стал председателем Моссовета лишь с осени 1918 года, а на VII партсъезде (март 1918 г.) не только не был избран в ЦК, но и вообще не присутствовал. Дело в том, что бо́льшую часть 1918 года его в Советской России не было.

Н.И. Муралов, Л.Б. Каменев (второй слева), Э.М. Склянский, И.В. Крыленко, Я.М. Свердлов на первомайском празднике. 1918 г.

В самом начале года, когда мирные переговоры были прерваны и развернулось наступление немецких войск, Каменев по заданию Ленина срочно выехал в Англию и Францию, возглавлявшие антантовский блок, в целях разъяснения внешней политики Советской России. С большим трудом он достиг Лондона, но через неделю английское правительство выслало его. Обратный путь мог кончиться трагически, Каменев был схвачен белофиннами и только в августе 1918 года в результате обмена арестованными добрался до Москвы.

Во время гражданской войны и интервенции, а также в начале перехода к нэпу его деятельность была сосредоточена главным образом на руководстве Моссоветом. Он выполнял и другие ответственные поручения (выезжал на фронт как уполномоченный Совета Рабоче-Крестьянской Обороны и т.д.), активно участвовал в работе ЦК, партийных съездов и конференций, проводившихся до середины 20-х годов ежегодно.

Когда в марте 1919 года было образовано Политбюро ЦК партии, Каменев стал его членом, неизменно переизбираясь в состав этого высшего органа в последующие семь с половиной лет (до 1926 г.).

То время, естественно, занимает особое место в политической биографии Каменева, является как бы ее кульминацией. В нем можно выделить три этапа: первый из

них, 1919 — 1922 годы, когда Каменев работал под непосредственным руководством В.И. Ленина, второй, 1922-й — начало 1924 года, приходится на болезнь и кончину Владимира Ильича и, наконец, третий — с начала 1924 года, когда Каменев вместе с другими руководителями партии и страны вошел в число коллективных преемников Ленина.

Еще в дореволюционные годы Каменев был в числе тех, кто наиболее близко общался с Владимиром Ильичем. С 1917 года, несмотря на возникшую тогда между ними дискуссию и "октябрьский эпизод", эта близость общения сохранилась и, может, даже возросла. Конечно, просто личная близость не могла быть определяющей при выборе В.И. Лениным в 1922 году Каменева на пост заместителя Председателя СНК и СТО РСФСР и поручения ему председательствования на заседаниях Полит-

бюро и правительства. Но она имела свое значение, позволила глубже и разностороннее узнать человека, его характер и нравственный облик, немаловажные в практической деятельности руководителя. Заметим в этой связи, что Сталин, хотя он к этому и стремился, никогда не был близок Владимиру Ильичу в повседневном общении.

В первые годы после победы Октября вся работа по руководству правительством осуществлялась только Лениным. В 1921 году у него впервые появились заместители, сначала Алексей Иванович Рыков, ранее работавший председателем Высшего Совета народного хозяйства РСФСР, и несколько позже — Александр Дмитриевич Цюрупа, легендарный нарком продовольствия периода гражданской войны и интервенции. Теперь, весной 1922 года, к ним присоединился и Каменев.

В.И. Ленин придавал большое значение работе своих заместителей, связывая ее с совершенствованием деятельности высших звеньев советского государственного аппарата. В свой последний рабочий день, проведенный в кремлевском кабинете 12 декабря 1922 года, Владимир Ильич имел двухчасовую беседу с Рыковым, Каменевым и Цюрупой о распределении обязанностей между ними. Беседа осталась неоконченной. На следующий день, 13 декабря, Владимир Ильич, вынужденный из-за состояния здоровья прекратить работу, пишет своим заместителям письмо, в котором предлагает им при распределении своих дел учесть, что для председательствования, контроля за правильностью формулировок документов и т.д. "больше подходит т. Каменев, тогда как функции чисто административные свойственны Цюрупе и Рыкову". Рекомендация осталась в силе и после образования в июле 1923 года правительства СССР.

Это, оказавшееся последним, письмо Ленина своим совнаркомовским заместителям (случилось так, что они втроем фактически возглавляли с конца 1922-го до начала 1924 года СНК РСФСР, а затем и СНК СССР) четко обозначило функции каждого из них. Хотя Каменеву при этом отводились председательские обязанности, нет оснований делать вывод, что Ленин как бы рекомендовал его своим преемником в Совнаркоме.

В современных газетных и журнальных статьях нет-нет да и проскальзывает вопрос о том, предполагал

ли Ленин назвать своего "преемника". Следует со всей определенностью подчеркнуть, что никаких документальных подтверждений на этот счет не известно. Да и что значит "назначение" преемника В.И. Ленина, на какую должность или пост? Его высочайший авторитет был связан не с должностью, а с признанием массами основателя и руководителя большевистской партии и Советского государства своим подлинным вождем. Он оставил своими преемниками партию, ее старую гвардию, ЦК, которые были призваны обеспечить коллективное руководство страной, сохранить единство, что, как теперь видно из ленинского "Письма к съезду", являлось одной из последних серьезнейших тревог вождя.

Спешно продиктованное на рубеже 1922 — 1923 годов, это письмо ("завещание") треть века утаивалось от партии и народа (до 1956 г.), а затем, со второй половины 60-х годов, всячески замалчивалось и лишь в наши дни обрело широкую известность. Отметим лишь некоторые его моменты, связанные с изучением деятельности Каменева. В письме, как известно, были отмечены личные недостатки шести крупнейших руководителей, в том числе и Каменева, относительно которого Ленин заметил, что его и Зиновьева "октябрьский эпизод", "конечно, не являлся случайностью".

Примечательно, что это предостерегающее партию замечание было продиктовано всего лишь через десяток дней после упомянутого выше последнего письма Ленина своим заместителям, в котором он рекомендовал, чтобы Каменев вел заседания правительства. Достаточно сопоставить эти два практически одновременно составленных документа, чтобы понять, что Ленин не мог рассматривать Каменева как возможного преемника. Ленинское "завещание" вообще свидетельствует, что ни один из названных в нем руководителей не мог претендовать на такую роль. Мысль вождя была направлена не на "подбор преемника", а на то, чтобы не допустить раскола в ЦК, укрепить его руководство (путем, прежде всего, перемещения Сталина с должности генсека), обеспечить коллективность в управлении партией и страной.

К несчастью, "завещание" вождя не было реализовано. Свою долю ответственности за это вместе с другими несет и Каменев, хотя он и расплатился за допущенные просчеты своей жизнью.

Было бы глубоким заблуждением сводить развернувшуюся в середине 20-х годов внутрипартийную борьбу к личному соперничеству в высшем руководстве партии. Но то, что оно сказалось на этой борьбе, подчас обостряло и осложняло ее, сегодня не представляет сомнения.

Не остался в стороне от него и Каменев. Его фамилия в наших представлениях о первом советском десятилетии

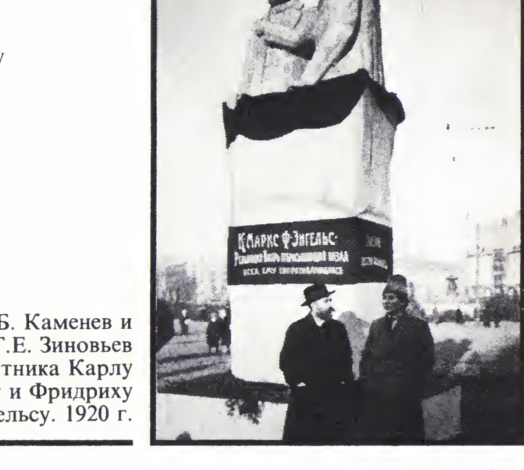
как бы склеилась с другой — Зиновьева. Между тем Зиновьев с его претензиями на "вождизм", амбициозностью, склонностью к жесткости и неразборчивости в действиях являл собой тип человека, более близкий к Троцкому, нежели к Каменеву. Последнего отличала не только внешняя, но и определенная внутренняя интеллигентность, мягкость и даже некоторая уступчивость в общении. Надо полагать, ему импонировало нахождение в первом ряду высших руководителей, но вряд ли он претендовал на большее. Во всяком случае, то, что мы сегодня называем "культом личности", ему было несомненно чуждо.

Но не будем идеализировать эту действительно крупную и вместе с тем противоречивую фигуру политической жизни страны тех лет. Каменев многими своими качествами, казалось бы, вписывался в систему коллектив-

ного руководства, однако в нем проявились и черты политиканства.

Отметим только одну из них, но важную, связанную с его отношением к последним работам Ленина. Недавно стало известно, что, после того как не удалась попытка ряда руководителей задержать публикацию ленинской статьи "Как нам реорганизовать Рабкрин" и она в янва-

А.В. Луначарский, В.И. Ленин, Л.Б. Каменев на закладке памятника К. Марксу на Театральной площади. Москва, 1 мая 1920 г.

Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев у памятника Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу. 1920 г.

ре 1923 года была напечатана, во все губкомы партии было направлено циркулярное письмо Политбюро и Оргбюро, в котором недвусмысленно давалось понять, что появляющиеся в печати ленинские статьи — всего лишь заметки, надиктованные в условиях болезни.

Каменев счел возможным поставить свою подпись под этим письмом. Конечно, он сделал это не один. Но его подпись в данном случае имела свое особое значение. К тому времени он уже был известен в партии как человек, который ведет большую работу с ленинским литературным наследием. С 1920 года он возглавил подготовку издания Собрания сочинений В.И. Ленина (их первые три издания вышли под редакцией Каменева). Еще летом 1917 года Владимир Ильич, находившийся на нелегальном положении, писал ему: "Если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: "Марксизм о государстве"

(будущая книга "Государство и революция"). Во время болезни Владимир Ильич передал свой архив Каменеву, что послужило основой организации в 1923 году под его руководством Института В.И. Ленина при ЦК партии.

В качестве гипотезы можно предположить, что Каменев не случайно поставил свою подпись под названным выше январским письмом. Возможно, уже тогда наметилась его политическая линия, приведшая к соучастию в сокрытии и невыполнении указаний ленинского "завещания". Раздел последнего, содержавший личные характеристики Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Пятакова, был по требованию В.И. Ленина "категорически секретным" и только после его смерти подлежал доведению до сведения партсъезда. Но требование Ленина было нарушено, о содержании его секретных диктовок (по крайней мере до 29 декабря 1922 г.) Фотиева проинформировала Сталина. Знал об этом и Каменев, так как именно ему Фотиева представила объяснительную записку о своем нарушении (она объясняла его тем, что-де не была предупреждена о секретности материалов).

К тому времени Каменев знал и другое: примерно на неделю раньше он получил взволнованное письмо

Н.К. Крупской, в котором она сообщала ему о безобразной выходке Сталина, который грубо обругал ее, заподозрив в ведении, вопреки запрещению врачей, записи сказанного Владимиром Ильичем. Принял ли Каменев какие-либо меры в отношении Сталина? Скорее всего, нет. Недаром два с половиной месяца спустя, 5 марта 1923 года, Ленин был вынужден продиктовать в связи с этим случаем резкое письмо Сталину, поставившее вопрос о возможности разрыва их отношений. И это тоже было известно Каменеву — копии письма (оказавшегося одним из последних документов Ленина, на следующий день, 6 марта, начался новый приступ его болезни, полностью лишивший возможности диктовки и участия в делах) были направлены ему и Зиновьеву.

Г.Е. Зиновьев,
А.И. Рыков,
Л.Б. Каменев выносят гроб с телом М.В. Фрунзе из Дома союзов. Москва, 1925 г.

Ясно, что не отдельные и тем более личного характера факты побудили Ленина бескомпромиссно поставить вопрос о перемещении Сталина с поста генсека. Ленин прозорливо увидел то, что упорно не хотели видеть Каменев и Зиновьев, увлеченные личным соперничеством с Троцким. Не их отношения с Троцким, а отношения между Сталиным, который, "сделавшись (на это слово стоит обратить внимание, вряд ли Ленин случайно продиктовал именно "сделавшись". — **Д.Ш.**) генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть", и Троцким с его небольшевизмом, самоуверенностью и чрезмерным увлечением администраторством представляли главную, как точно определил Ленин, опасность для устойчивости в высшем звене партии и коллективного руководства.

Зиновьев и Каменев, блокировавшиеся со Сталиным и занимавшие ко времени кончины вождя ведущее положение в Политбюро (его членами тогда, кроме названной тройки, были Рыков и Томский, а также Троцкий), пренебрегли, по существу, отбросили настойчивый совет уходившего из жизни Ленина предпринять "ряд перемен

в нашем политическом строе". В результате их закулисного маневрирования XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.) лишь "ознакомился" с последней волей вождя и сохранил положение, сложившееся в руководстве ЦК, которое, как считали Зиновьев и Каменев, обеспечивает им лидерство в партии. Не исключено, что они были лично заинтересованы в неразглашении "завещания", чтобы скрыть

ленинскую оценку "октябрьского эпизода".

Пройдет полтора года, и Каменев, в свое время рекомендовавший Сталина на пост генсека, немало сделавший, чтобы сохранить его, вопреки воле Ленина, на этом посту, будет вынужден заявить с трибуны XIV съезда партии (декабрь 1925 г.), что он "против того, чтобы делать "вождя":

— Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнять роли объединителя большевистского штаба.

Стенографическая запись того, что последовало после этих слов, исполнена драматизма. Едва они были произнесены, в зале раздались крики: "Неверно! Чепуха! Вот

оно в чем дело! Раскрыли карты! Мы не дадим вам командных высот! Сталина! Сталина!" Делегаты встают и приветствуют тов. Сталина, бесстрастно констатирует стенограмма. Далее в ней сказано, что поднявшийся со своего места один из руководителей ленинградской парторганизации Г.Е. Евдокимов в противовес предшествующим крикам бросает в зал: "Да здравствует РКП! Ура! Ура!.. Да здравствует ЦК нашей партии! Ура!.. Партия превыше всего! Правильно!.." Его призывы также встречаются бурными аплодисментами, делегаты вновь встают. Но в их приветствия в честь партии и ЦК опять врываются крики: "Да здравствует тов. Сталин!!!" "Бурные, продолжительные, — записывают стенографистки, — аплодисменты, крики "Ура!". Шум".

Л.Б. Каменев с женой Ольгой Давыдовной и сыновьями Юрием и Александром

Не стоит домысливать, что мог думать в этот момент Каменев, стоя на трибуне перед бушующим залом. Но сознавал ли он, что сказанные им слова правды о Сталине сводились на нет его активным выступлением совместно с Зиновьевым и другими участниками "новой оппозиции" против линии партии в социалистическом строительстве, в разработке которой он ранее принимал участие? Такое маневрирование не могло встретить поддержки большинства делегатов, которые с недоверием встретили и его заявление о Сталине, тем более что оно не сопровождалось честным признанием Каменевым собственной грубой политической ошибки, непринципиального отношения к ленинскому "завещанию".

Политический авторитет Каменева стал заметно истачаться, на XV съезде он последний раз был избран в ЦК. Состоявшийся сразу после съезда Пленум ЦК переместил его на уровень кандидата в члены Политбюро. Произошли изменения и в государственной деятельности. Тогда же, в январе 1926 года, он был смещен с поста председателя СТО СССР и РСФСР и назначен наркомом торговли.

Но и на этой должности он пробыл всего лишь несколько месяцев. В своей страстной речи в июле 1926 года Дзержинский, бывший в ту пору председателем ВСНХ, бросил в лицо Каменеву слова суровой правды: "Вы занимаетесь политиканством, а не работой..."

Именно политиканство и привело его в конечном счете к политическому краху. Через несколько месяцев, в

октябре 1926 года, Пленум ЦК вывел Троцкого из членов, а Каменева из кандидатов в члены Политбюро. Сыграв видную роль в идейной борьбе с троцкизмом в 1923 — 1924 годах, Каменев (как и Зиновьев) после поражения "новой оппозиции" на XIV съезде партии сблокировался с Троцким. Заявляя, как выше уже говорилось, что идейная позиция троцкизма ему чужда, он тем самым признал беспринципность этого блока, окончательно увлекшего его на путь фракционной борьбы. 12 ноября 1927 года Президиум ЦКК ВКП(б) вывел Каменева из Центрального Комитета, а несколько недель спустя XV съезд (декабрь 1927 г.) исключил его, Зиновьева и ряд других оппозиционеров из партии.

"Октябрьский эпизод" действительно оказался не случайностью, а мелкобуржуазная натура, сдерживаемая всем тем лучшим, что было в большевике Каменеве, все

же дала о себе знать. Начав с вроде бы "безобидного" политического маневрирования, Каменев отступил от заветов своего учителя, оказался на грани личной катастрофы и объективно нанес ущерб делу, которому он всю жизнь служил и в которое искренне верил. Внутрипартийная борьба, осложненная личным соперничеством и даже схваткой за власть Сталина и Троцкого при активном участии Зиновьева и Каменева, не могла не иметь негативных последствий. Случилось то, о чем с тревогой предупреждал Ленин, указывая в 1922 году на опасность борьбы в тончайшем слое старой партийной гвардии, авторитет которого может быть "ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него". В такой обстановке внешне поначалу малозаметно утверждалась авторитарная власть Сталина, происходил отход от ленинских принципов партийного руководства.

И. Сталин, А. Рыков, Л. Каменев, Г. Зиновьев. Москва, Кремль. Фото начала 20-х годов

В 1928 году, осудив свою оппозиционную деятельность, Каменев был восстановлен в партии. Но, как говорится, от большой работы уже навсегда отошел. В последующие годы руководил издательством "Академия". Вынужденный покинуть Институт В.И. Ленина, для становления которого много сделал, он позже стал организатором и первым директором Института мировой литературы при ЦИК СССР. В конце 20-х годов вернулся к своим еще дореволюционным занятиям историей революционно-общественной мысли России. Сегодня мало кто знает, что одна из первых книг издающейся и поныне серии "Жизнь замечательных людей" была написана Каменевым о Н.Г. Чернышевском (1933 г.).

Но эта его жизнь, жизнь вне большой политики, была далеко не безоблачной. Он хорошо понимал, что постоянно находится "под прицелом" Сталина и его окружения. Проявлялось это по-разному. Порой относительно безобидно, когда он, к примеру, читал в газетной

статье Калинина, что ”накануне Октября Сталин — один из тех немногих, вместе с которыми Ленин решает вопрос о восстании, конспирируя это от Зиновьева и Каменева”. А потом и более жестоко, как это случилось осенью 1932 года, когда вновь исключенный из партии по так называемому ”делу Рютина” (”Союз марксистов-ленинцев”) Каменев был отправлен в минусинскую ссылку.

В 1933 году он вернулся в Москву, был восстановлен в партии, и вроде бы жизнь опять потекла по уже привычному руслу. Но не надолго.

Скорее всего, как только пришла весть об убийстве Кирова, Каменев почувствовал надвигающуюся расправу. Да и как было не почувствовать. Сразу стало известно, что рыжеватый Коба, семнадцать лет назад трясшийся вместе с ним в общем вагоне, увозившем их из Ачинска, теперь спецпоездом, в сопровождении нескольких подразделений охраны ринулся в Ленинград. Там, у гроба Кирова, последовало его заявление: ”Прощай, мой дорогой друг. Мы за тебя отомстим”.

Кому отомстим? — вряд ли надо было задавать такой вопрос. На газетных полосах рядом с сообщением, что ”личность преступника, убившего Кирова, выясняется”, появились зловещие заголовки, упреждающие это выяснение призывами ”покончить с троцкистскими и иными двурушниками”. В ночь на 16 декабря 1934 года в московский Карманицкий переулок, где жил Зиновьев и была квартира второй семьи Каменева, въехали машины НКВД...

Хотя в официальном сообщении НКВД и было указано, что ”ввиду отсутствия” в отношении Зиновьева, Каменева, Евдокимова и ряда других арестованных ”достаточных данных для предания их суду” и они будут только высланы, суд (и не один) был учинен. В январе 1935 года Каменев был приговорен к пяти годам тюремного заключения, летом того же года он был судим вторично, тюремный срок увеличился до максимальных в то время десяти лет. За пределами этого срока следовала ”высшая мера”. Она и была применена по приговору зловещего августовского процесса 1936 года. Сталинская расправа свершилась.

Впрочем, шлейф ее растянулся во времени. В 1935 году был арестован и в 1938 году расстрелян старший сын

Каменева 33-летний авиационный инженер Александр. Младший сын — школьник Юрий был в два раза моложе, ему было только 16. В этом возрасте он и был приговорен в 1938 году к "высшей мере", приведенной в исполнение. Их мать — Ольгу Давыдовну — расстреляли осенью 1941 года. Погибли и младший брат Каменева — Николай с женой, а также Татьяна Ивановна Глебова, близкий человек Каменева в последние годы его жизни. Но и этого оказалось мало. Сын Александра — Виталий, почти не знавший деда, едва закончив школу, оказался в 1951 году в тюрьме, а затем в ссылке, которая неизвестно чем бы кончилась, если бы не 1953-й...

Подлинная человеческая трагедия, через которую на исходе своей в общем-то короткой жизни — он погиб 53-х лет — прошел Каменев, конечно, так или иначе всегда будет сказываться на восприятии его политической биографии. Нужно время и для того, чтобы это восприятие очистилось от ложных представлений, наслоившихся с 30-х годов. Ведь только сейчас мы начинаем вдумываться в оценку Льва Борисовича Каменева, как одного из виднейших большевиков и коммунистов.

Ее дал В.И. Ленин, и о ней не следует забывать.

Н.Д. КОНДРАТЬЕВ
(1892 — 1938)

"ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ Я ЖИЛ БУДУЩИМ"

Лариса ПИЯШЕВА

Далекое — близкое, почти забытое, но не дающее покоя прошлое: 20-е годы, военный коммунизм, нэп. Там и тогда решалась судьба "наших детей" — то есть нас. Там и тогда во имя "их" (нашего) светлого будущего были приняты исторические решения, которые стали потом нашими завоеваниями, принципами нашей сегодняшней духовной, социальной и экономической жизни, отказаться от которых мы теперь не можем, не хотим, не вправе. Героев тех лет, выживших в смутные сталинские времена и возглавивших оплоты плановой централизации, мы знаем. Их имена внесены в энциклопедии. Их заслуги одарены медалями. Они уходят из жизни почетными авторами больших научных трактатов, не одно поколение их преемников уже защитили свои кандидатские диссертации и получили докторские степени, читают теперь в университетах курсы политэкономии и пишут трактаты о "загнивающем" капитализме.

А что мы знаем про "антигероев" — про ученых, погибших в застенках сталинских лагерей?.. Например, про одного из них — Николая Дмитриевича Кондратьева.

Давайте заглянем в Советский энциклопедический словарь. Есть там Кондратьева — новатор в текстильной промышленности, Кондратьева — советская спортсменка, Кондратьева — артистка балета. Видного русского экономиста — признанного во всем мире автора теории длинных волн — Николая Дмитриевича Кондратьева там нет. Вычеркнут из Истории, будто бы и не было десятка монографий, сотен статей и докладов, будто бы и директором Института конъюнктуры не был, да и самого Института такого никто уж толком не помнит. Как будто "кондратьевской теории длинных волн экономической активности", "кондратьевских циклов", изучаемых и исследуемых сотнями экономистов в разных странах, не существует.

Читаем экономическую энциклопедию. "Кондратьев Николай Дмитриевич (4.03.1892—17.10.1938), русский экономист. Окончил юридический ф-т Петербургского ун-та (1915 г.). В 1917 г. участвовал в разработке бурж. агр. реформы в Гл. зем. к-те... директор Конъюнктурно-

го ин-та при Наркомфине". Далее увековеченное в памяти потомков "обвинительное заключение": "К. считал социализм экономически неосуществимым. Рассматривал нэп как разновидность государственного капитализма... отрицая ведущую и преобразующую роль пром-сти по отношению к с. х-ву, считал, что экономич. развитие страны определяется возможностями с. х-ва. Выступал против социалистич. индустриализации. Центральной фигурой своей экономической модели "аграризации" страны считал кулацкие слои деревни. Выступал против коллективизации с.х. Социально-политические процессы освещаются тенденциозно с бурж. позиций, аграрная политика Сов. власти дается в извращенном виде. К. — автор апологетич. теории "больших циклов конъюнктуры"...

На месте, где в энциклопедии пишут труды ученого, стоит: "Лит.: Против кондратьевщины. Классовая борьба в экономической теории (Сб. ст.), М., 1931 г.; Струмилин С.Г. На плановом фронте. 1920 — 1930 годы. М., 1958 г.".

"Против кондратьевщины". Этому "памятнику" 56 лет. На нем высечены имена "героев-победителей": И. Верменичев. "Буржуазные экономисты как они есть", И. Лаптев. "Перерастание кондратьевщины в правый уклон", Я. Рокax. "Когда кондратьевец проговорился, или развернутая программа контрреволюции", М. Сулковский. "Кооперативный план правых и новонародников", В. Милютин. "Буржуазные последыши", Я. Никулихин. "Какой генплан готовили вредители", В. Румянцев. "О вредительских принципах с.-х. опытного дела", В. Муллин. "Борьба кондратьевцев за кадры", П. Пинчук. "Кондратьевщина и белорусский национал-демократизм", Б. Семевский. "Кондратьевщина в Казахстане" и другие.

Это имена тех, кто промышлял ритуальным осквернением жертв, ибо критикуемые к тому времени были уже кто за решеткой, а кто — в могиле. Почему они это делали — из веры, из страха или из корысти? От желания быть с "победителями" или от страха самим оказаться "там"? Я не знаю.

И. Верменичев: "Группа буржуазных и мелкобуржуазных ученых в СССР типа Кондратьева, Юровского, Дояренко, Огановского, Макарова, Чаянова, Челинцева

и др... олицетворяла собой антимарксистское направление в области сельскохозяйственной экономики. Это — "последние" могикане буржуазной, мелкобуржуазной, всевозможных оттенков народнической идеологии в области аграрного вопроса. В настоящее время вся эта группа разоблачена как руководящая верхушка контрреволюционной вредительской организации, прямой своей задачей поставившей свержение советской власти и восстановление буржуазно-помещичьего строя!"

Нет! В настоящее время все не так! У нас теперь другое настоящее время!

16 июля 1987 года военная коллегия Верховного суда рассмотрела протест Генерального прокурора СССР по делу 15 граждан, осужденных в 30-х годах, и отменила приговоры, вынесенные им в 1931, 1932 и 1935 годах. Верховный суд отверг обвинение их в преступной деятельности. Ни один из оправданных не дожил до этого времени. Среди них А. Чаянов, Н. Кондратьев, А. Челинцев, Н. Макаров, Л. Юровский, А. Дояренко, А. Рыбников, Л. Литошенко, С. Чаянов, Л. Кафенгауз, А. Тэйтель, И. Леонтьев, А. Фабрикант, О. Хайуке, Н. Гензекадзе.

175 страниц черной брани, с обильным цитированием Ленина и Сталина, с фантастической демагогией, полной ненависти ко всему и всем — к левым и правым, к оппортунистам и ревизионистам: "Кондратьев возглавлял контрреволюционную организацию вредителей рабочего снабжения... Кондратьевцы вкупе с Чаяновыми, Громанами и т.д. ставили своей задачей обеспечить победу Деникина, Колчака, Юденича и т.д. Они разрабатывали планы поддержки и помощи генеральской контрреволюции, прилагали все усилия, чтобы способствовать максимально возможному обслуживанию кулаков по линии кооперации, кредита, агрономических мероприятий... Махровый, играющий всеми цветами буржуазно-помещичьей реакции кулацкий идеолог Кондратьев вступает в союз с гнуснейшими агентами мировой буржуазии — вредителями... Прихвостни из ученой братии объединяются с прихвостнями из лагеря "наших" "советских" и "левых" меньшевиков, а все вместе блокируются с отъявленными вредителями из среды определенной части инженеров и других специалистов... Лакеи

мировой буржуазии, отрепья русской интеллигенции... жалкие буржуазные последыши..."

Л.Н. Литошенко "корчевали" за защиту крупнокрестьянского хозяйства. Он считал, что раздробление являлось бы непростительной растратой производительных сил страны. Н.Д. Кондратьева — за "разукрупнение". За какие прегрешения Чаянова и Челинцева судили? Они "болтали о преимуществах мелкого хозяйства перед крупным". Только и всего. Теория кооперативного строительства и устойчивости мелкого хозяйства. В 1917 году Н.Д. Кондратьев выступал с этим тезисом. Всем им сулили одно. "Под ураганным огнем марксизма и ленинизма все последние остатки враждебной пролетариату идеологии будут выкорчеваны с корнем" (Верменичев).

Что стало с этим автором? Мне не удалось это узнать. Может, уже в следующем круге "чистки" прошел как "враг народа"? А может, и поныне в "героях" ходит и внуки играют медалями за "выкорчевывание"?

И именно потому наши аграрники пишут о бедах сельского хозяйства, указывают корни этих бед, но не рискуют ввязываться в схватку за решение вопросов "что делать?", "как дальше жить?". Ибо эта схватка требует прямо и во всеуслышание поставить вопрос о земле — "Землю — крестьянам", о крестьянстве — как классе (выкорчеванном) землевладельцев, вернуться к вопросу о мелкотоварном производстве, о семейных (фермерских), хуторских хозяйствах, о кооперативах, товариществах, "смешанных" хозяйствах и не вывески сменить, а перестроить, разнообразить, высвободить из пут безысходного догматизма нашу жизнь.

Кому же хочется еще раз кинуться в этот омут и шею себе сломать? Кто посмеет вернуть научную дискуссию к ее исходным посылкам 20-х годов, когда не было еще "уклонистов", "оппортунистов", "ревизионистов", "буржуазных прихвостней" и "врагов народа", когда не определилась еще та единственная генеральная линия, которая будет потом названа "единственно научной" и войдет в наши учебники как "гордость и завоевание социализма". Кто сегодня, когда все аргументы всех сторон уже названы "антисоциалистическими", "дискриминирующими саму идею колхозного движения", "реставрирующими капитализм", ввяжется в битву за фермерское

хозяйство? ''Вождь кондратьевщины — проф. Кондратьев — является застрельщиком в изображении гигантских преимуществ капитализма в развитии производительных сил сельского хозяйства. Кондратьев — это циничнейший певец капитализма. Слуга Капитализма''. Как после таких слов громко сказать — посмотрите на американских фермеров, хлеб которых покупаем, — сказать, и не оглянуться, и не закрыть рот ладонью.

На столе книжечка ''Против кондратьевщины''. И в энциклопедии сноска на нее — как на литературу по данному вопросу.

Дорого бы я дала за то, чтобы рукописи горели. Чтобы одним разом собрать вместе все эти ''замечательные'' тексты, всю злобность и словоблудие, все клеветнические извращения и моральную нечистоплотность — и сжечь. Как ярко вспыхнуло бы это пламя. Как быстро очистился бы воздух. Единожды и навеки. Но так не бывает. Может быть, к счастью. Нужно, чтобы и дети, и внуки, и внуки внуков помнили, чтобы в седьмом колене сокрушались над историей клеветы и несправедливости, учиненных против сотен и сотен тысяч, в том числе против Николая Дмитриевича Кондратьева — блестящего, выдающегося русского экономиста, имя которого вписано в сокровищницу мировой экономической мысли.

Пусть тлеют эти книжечки на полках библиотек — потомки должны знать о нас правду. А книги самого Кондратьева? Что стало с ними? Не пришло ли время вернуть людям эти замечательные образцы отечественной экономической мысли? Эти блестящие по ясности и отчетливости, которых так не хватает нашему вывернутому наизнанку политэкономическому языку, тексты?

''Я, КАЖЕТСЯ, ОТКРЫЛ...''

Заглянем в каталог библиотеки. Стройным рядком стоят здесь всеми забытые книги: ''Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии'' (1915) — толстый том в 450 страниц с расчетами, таблицами, графиками, схемами, диаграммами, написанный Николаем Дмитриевичем Кондратьевым в возрасте 23 лет; ''Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны'' и ''Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции'', изданные в 1922 году; ''Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта''

(1923); ”Михаил Иванович Туган-Барановский” того же года; ”Перспективы развития сельского хозяйства СССР”, написанная совместно с Н.П.Огановским (1924); ”О крупно-крестьянских хозяйствах”, написанная совместно с Н.П.Макаровым (1917); ”Аграрный вопрос о земле и земельных порядках” (1917) с предисловием Распорядительного комитета Лиги аграрных реформ, которое начинается словами: ”Среди задач будущего строительства новой России проблема аграрного устроения нашей деревни занимает исключительно важное место. От правильного ее решения в наибольшей степени зависит дальнейшее экономическое развитие нашей Родины”; ”Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики” (1928), книга, принесшая Николаю Дмитриевичу мировую славу.

Сборники, которые редактировал Николай Дмитриевич, будучи директором Конъюнктурного института, доклады, опубликованные им в выпускавшихся тогда томах ”Вопросы конъюнктуры”, в журналах ”Социалистическое хозяйство”, ”Вестник сельского хозяйства”, ”Плановое хозяйство”, ”Пути сельского хозяйства”, ”Экономический бюллетень Конъюнктурного института”, ”Сельское и лесное хозяйство”.

Лига аграрных реформ, в состав которой входили А.В. Чаянов, Н.П. Макаров, К.А. Мациевич, П.П. Маслов, С.Л. Маслов, Н.П. Огановский, А.И. Стебут, брала на себя издание нескольких серий книг по аграрному вопросу. Книга Н.Д. Кондратьева шла по серии ”С” с преамбулой: ”Взгляды, высказываемые авторами в книгах этой серии, всецело остаются на ответственности самих авторов”. (Как порадовались бы такой преамбуле многие сегодняшние издатели и публицисты, как расширился бы диапазон наших научных дискуссий, как раскрепостилась бы наша научная жизнь!)

В 1917 году Н.Д.Кондратьев лозунг ”Землю — народу” понимал в самом прямом и радикальном смысле: освободить крестьян от зависимости от торгового и денежного капитала, от землевладельцев, социализировать землю и затем поделить ее поровну. Под социализацией земли понималось не только отсутствие частной собственности — права продавать, закладывать, сдавать или брать в аренду, но и предоставление права пользования — ”трудового права на землю”. ”Собственность на

землю должна быть уничтожена... Для народа важна не собственность на землю, а доступ к земле. Пока он или его семья работает над этой землей, никто не имеет права мешать ему пользоваться... Но как только он или его семья бросили работу над землей, он уже не имеет права ею пользоваться... Хозяйственной единицей должна стать семья... Хозяйство-семья собственными усилиями должно вести обработку земли. Наемного труда нет".

Сегодня уже поднимаются архивы Конъюнктурного института, который возглавлял в 20-х годах Николай Дмитриевич Кондратьев, готовится первый том избранных произведений и полный список научных трудов, восполняются пробелы в биографии, выясняются обстоятельства смерти. Пройдет немного времени, и мы узнаем, откроем для себя этого большого ученого, тонкого и точного аналитика, глубоко воспринявшего уроки военного коммунизма, когда разрушение денежного хозяйства, системы цен, рынков обернулось общенациональной трагедией — массовым голодом, холодом, разрухой на транспорте, в промышленности и в деревне. Кондратьева, который, как немногие экономисты того времени, понимает незаменимость рынка как пространства встречи спроса и предложения, осознает значение рыночных цен как надежнейшей и незаменимой информационной системы, сообщающей производителю то, что от него хотят потребители. Кондратьева — зрелого и убежденного теоретика товарно-денежного хозяйства, ищущего самые надежные и точные методы описания и прогнозирования экономического развития, ученого, знающего и чувствующего пульс мировой конъюнктуры, видящего законы ее развития.

Из трудов Конъюнктурного института, нашедших отражение в многочисленных публикациях тех лет, станет ясно, что в середине 20-х годов у страны еще была четкая альтернатива развития, которая не завела бы нас ни в кровавые годы коллективизации, ни к процессам 30-х годов. Знакомство с книгой "Большие циклы конъюнктуры" заставит иначе взглянуть и на проблемы экономических и структурных кризисов, и на проблемы роста, и на теорию макроэкономического моделирования, и на многие социальные процессы, тесно вплетенные в общий пульс экономической динамики.

Но еще долго читатель не сможет узнать, какое заве-

щание оставил нам Николай Дмитриевич. Рукопись одной из двух написанных им в лагере работ пропала где-то в тюремных архивах. Сохранился только краткий реферат в письме к жене. Рукопись другой — "Основные проблемы экономической статики и динамики (Предварительный эскиз)", около 600 страниц, исписанных мелким неразборчивым почерком, постепенно, параграф

Николай Кондратьев — студент I курса юридического факультета Петербургского университета. 1912—1913 годы

за параграфом, глава за главой передаваемых Николаем Дмитриевичем из тюрьмы жене, — еще не нашла своего издателя. Полвека — еще недостаточный срок для того, чтобы в нашей самой "лесной" стране нашлась бумага, в нашем плановом хозяйстве — место, в нашей бюрократической иерархии — покровитель, сумевший "пробить" в печать этот, теперь уже исторический памятник 20-х годов.

Сейчас я еще не знаю, что содержится в этой толстой папке, лежащей на моем письменном столе. Я никак не могу собраться с духом и начать читать этот труд, ставший завершением жизни, оборвавшейся так рано и так трагично. Мне страшно это чтение. Перед глазами еще стоят строки из писем, рассказывающие, как постепенно, из месяца в месяц угасало здоровье Николая Дмитриевича, как рушилась вера в разум и справедливость. Вначале

усталость и раздражение, потом головные боли, потом обмороки, потом стал пропадать слух, резко ослабло зрение, потом не было сил подняться с постели...

"Как прекрасно было это солнечное, бесконечное деревенское детство, первые шаги в школе. Сколько веры и бодрости было потом. Как невыразимо хороши были студенческие годы. Было какое-то упоение жизнью, беспрерывное движение вперед, постоянный успех, почти пантеистическое мироощущение... Теперь жизнь сурово наносит один удар за другим, отбирая все, что она дала. И я еще не знаю: может быть, это только начало?..

Суздаль. Политизолятор. 29.XI.1933 г."

"Сегодня 19-е — ровно 4 года со дня заключения. лось совсем немного, ровно столько же!

Тяжелая колесница истории проехала по нашему поколению.

Суздаль. 19.VI.1934 г."

"...При свидании мама скажет: "Родной мой, отца-то ведь уже нет, и Сережи нет, и тебя-то нет". Я не хотел плакать, но слезы неудержимо лились сами. И долго, очень долго, я не мог выговорить всего несколько слов: "Мама, как ты постарела".

Суздаль. 22.VIII.1934 г."

День окончания срока, день нового приговора и день смерти датированы одним числом. Расстрел в день свободы. Мне страшно начать чтение. Вдруг я найду там сломавшегося, растерянного, утратившего волю к знанию и истине политического заключенного, отрекшегося от собственного разума? Кому — легкомысленному студенту, старенькому профессору или тюремному надзирателю адресовал он свой последний труд?

Первое знакомство с рукописью... И все сомнения позади...

Часть I. Общество и хозяйство.

Часть II. Основные вопросы методологии изучения социального хозяйства. Глава 9 названа "Экономическая статика, динамика и генетика". Она для тех, кто еще ничего не слышал о генетической школе в политэкономии.

Часть III. Теория экономической статики с главой "Теория цены равновесия и товарного рынка". Вот бы изучить теорию цены равновесия тем, кто сегодня намерен в плановом порядке "решить проблему цен" к 1990

году, а затем ввести в жизнь оптовую торговлю средствами производства.

А где же часть IV — логическое завершение исследования? Где анализ проблем экономической динамики? Увы... Его я найду у Харрода, в книге, изданной спустя много лет.

Может быть, исследователи научного наследия Нико-

лая Дмитриевича Кондратьева когда-нибудь разыщут наброски ненаписанной главы. Может быть, дотошный архивариус перекопает тюремные архивы и разыщет рукопись пропавшей книги о началах макроэкономического моделирования. Может быть, историк экономической мысли и по неизданной рукописи начнет свое исследование по установлению отечественного приоритета. Может быть... Пока что, увы, только переданный жене листок с формулами и брошенное вскользь — "Я, кажется, открыл..." "Теперь, после длительной работы я склонен думать, что составление и решение упомянутых уравнений **представляет собой в полном смысле слова открытие** (выделено автором. — **Л.П.**), которое позволяет построить совершенно новый, в высшей степени увлекательный и важный раздел теоретической экономики и притом на строгих и точных основаниях".

15 августа 1934 года Николай Дмитриевич сам подведет итог своей научной деятельности.

"Важнейшие научные работы, напечатанные по-русски, можно свести к следующим: а) Основные учения о законах социально-экономического развития (1913 г.); b) Рынок хлебов (июль, 1922 г.); с) Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны (июль, 1922 г.); d) Проблема научного предвидения (1927 г.); е) Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров (1928 г.); свыше 100 научных статей, помещенных в различных журналах. На иностранных языках мои работы печатались в Америке, в Англии, в Германии, во Франции. Один из наиболее видных американских экономистов Митчелл в своей книге пишет: "Исследования ван Гельдерна и Кондратьева открывают увлекательную перспективу новых работ". Другой американский экономист со столь же большим и широко известным мировым именем проф. Ирвинг Фишер дал о моих работах еще более положительный отзыв. Мои работы, напечатанные на иностранных языках, вызвали вообще значительное внимание к себе и стали предметом довольно широкого обсуждения. Им уделено большое место в работах профессоров Уордвела, Митчелла, Кузнеца, Вагенфира, Фогеля, Вагемана, Джона, Андерсона, Хебера и др.

Н.Д. Кондратьев с родными. Слева направо: жена Евгения, мать Любовь Ивановна, отец Дмитрий Гаврилович, брат Александр. 1923 г.

Тебя интересовало далее, в каких известных научных обществах я состоял членом. Привожу перечень этих учреждений: Американская академия социальных наук, Американская экономическая ассоциация, Американская ассоциация по вопросам сельскохозяйственной экономики, Американское статическое общество, Американское социологическое общество, Лондонское экономическое общество, Лондонское статистическое общество".

Спустя неделю он напишет: "Всю свою жизнь я жил будущим. Всю свою жизнь я пробивался через густой

частокол препятствий каждого данного настоящего дня, что невольно перемещал все внимание на будущее. Настоящее мне всегда казалось не подлинным. Но как тяжело поэтому видеть, что притягивающее будущее подобно принцессе — Грезе останется лишь грезой. Тогда начинаешь остро ценить настоящее. Но, увы, его тоже нет. Безумно жаль растрачиваемых сил, уходящего времени... И странно перед охватывающим меня отуплением и бессилием".

И последнее, самое последнее, адресованное дочери: "Милая моя, дорогая Аленушка! Я надеюсь, что ты по-прежнему будешь учиться на отлично. Будешь читать хорошие книги. Будешь, как всегда, умной и хорошей девочкой. Будешь слушать маму и не будешь никогда огорчать ее. Я бы хотел также, чтобы ты не совсем забыла меня — твоего папу.

Ну будь здорова и счастлива. Целую тебя без конца.

Твой папа".

АЛЬТЕРНАТИВЫ

В середине января 1924 года директор Института конъюнктуры, признанный во всем мире автор теории длинных волн ("кондратьевских циклов деловой активности") профессор Н.Д. Кондратьев выступал с докладом в сельскохозяйственной секции Госплана от имени Плановой комиссии Народного комиссариата земледелия — "Перспективы развития сельского хозяйства" с обоснованием "пятилетки Кондратьева".

"Мы говорим об аграрной революции. Значение ее нужно рассматривать с двух точек зрения: с точки зрения более длительного периода и с точки зрения данного короткого периода. Нет никакого сомнения, что положительное значение аграрной революции огромно. Она уничтожила те препятствия для развития производительных сил, которые заключались в земельном режиме. Но с точки зрения короткого периода в самом процессе своего совершения она несомненно способствовала углублению распада и деградации сельского хозяйства, она вызвала массовые переделы и сильнейшие поравнение и нивелировку хозяйств с общей передвижкой их вниз, измельчение хозяйств, с одной стороны, и уменьшение группы беспосевных хозяйств, с другой.

...Система мероприятий сельскохозяйственной поли-

тики достигнет своих целей лишь в том случае, если она будет стремиться в максимальной степени разбудить хозяйственную инициативу и самостоятельность населения; если она даст прочное русло для хозяйственной организации этой самодеятельности, в частности, для кооперативной организации, и если она будет стремиться обеспечить наилучшие условия для процесса накопления материальных ценностей в деревне".

На практике все исходные положения прогноза Кондратьева были смяты Сталиным и его командой планировщиков. Численность сельскохозяйственного населения стала падать, и первые миллионы были уничтожены в начале коллективизации; крестьянские хозяйства не упрочились, а были обескровлены; средние и зажиточные крестьяне выселены со своих земель. Индустриализацию сельского хозяйства назвали "подрывом основ промышленной индустриализации". Рыночные отношения не "продолжили свое поступательное развитие". Хлеб не продавался крестьянами, а принудительно у них изымался. На место рыночного закона спроса и предложения вступил в действие закон централизованного директивного планирования. Иначе пошел и процесс землеустройства. Кондратьев подсчитал, что при существовавших темпах он завершится в 15 — 16 лет, а в плане общего землеустройства крестьянского хозяйства — в 25 — 20 лет. Коллективизацию провели в 3 года. Вместо того чтобы "будить хозяйственную инициативу", насадили мощный административный аппарат централизованного управления.

Но все это будет потом. Сталин наградит победителей, наречет их "завоевателями социализма", а содеянное — "завоеваниями" оного. Придворные мудрецы внесут это в учебники и увековечат. Но это потом. Сейчас же идет 1925 год. Николай Дмитриевич только что вернулся из поездки за рубеж, куда его направили для изучения опыта развития сельского хозяйства США, Германии, Англии, других европейских стран.

На заседании коллегии, состоявшемся 25 ноября 1925 года, в своем отчетном докладе, характеризуя состояние сельского хозяйства США, он говорил: "Первое, что нужно отметить, подходя к проблеме организации американского сельского хозяйства, это фигура самого фермера, сложившаяся под влиянием объективных условий.

Американский фермер это предприниматель в настоящем смысле этого слова, небольшой предприниматель, но предприниматель, работающий так же, как и всякий предприниматель, т.е. балансирующий все выгоды и невыгоды того или другого типа работы. В этом смысле он гораздо менее консервативен, чем всякий другой крестьянин Европы... Основная черта американского сельского хозяйства — это прежде всего очень большая специализация и высочайшая товарность... Фермер это предприниматель потому, что у него товарное хозяйство и он целиком зависит от рынка... Тесная связь с рынком. Это главный измеритель его успеха и неудачи. Американский фермер чрезвычайно ценит производительность своего труда и гораздо меньше ценит производительность земли. Ему гораздо важнее, сколько он получит, чем сколько он произведет, потому что произвести, конечно, можно и больше, но с большими затратами.

...Никаких принудительных переселений в города, никаких ударных строек пятилеток, никаких массовых наборов и спецпризывов. Никаких принудительных обобществлений. Экономический стимул. Земля продается и покупается, сдается в аренду и наследуется. Процесс укрупнения земельных угодий, роста размеров и товарности фермерских хозяйств идет бескровно, естественно и закономерно, формируя и оптимальный размер хозяйств, и структуру размещения сельскохозяйственных культур, и цены, складывающиеся под влиянием спроса и предложения как внутреннего, так и мирового рынка сельскохозяйственной продукции".

Вывод, который сделал Н.Д.Кондратьев как эксперт и профессионал в области мировой экономической конъюнктуры и как специалист по хозяйству нашей страны, звучал так: "Мы стоим перед очень большим штурмом Америки, штурмом в смысле индустриального экспорта и экспорта капитала, особенно в Восточную часть Азии и некоторые другие молодые страны. Мы стоим перед большими пертурбациями в мировом хозяйстве в смысле перераспределения производительных сил. Если так, то неизбежно будет освобождаться некоторое место на мировом сельскохозяйственном рынке. Возникает вопрос, кто является претендентом на это место".

Вот здесь, в этой точке, в этот год, на этом заседании был поставлен вопрос о путях будущего развития нашей

страны. Вопрос выбора. Пойдем ли мы — сельскохозяйственная страна — путем естественной экономической эволюции, тесня другие страны и занимая освобождающееся место на внешнем рынке сельскохозяйственной продукции своим зерном, своей продукцией животноводства, своим льном и хлопком, завоевывая выгодные позиции и быстро накапливая капитал для индустриализации страны, либо пустимся наперегонки с уже прошедшей через этот исторический этап Америкой? Выбор реальный и отчетливо сформулированный — экономическая эволюция либо революционная ломка и перестройка хозяйственной структуры в целях ускоренной, форсированной индустриализации за счет и в ущерб развитию сельского хозяйства.

"Претендентами на освобождающееся место будут ряд стран... Австралия, Новая Зеландия, Канада и другие. Каковы же наши перспективы? — продолжает Кондратьев свой доклад. — Прежде всего возьму рынок зерновых продуктов. Я думаю, что эти продукты мы будем иметь и на этом рынке наше положение благоприятно, потому что нет другой страны, производящей так дешево продукцию, как СССР... Затем я считаю, что качество нашего зерна и его авторитет, созданный исторически, чрезвычайно велики. Наше положение благоприятно и с маслом. Такое же положение с яйцами. В этом отношении мы вне конкуренции. Огромный спрос мы можем встретить на лес... Хотя объективная экономическая ситуация на мировом сельскохозяйственном рынке, по-моему, для нас чрезвычайно благоприятна и мы можем рассчитывать на блестящие перспективы, тем не менее ни в коем случае не следует увлекаться тем, что перспективы сами упадут нам в руки. Здесь предстоит борьба".

И борьба действительно развернулась. Но совсем не та, о которой говорил Николай Дмитриевич. Развернулась борьба против экспортной ориентации и развития нашего сельского хозяйства, борьба против "сельхозплана" и "пятилетки Кондратьева", борьба за индустриализацию страны в ущерб и за счет сельского хозяйства. Борьба не за высокий доход, а за возможно больший масштаб конфискации и мобилизации созданного и накопленного. Началась принудительная коллективизация, с массовым принудительным переселением наиболее тру-

доспособной части сельского населения в несельскохозяйственные районы. Началась гражданская война с "кулаком", "середняком", сельским хозяином, виной которого перед "народом" было владение двумя лошадьми и умение растить и хранить хлеб. Началась большая битва за обобществление собственности, земли, скота.

Сегодня пишут о перегибах. Если бы перегибы... Тогда последствия были бы легко устранимы, и через полвека политики колхозного и совхозного строительства импорт зерна в Союз не достигал бы 50 миллионов тонн. Сегодня мы вправе, осмысляя уроки прошлого, ставить вопрос о принципиальных ошибках, допущенных при выборе пути. Ошибках, которые не позволили нам тогда воспользоваться высокими перспективами и теперь не дают вырваться из злополучной "продовольственной проблемы".

Почему сегодня, спустя более полувека, самым насущным является не вопрос о том, как нам эффективно конкурировать на мировом сельскохозяйственном рынке, а как ликвидировать талоны на продукты питания и обеспечить детей молоком?

Почему?

Это и есть тема сегодняшнего разговора, заставляющая нас еще и еще раз обращаться к истокам нашей сельскохозяйственной политики и там, в 20-х годах, искать ошибки и просчеты. Ибо там и тогда был заложен фундамент, на котором произрастают наши сегодняшние экономические беды.

ДИРЕКТИВНЫЙ ИЛИ ИНДИКАТИВНЫЙ?

Цифры нашей следующей пятилетки опубликованы. Даны точные размеры роста. Это значит, что не конъюнктура, не рынок, не естественный ход экономического процесса скажут свои цифры к концу пятилетки, а экономика "подстроится" к директивам, а затем ученые-плановики спрячут несогласованности и замажут щели в отчетах. Но тогда, в середине 20-х годов, еще не ясен был результат, не сделан выбор, не сказано, что же есть социалистическое — гибкое, учитывающее закономерности роста и развития, быстро приспосабливающееся, мобильное или всеподчиняющееся идее плановой стабильности.

Индикативный динамический кондратьевский план,

учитывающий конъюнктурные условия, внутренние тенденции, меняющиеся обстоятельства, или сталинский — струмилинский — директивный план? Институт конъюнктуры с его ежемесячной фиксацией движения рыночных цен, кредитных ставок, курсов валют, денежной эмиссии, положения на рынке труда, движения доходов или — Госплан с его... на 5 процентов вырос и еще

Директор Конъюнктурного института Н.Д. Кондратьев (в центре) со своими сотрудниками.

на 8 вырастет?

"Как же мы ставим перед собой нашу основную плановую проблему? — писал в 1924 году С.Г. Струмилин. — Мы живем в условиях товарно-денежного хозяйства... основной нашей задачей в области плана является *преодоление несоциалистических элементов нэпа* (курсив автора. — **Л.П.**), т.е. преодоление стихии товарно-капиталистического хозяйства и практическое воплощение в жизнь хозяйства социалистического... Созданная нами... система трестов, синдикатов и торгов... объединяется единой волей и плановым руководством не только в редкие моменты утверждения производственных программ и перспективных планов развития, но и в повседневной их работе — в порядке текущего банковского финансирования. Наши плановые органы... переливая питательные соки оборотных ресурсов в наиболее ва-

жные пункты, держат в своих руках тот центральный денежный рычаг управления народным хозяйством, сильнее которого не знает капиталистическое хозяйство... В руках тех же органов находятся еще такие дополнительные рычаги, как монополия внешней торговли и всего дальнего транспорта, а также таможенная и вообще вся налоговая система.

...Уже очень скоро преимущества крупного производства и централизованного сбыта выявят еще в большей степени свое превосходство... частный капитал будет постепенно вытесняться из всех завоеванных им у нас позиций... Если мы сможем диктовать не только оптовые, но и розничные цены как производителю, так и массовому потребителю, то задача преодоления стихии нэпа будет разрешена. Экономически регулируя и цены производства крестьянина и торговые накидки торговца-розничника, мы превратим их в своих агентов. Уже скоро мы не только сумеем наперед учитывать вероятный темп расширения емкости нашего рынка, но и сознательно *предопределять* ее в необходимых для нас размерах, воздействуя на уровень зарплаты и цены крестьянской продукции. Наши плановые достижения и теперь изрядны. Но наши плановые перспективы значительно превосходят ожидания не только наших классовых врагов, но и кое-каких друзей-маловеров".

Извини, читатель, за длинное цитирование. Здесь каждое слово — веха нашей истории, наших социалистических завоеваний, как они понимаются некоторыми до сих пор. Социальная демагогия нарастет на костях экономической безграмотности позже. Сейчас идет консолидация власти — процесс ликвидации демократического устройства экономической жизни. Захват экономических рычагов управления, устранение рыночных — экономических — законов и насаждение единоначалия Закона планомерного и пропорционального развития — Плана-Закона. Госплан или "крестплан" — задается вопросом Струмилин и дает однозначный ответ — Госплан: "Признать вместе с Сокольниковым, что "организованное и плановое" использование сельскохозяйственных ресурсов у нас *невозможно,* — это равносильно было бы отказу не только от контрольных цифр 1925/26 г., но и от *всякой плановой работы в масштабе охвата всего народного хозяйства вообще...* Не впадая в жалкую ме-

щанскую утопию, ничего лучшего не можем ожидать и мы от такого планирования, которое будет подчинять свои пути и цели стихии рынка, приспосабливаясь к рыночной обстановке. Нет, не *приспосабливаться* к ней, а сознательно *приспосабливать* ее самое к нашим плановым устремлениям. И мы теперь более чем когда-либо вправе вслед за Марксом поставить перед собой новую задачу: мы до сих пор только изучали мир, но дело идет о том, чтобы *изменять* его".

Пытаясь образумить ретивых планировщиков и переустроителей жизни, Н.Д.Кондратьев в статье "Проблема предвидения" пишет: "Всюду, где ставится вопрос о действии, то есть о том, чтобы так или иначе изменять окружающий мир, тем самым ставится и вопрос о знании и прогнозе. Всякое стремление изменять окружающий мир неизбежно связано с представлением о том, в каком направлении следует его изменять и можно ли изменять его в этом направлении. В социально-экономической жизни проблема прогноза имеет особенно глубокое практическое значение". В основе программы переустройства должно лежать знание закономерностей развития, знание экономических законов. Экономика — живой организм, в котором каждый элемент имеет свое значение. Нужно знать, как живет этот организм, и способствовать его жизни, совершенствовать, улучшать его кровообращение, учитывать его особенности и привычки. Только так можно планировать. Иначе — волюнтаризм, разрушение, плановая анархия. "Предвидение в социально-экономической жизни возможно, хотя пределы его весьма ограниченны. Однако пределы эти не представляются чем-то застывшим: они расширяются по мере роста научного знания".

В 1924 году, в разгар дискуссий по аграрным вопросам, Н.Д.Кондратьев выступает в Институте экономики с докладом "К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры". В центре — понятие "динамики", которому еще только предстоит занять свое место в мировой экономической теории. Еще не написаны ни кейнсианские, ни классические теории динамического роста, не созданы динамические модели развития, все это будущее экономической науки. "Существующие до сих пор теоретические подходы к проблемам сельскохозяйственного развития основывались на статическом

анализе, — говорит Кондратьев. — Для того чтобы разрабатывать перспективы развития — мало знать статические соотношения различных экономических элементов. Необходимо знать законы изменения этих элементов и их соотношений. Проблема, которую мы ставим, по природе своей проблема динамическая".

Потом он развивает эту мысль: "Для того, чтобы действовать в условиях планового хозяйства, надо предвидеть; для того, чтобы предвидеть, предполагая, что мы умеем это делать, надо иметь достаточную технику предвидения и, кроме того, надо иметь достаточно близкий срок к тому моменту, который мы предвидим; но, с другой стороны, этот близкий срок уже не годится потому, что мы всегда запаздываем, и поэтому надо отодвинуть момент предвидения на более ранний срок, а как только мы отодвигаем предвидение на более ранний срок — мы ошибаемся. В этом вся суть. Условия товарного хозяйства и заключаются в том, что там никто не предвидел. Там рассчитывали каждый для себя и один мог ошибиться, другой не ошибался — это его дело. Но Государственный банк в этом отношении на риск не шел. Он поступал таким образом: "Вы пришли за кредитом, вы кредитоспособны — пожалуйста, вот деньги". А как это делается у нас? У нас выпускают деньги, не зная, был ли товар, не зная, будет ли кредитоспособный плательщик; все делается на базе предвидения.

Вот почему планирование должно быть более гибким и вот почему должна быть ориентировочная минимальная линия, через которую потом можно перешагнуть несколько дальше".

В чем же состояло главное расхождение между Н.Д.Кондратьевым и С.Г.Струмилиным, представившим к обсуждению пятилетний план индустриализации?

Кондратьев указывал на внутреннюю противоречивость и необоснованность пятилетнего плана, на нереалистичность объявленных показателей, произвольность в определении основных пропорций, на неправильность самой концепции планирования, основывающегося на том, что пятилетний план — не прогноз развития (что соответствует самому понятию — план), а директивное задание. Невозможность учесть все изменения конъюнктуры, климатические условия, множество других влияющих на

ход экономической жизни явлений толкало Кондратьева на критические возражения против готовящегося "планового произвола".

"Явно преувеличены исходные цифры накопления, еще более не соответствуют будущему развитию запланированные его размеры, это дает неправильную величину инвестирования. Темп и размеры накопления находятся в резком несоответствии с другими построениями..."

Уже этого достаточно для того, чтобы усомниться в правильности и праведности формируемого метода управления хозяйством. А ведь план-закон, план-приказ — это новый, зарождающийся способ управления экономической жизнью страны.

Показав внутреннюю противоречивость и необоснованность построения пятилетнего плана, Кондратьев в заключение писал: "Отсюда проистекают огромные последствия для всего проекта перспективного плана... Проектируемые накопления являются базой для соответствующих капитальных вложений, а последние служат одной из необходимых предпосылок той огромной реконструкции, которая намечена в промышленности, в строительстве, в транспорте и т.д. Теперь оказывается, что предпосылка эта недостаточно обоснована и по совокупности других построений плана совершенно не гарантирована. Тем самым ставится в критическое положение и план реконструкций. Во всяком случае, ясно, что в этой области жизнь не может пойти по тому плану, который мы разбираем... Наоборот, осуществление плана неизбежно привело бы к росту хозяйственных затруднений".

Сельское хозяйство, продолжал Кондратьев, в наименьшей степени поддается рациональному руководству, и этим оно глубоко отличается от концентрированной, объединенной в руках государства промышленности и торговли. Отсюда ясно, что жизненный план восстановления промышленности и торговли предполагает тесную связь его и согласованность с планом развития более стихийной области народного хозяйства, а именно сельского хозяйства. В противном случае план возрождения промышленности и торговли окажется построенным на песке.

1 августа 1925 года. Идет пленарное заседание прези-

диума Госплана СССР. Подводятся итоги обсуждения "пятилетки Кондратьева". Выслушаны все аргументы "за" и "против", все соображения многочисленных официальных оппонентов. Профессор Кондратьев произносит заключительное слово: "Какова, действительно, наша концепция? — Наша концепция такова, что рост сельского хозяйства и промышленности может идти только одновременно. Развивающееся сельское хозяйство создает рынок сбыта для продукции промышленности, и наоборот, мы утверждаем, что развивающаяся промышленность оттягивает избыточное сельскохозяйственное население и создает рынок для продуктов сельского хозяйства. В каком же тогда смысле мы утверждаем, что развитие сельского хозяйства есть предпосылка развития промышленности, и цитируем слова Ленина, что начать нужно с крестьянства? Мы вовсе не утверждаем, как это приписывают нам Крицман и Громан, что промышленная продукция будет неизбежно и всегда расти медленнее продукции сельского хозяйства. Мы утверждаем лишь, что *накопление капитала промышленностью* есть процесс медленный и что ускорение его предполагает рост сел. хозяйства и с.х. экспорта".

Но своя рука — владыка. Это по классическим экономическим законам накопление капитала — процесс медленный и постепенный. Существуют способы мобилизации средств. Можно провести мобилизацию за счет, в ущерб сельскому хозяйству, путем и прямой и косвенной конфискационной политики. XIV съезд ВКП(б) примет решение — "держать курс на индустриализацию страны". Приоритет определен, и страна переводится на режим ускоренной индустриализации. Мы рапортуем о больших успехах в ее масштабах и скоростях. Важен итог, без соотнесения с издержками. "Цена" успеха нам не интересна.

Идея о том, что нельзя строить в одном месте, обескровливая другое, без умолку повторяемая в тех или иных вариациях Кондратьевым, мало кого интересует.

К 1930 году все завершится. Кондратьев не сделает больше ни одного блестящего доклада с теоретическими выкладками, статистическими приложениями и конкретными рекомендациями. Толстые ежемесячники и бюллетени, да и сам Институт конъюнктуры прекратят свое существование. Все "рыночное" станет "капиталистически-

ми происками", "буржуазными вымыслами", "лженаучными свидетельствами", подлежащими полной анафеме и искоренению в "пролетарской стране". Начнется новая большая эра — "эра господства Госплана" со своими журналами, диссертациями, институтами. К 1930 году научная школа Н.Д.Кондратьева потерпит сокрушительное поражение.

А Струмилин торжествующе напишет: "Это решение, надо надеяться, ликвидирует всякие дискуссии. Оно дает нам основание и впредь строить свое хозяйство по Госплану, а не по "крестплану". И на этом мы можем поставить точку". Отныне вопрос о том, что является определяющим — развитие рынка и хозрасчет как предпосылки всякого возможного планирования либо планирование устраняет, заменяет собой рынок, лишая его регулирующей функции, — решен. Утверждение Н.Д. Кондратьева, что существование нэпа не только не отрицает план, но является предпосылкой для его построения, теперь выставлено на всеобщее осуждение.

Как издевался в своей статье 1930 года Струмилин над этой "буржуазно-прокапиталистической вражьей идеей" "охвостьев старого мира в плановых органах", как уничижительно звучали в его устах слова — рынок, свободный товарообмен, конкурентоспособность, сколько сарказма и "классовой ненависти", как отвратительны его сердцу были слова "рыночное равновесие" и "хозрасчет", как омерзителен нэп, преодолевать который должно было его ведомство.

Трудно жилось Госплану и его Верному Рыцарю Струмилину — "планировщику-коммунисту", как он себя называл, до 1930 года, пока существовал кондратьевский Институт конъюнктуры, когда выходили регулярно "Социалистическое хозяйство", "Вопросы конъюнктуры", "Пути сельского хозяйства", когда пагубные результаты плановых экспериментов кто-то осмеливался анализировать, знать, судить. Все это мешало "душить" рынок и рыночников, выстраивать стену между Россией и остальным миром. Мешала и "сельскохозяйственная пятилетка профессора Кондратьева", одобренная сельскохозяйственной секцией Госплана. Мешала идея плана-прогноза "народному академику Лысенко" от экономики.

"ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО"

Можно ли назвать уничтожение школы Кондратьева научной борьбой в поисках Истины? Кому придет в голову назвать избиение биологов лысенковцами научной борьбой? Назвать костры инквизиции огнем просвещения? А ведь уничтожение Н.Д. Кондратьева и его коллег было одной из первых акций в длительной, на 20 с лишним лет растянувшейся борьбе с генетическим подходом к науке. Это не вымыслы и шутки историка, скорее — истории. Первая генетическая школа, разгромленная антидемократическими, антинаучными и антиисторическими силами, была экономической.

Это не была борьба между сторонниками и противниками планирования. Нет — между различными подходами к социалистическому планированию.

Смысл "генетического", исторического подхода состоял в том, что планирование невозможно без прогноза и предвидения будущего. Подход Кондратьева к социалистическому планированию лежал целиком в русле ленинской концепции нэпа как смешанного товарно-денежного хозяйства, в котором плановые, социалистические и государственные начала в рамках рыночного хозяйства модифицируют и направляют поток хозяйственной деятельности во имя процветания общества и победы идей социализма. По мнению Кондратьева, которое и тогда и теперь разделялось большинством честных экономистов, "существование нэпа не только не отрицает плана, но является предпосылкой для его построения". Таков в общих чертах был генетический, исторический подход к проблеме планирования.

Ему противостоял другой — волевой, надменно пренебрегающий научными знаниями, историческими закономерностями и социальной справедливостью подход, получивший название "телеологический", то есть исходящий в планировании не из знания об объекте планирования, но только из произвольных, не заботящихся о реализуемости и достижимости планах.

Расхождение между двумя школами планирования сложилось достаточно рано. Если генетическая школа заявляла, что высшим критерием экономической политики является развитие производительных сил общества, рост уровня жизни населения, а национализация и социализация собственности должны рассматриваться только

как средство, используемое для достижения этой цели, то телеологи видели задачи экономической политики совершенно иначе: "Мы не дети: мы хорошо сознаем, что по мере продвижения к социальной революции мы ипсо факто на ряд лет обрекаем себя на сокращение и разрушение производительных сил". В переводе на язык обыденной речи это был лозунг ускорения индустриализации за счет жизненного уровня населения, в первую очередь за счет деревни.

Пафос телеологического подхода заключался в открытом пренебрежении к данным науки, к самому принципу научного анализа в экономике. "Наша внешняя и внутренняя классовая позиция для нас является организующим и направляющим принципом, по отношению к которому наука есть только... служанка".

Когда наука объявлена служанкой политики — ясно, что речь уже не идет о научной борьбе. Впрочем, то, что развернулось в 1927 — 1928 годах, трудно назвать и политической борьбой — это была травля.

Ретивые борцы за чистоту марксистско-ленинской идеологии 30 — 50-х годов и не заметили, как выплеснули с водой ребенка. Назвав экономику буржуазной лженаукой, а ее законы, инструменты, механизмы, рычаги, институты "капитализмом", они перекрыли нормальные условия роста нашего благосостояния. Пришел момент, когда не экономическая наука, не ее принципы и законы, а "чистота идеологии" стала определять нашу экономическую жизнь, когда естественные понятия — прибыль, рентабельность, свободный рынок сырья и материалов, рынок рабочей силы, рынок капитала и так далее — стали категориями "враждебной идеологии", когда "получение прибыли" — естественная и единственная цель экономической системы стало называться "погоней за чистоганом" и "спекуляцией".

Пришел момент, когда место экономиста занял планировщик, когда место экономической науки занял Госплан, когда экономический отдел на предприятии стал учетчиком по выполнению плана, когда такие естественные понятия, как экономическая (коммерческая) стратегия предприятия, предпринимательская инициатива, капиталообразование, стали атавизмом, ибо функцию планирования, прогнозирования, инвестиционной политики, политики цен, функцию руководства, управления, снаб-

жения, сбыта и все другие экономические функции взял на себя "Госплан Союзович".

"Что дает экономическая наука? — писал Н.Д. Кондратьев. — Она дает некоторые основания для построения прогноза в смысле указания общих тенденций развития. Я могу с полной определенностью это сказать. И если мы пошли тем не менее на то, чтобы выразить количественно на 5 лет вперед изменения с. х-ва, то мы шли заведомо на риск, да и все в подобном случае идут на риск".

Я все перелистывала страницы журнала "Пути сельского хозяйства" за 1926 год, из номера в номер публиковавшего выступления виднейших экономистов страны на заседании президиума Госплана СССР, острые, деловые, полемические, критические, вчитывалась в ответы Кондратьева, поражаясь культуре языка, отчетливости, я бы сказала, изяществу и красоте мысли, ярким оборотам, точным сравнениям, стремительности анализа. У каждого участника была своя точка зрения, свое понимание, свой голос.

6 февраля 1926 года в Институте Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук Николай Дмитриевич Кондратьев зачитывал свой прославившийся на весь мир доклад — "Большие циклы конъюнктуры".

Оставим ученых в их просторных аудиториях решать спор между "эмпирическими правильностями" Кондратьева и "логическим здравомыслием" его оппонентов, их исследования и анализы позволят дать ответ и на вопрос о том, как проявляется классовая борьба в те или иные периоды большого цикла, какие специфические формы принимает она в "точках перегибов", на какие периоды приходится наибольшая активность и когда возникают спады. Пусть спорят ученые о происхождении "кондратьевских волн", о длительности и содержании, возможностях их прогнозирования и учета в экономических расчетах, о вековых тенденциях и средних и малых циклах. Для нас сейчас важно другое. "Сокрушив", по точному выражению тогдашнего главного оппонента Кондратьева профессора Опарина, его теорию "больших циклов", признав их феномен недоказанным, гипотезу ошибочной и назвав автора "буржуазным апологетом",

его противники на полвека (с 30-х по 80-е годы) ”закрыли” для нас эту тему. И лишь в начале 80-х годов, когда за рубежом шла конференция за конференцией по проблеме ”кондратьевских волн”, когда поток литературы захлестывал книжные рынки Парижа и Мюнхена, в ”Коммунисте” в статье доктора экономических наук Меньшикова впервые с 30-х годов было упомянуто его имя как одного из авторов теории ”больших циклов”.

А спустя ряд лет мы получим радостное известие о реабилитации русского ученого Николая Дмитриевича Кондратьева, имя которого вписано в анналы мировой экономической мысли, а теперь возвращено и народу, во благо и экономическое процветание которого отдал он свой талант, свое искусство и свою жизнь.

А.В. КОСАРЕВ
(1903 — 1939)

"ОТКЛОНЯЛСЯ ОТ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ"

Долорес ПОЛЯКОВА,
Виктор ХОРУНЖИЙ,
кандидаты исторических наук

Трудно становился на ноги Сталинградский тракторный завод — первенец социалистической индустриализации. Еще в 1930 году собрали здесь первый трактор, но массовое производство наладить так и не удалось. Забуксовали большой и малый конвейеры, залихорадило. Рабочие отчаивались. Руководители искали и не находили выхода. В 1931 году председатель ВСНХ Г.К. Орджоникидзе обратился к Центральному Комитету ВЛКСМ с просьбой помочь на Сталинградском тракторном, и в Сталинград прибыла комсомольская бригада в составе работников ЦК ВЛКСМ и "Комсомолки" во главе с генеральным секретарем Александром Косаревым. В кабинете директора не задержались. Поспешили в цеха. Диагноз поставили "колючий": коллектив варится в собственном соку, последней технической информации не получает, управленческие рычаги ослаблены, исполнительская дисциплина хромает, никакой ритмичности.

Косарев, тогда уже опытный организатор, понимал: сейчас главное — переломить настроение людей. Разубедить отчаявшихся, убедить маловеров, поддержать энтузиастов. На предприятии 60 процентов тружеников — молодежь. Разве не силища? Вчера еще многие из этих парней и девчат паровоза в глаза не видели, а сегодня предъявляют миру крупнейший в Европе тракторострой. Вот, мол, визитная карточка Советской страны, глядите. И всего — за 11 месяцев.

— Ребята, не унывайте! В плевые сроки отгрохать в голой степи такой гигант — и опускать руки. "Пятитысячник" к середине мая — реальность, факт (любимое Сашино словечко).

Комсомольские собрания, активы Александр проводит прямо в цехах, общежитиях и даже... в пригородных поездах. Старается достучаться до сознания каждого,

разъяснить всем, как важно выдержать график до йоты, не сбиться снова на штурмовщину.

И вот 27 мая 1931 года... Лобастый, румяный с боков "пятитысячник" (алой краски ребята подбавили от души), подчиняясь Сашиной воле, легко соскальзывает с ленты конвейера. Описывает круг почета на заводском дворе.

Секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев (слева), С.М. Буденный и Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. Мильчаков. Москва, 1928 г.

В президиуме XVII съезда ВКП(б). Слева направо: Г. Орджоникидзе, Л. Каганович, А. Андреев, И. Сталин, А. Косарев. 1934 г.

Александр взволнован и горд. Заводчане подарили новорожденный СТЗ № 5000 по имени "Интернационал" Центральному Комитету ВЛКСМ. Для передачи лучшей комсомольско-молодежной бригаде МТС. Значит, хотя и спорили до хрипоты, и считали подчас, что "комсомольцы" слишком много на себя берут, а признали верной их наступательную позицию в ликвидации прорыва. Да и сами себе доказали, что не лыком шиты.

Докладывая на Бюро ЦК ВЛКСМ о результатах работы объединенной комсомольской бригады, Косарев скажет, что в Сталинграде комсомолу открыли кредит доверия. И надо не подвести. Во-первых, на тракторном острейший дефицит технической литературы. Важно побыстрее скомплектовать библиотечки и наладить отправку. Но самое срочное — перевести на русский язык инструкции к американскому оборудованию для основных

цехов. А инструкции — гроссбухи. Так что придется звать на помощь полиглотов из КИМа. Во-вторых, раз предприятие молодежное, позарез нужен учебный комбинат. В-третьих, снабжение товарами первой необходимости из рук вон плохое. Купить коробок спичек — проблема. Про лимонад — и не мечтай. Столовых — по пальцам перечесть. Завтраки и ужины не практикуются,

обеды никудышные (мутный суп из недоваренного пшена и солонины), порций на всех не хватает.

— Большего кооперативного бюрократизма, чем тут, я в жизни не видел. Предлагаю послать туда для начала с десяток комсомольцев-кооператоров. Польза, уверен, будет. Это, по-моему, программа минимум. Ну, а максимум — взять под особый прицел Центрального Комитета каждую крупную новостройку.

И взяли. Горьковский автомобильный, Харьковский тракторный, Магнитогорск, Хибины, Березняки, цветная металлургия в Казахстане, уголь и металлургия в Сибири, текстильные фабрики в Туркестане — страна неудержимо мчит вперед, и стройки требуют новых и новых рабочих рук. И комсомол дает эти руки. Не всегда умелые, но жадные до работы. Молодежь трудится в самых горячих, а климатически зачастую в самых холодных точках.

На Урале, в Кизеловских копях, в краю ветров и снегопадов, Александр обратил внимание на юношу примерно 23 лет. Мороз, пурга, все спешат под крышу спрятаться, а он тюк-тюк — киркой упорно орудует. Разговорились. Выяснилось — рабочий с восьмилетним производственным стажем. Приехал сюда по комсомольскому призыву.

— Ну, как живем?

— Да так и живем — 70 копеек в день получаю.

— Почему так мало?

— Да потому, что я тут лишь второй месяц. Раньше работал слесарем и получал 180 — 200 рублей, а иной месяц и 220.

— Ты себя, наверное, неважно чувствуешь?

— Да, конечно, это не Москва, где много товарищей, театры, кино. Здесь что — потюкаешь-потюкаешь, а потом пойдешь в лавочку, в которой даже махорки не всегда достанешь, а дальше — в барак, где кроме меня еще 20 человек... А все-таки я не ною и выдержу.

"А все-таки выдержу" — вот что характеризует крепость комсомола и его поступательное движение вперед", — подчеркнет Косарев на IX съезде ВЛКСМ, рассказывая о бескорыстии и силе духа парнишки, который строит страну и строит себя.

Однако дорога впереди не расстилалась скатертью. Были на ней и ухабы, и рытвины, и напасти. Была и опасность бюрократизма, формализма.

Бюрократами, "вгоняющими море в сосуд", называл Александр комсомольских работников и активистов, которые рамками — "от сих до сих" ставят рогатки самодеятельности юных.

Непримирим Косарев к бумаготворчеству. Вкупе с товарищами по ЦК и вожаками местных комитетов комсомола бьется над тем, чтобы стреножить, остановить бумажную карусель. Принимая программу деятельности ВЛКСМ, X съезд комсомола настойчиво рекомендует не увлекаться резолюциями. Но время идет, а существенных сдвигов нет. С резолюциями поутихло, зато сверху донизу погрязли в планах мероприятий. Канцелярский конвейер действует без перебоев, меняется лишь иерархия бумаг.

Вот бы и нам, на исходе 80-х, вслушаться в меткое косаревское наблюдение-притчу: "Циркуляр когда-то раз-

громили, а он, хитрый такой, взял да и принял форму резолюции, а резолюция тоже хитрая: она превратилась в план мероприятий".

Да, болячек много. И самая отвратительная, издалека идущая, — пьянство.

— Странно все-таки получается, нелогично. За высокую угледобычу боретесь, а горняки спят в забое мертвецким сном, — прилюдно, прямо на рабочем собрании корил Александр руководителей шахты "София" в Донбассе. — Почему спят? Элементарно. В ларьке у проходной водкой торгуют. Идет рабочий на смену — принял. Идет после смены — принял. Надо убрать "горючее" с проходной, не допускать в забой выпивших. Здоровью польза и производительности выигрыш.

На ситуацию у шахтеров отреагировал практически — организацией комсомольского железнодорожного эшелона с промтоварами. Чтобы заполнить вакуум, образовавшийся с закрытием ларька.

Разумеется, ни себя, ни других этой разовой мерой да и прочими действиями временного характера не убаюкивал. Отчетливо сознавал: необходимы серьезные перемены в образе жизни, воспитании, культуре общения молодежи. А значит, нужны новые и новые усилия ВЛКСМ.

Работы все прибывало. Комсомол вырос в большую политическую силу. В его активе — успехи юношества в социалистическом соревновании, развитии стахановского движения.

Множатся ряды ВЛКСМ, расширяется сеть его организаций. Вот уже и в Красной Армии создаются комсомольские ячейки. Это очень важно, ибо все сильнее и ближе дыхание войны.

Из выступления А.Косарева на X съезде ВЛКСМ:

"Шагайте, товарищи, с песней по жизни, но не забывайте при необходимости прихватить винтовку, а главное, научитесь безукоризненно ею владеть. Без военной науки, без умения побеждать нам не обойтись, если мы всерьез хотим бороться за торжество коммунизма".

Разворачивается шефство комсомола над Военно-Воздушными Силами. Создается Центральный аэроклуб. В содружестве с Осоавиахимом готовятся без отрыва от производства летчики, парашютисты. Они получают звание пилотов запаса. Вырастить крылатое племя — косаревская мечта.

Но ему самому подрезают крылья.

21 июля 1937 года — беседа у И.В. Сталина. Приглашены секретари ЦК ВЛКСМ А. Косарев, П. Горшенин, В. Пикина. Сталин: "Сейчас Николай Иванович Ежов ознакомит вас с тем, какую вражескую работу проводят ваши комсомольцы". Ежов берет со стола бумаги и читает "показания" секретаря Саратовского обкома комсо-

мола Михаила Назарова о том, что он якобы завербован в контрреволюционную организацию...

Пикина не выдерживает: "Этого не может быть. Я знаю Мишу Назарова с детства. Мы были соседями по Васильевскому острову. Росли вместе. Месяц назад я ездила в командировку в Саратов. Назаров — энергичный, нормально работает, растит троих детей". Ежов тусклым, еле слышным голосом роняет: "Таковы данные, которыми мы располагаем". Косарев взрывается: "Эти данные неверны. Назаров зарекомендовал себя с хорошей стороны". Сталин: "Мы предъявляем вам факты, а вы нам эмоции".

И упреки посыпались градом. Дескать, ЦК ВЛКСМ не помогает органам внутренних дел разоблачать врагов народа в комсомоле. А их, мол, пруд пруди не только среди рядовых комсомольцев, но и в руководстве

ВЛКСМ на разных уровнях. "Косарев, я вижу, вы не желаете возглавить эту работу", — холодно, отстраненно бросил на прощание Сталин. И ни единого слова, ни единого вопроса либо совета по содержанию комсомольской работы. Это было из другой области, к которой Сталин потерял интерес.

Александр как мог спасал товарищей, особенно тех, кого давно и хорошо знал. Если они попадали в "силовое поле" НКВД, всячески старался отвести от них подозрение, перебрасывал на работу в другие регионы (позже это ему припомнят). Вместе с Валентиной Пикиной ходил к секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву вызволять арестованных Сергея Уткина и Зинаиду Адмиральскую — руководителей Ленинградского и Ивановского обкомов комсомола. Временно это удалось.

С.В. Косиор и
А. Косарев в Кремле.
1936 г.

Категорически восставал против необоснованных исключений из рядов ВЛКСМ. Отсутствие всестороннего анализа поведения комсомольца, заочное разбирательство, исключение не на общем собрании первичной организации, а на заседании актива, конференции он считал не просто серьезным нарушением Устава ВЛКСМ. Гораздо страшнее — последствия, разъяснял Косарев. Лишая человека своего доверия, мы создаем почву для дальнейших подозрений и репрессий, перекрываем ему кислород.

С попранием внутрисоюзной демократии, откровенным произволом в отношении личности он столкнулся в Харькове, куда выехал в августе 1937 года по ряду тревожных сигналов. Там исключения по поводу и без повода стали массовыми. Доходило до абсурда. Юношу обвиняли в том, что он служил в белой армии, а тот в гражданскую еще пешком под стол топал. Угодливую спешку, стремление обезопасить себя даже путем наветов (а не только нелепицу и головотяпство) увидел Александр в действиях ряда комсомольских руководителей Харькова,

о чем открыто сказал здесь же, на совещании ответработников обкома и горкома.

Из докладной записки А. Косарева на имя И.В. Сталина (3 октября 1937 г.):

"Самостраховка выгодна врагам партии, потому что честных людей на основании простых слухов, без разбора, без надлежащей проверки выгоняют из наших рядов, тем самым озлобляют их против нас".

Характерно, в июле этого года Сталин поставил Косареву в вину нежелание возглавить "работу" по разоблачению врагов народа в комсомоле. А в октябре, проанализировав материалы своей августовской командировки, Александр Васильевич красноречивой весомостью фактов и выводов докладной записки ясно дает Хозяину понять, что по-прежнему стоит на своем. Это был вызов, и Сталин запомнит его.

Явления, подобные харьковским, открылись и в Белоруссии, Мордовии, Смоленской области. Они были подвергнуты резкой критике в "Письме Центрального Комитета ВЛКСМ об исключениях из комсомола" (январь 1938 г.) и в докладе В. Пикиной на V пленуме ЦК ВЛКСМ (февраль 1938 г.) "Об ошибках, допущенных комсомольскими организациями при исключениях из комсомола, о формальном отношении к апелляциям исключенных из ВЛКСМ и о мерах по устранению этих недостатков". В письме, адресованном всем комсомольским организациям и одновременно направленном в Центральный Комитет ВКП(б), приводились астрономические цифры исключенных с ярлыками "двурушники", "враждебные элементы": в частности, по Грузии — 1577 человек, по Ярославской области — 628...

К Косареву подбирались постепенно. Велик был его авторитет в стране, и не только в молодежной среде. Высоким было и признание самой партии, Советского правительства. В постановлении ЦИК СССР (1933 г.) говорилось: "Наградить орденом Ленина А.В. Косарева — испытанного руководителя комсомола, выдающегося организатора комсомольских масс..." Был делегатом XIII—XVII съездов партии. На XV съезде ВКП(б) Александр Васильевич избирается членом ЦКК ВКП(б), на XVI — кандидатом в члены ЦК ВКП(б), на XVII — членом ЦК ВКП(б). Косарев — член Оргбюро Центрально-

го Комитета партии. В 1937 году он становится депутатом Верховного Совета СССР, членом его Президиума.

Однако этот же год — полоса сплошного давления на Косарева и на ЦК комсомола в целом. Только в результате нажима сверху появился в резолюции IV пленума ЦК (август 1937 г.) тезис о вине "Центрального Комитета ВЛКСМ, Бюро ЦК, секретарей, и в первую голову т.Косарева", которая "состоит в том, что они прошли мимо указаний партии о повышении большевистской бдительности, проявили нетерпимую политическую беспечность и проглядели особые методы подрывной работы врагов народа в комсомоле через бытовое разложение, не только не вели решительной борьбы с ним, но и попустительствовали ему".

Напрашивается вопрос: всегда ли Косарев столь абсолютно отрицал "эпидемию врагов народа"? Ответим прямо: нет, не всегда. Прозрение свершилось не сразу. Долгое время он и его товарищи безоговорочно верили Сталину, а значит, и его формуле обострения классовой борьбы при социализме. Отчего?

Возможно, наиболее правильное объяснение — простое. Они его младшие современники. При нем выдвинуты на руководящую комсомольскую работу, получили от него напутствие. Они были солдатами партии, ежечасно и убежденно готовыми за нее умереть. А Сталин в их понимании олицетворял ее идеи. И когда они произносили "партия Ленина—Сталина", "Ленинско-Сталинский комсомол", то ни на секунду не кривили душой.

Тем более что именно Сталин давал комсомолу немало практических советов.

Не будем забывать, что 1929 — 1938 годы, когда Косарев возглавлял Центральный Комитет ВЛКСМ, совпали с безостановочным нарастанием сталинского культа. Индустрия его производства работала на полные обороты.

Незаметно для непосвященных происходила прицельная канонизация теорий, концепций и лозунгов генсека. Казалось естественным соседство портретов и "органическое родство идей "двух вождей". И постепенно вошло в массовое сознание: "Сталин — это Ленин сегодня". Поэтому можно лишь отдаленно представить себе, как сложно было Александру, который считался любимцем Сталина и все-таки посмел не просто возражать, но и со-

противляться ему. И сейчас, после длительного безмолвия (изредка прерываемого статьями к юбилеям), когда публикации об А.В.Косареве пошли косяком, важно удержаться на стезе объективности. Избежать и ”хрестоматийного глянца”, и гигантских качелей бросания из одной крайности в другую.

Бесспорно, Косарев разный в разные годы. Человек ведь — не стоячая вода в болоте. Человек — река. Она встречается и с отмелями, и с порогами. От этого скорость ее меняется. Течение бывает то спокойным, то бурным. То стремительным, то неторопливым.

И, бесспорно, Косареву не раз приходилось туго, и только работа не давала отчаиваться, скисать. Александр — натура неукротимо задорная, весельчак, юморист. Изначально и навсегда. Почти не обнаружить таких съездов, конференций, пленумов, бюро, где бы он ни шутил, ни подзадоривал. Это разряжало обстановку, помогало глотать даже горькие пилюли.

И что характерно: ни в юности, ни в зрелом возрасте не изменил Александр девизу — нет мелочей в комсомольской работе, есть мелкий, поверхностный подход к интересам людей. Отъехали, например, чуток от Москвы, скажем, в Иваново, а там старые, изношенные картины в кинотеатрах крутят. Отсюда претензия к ГУКу (Главному управлению кино- и фотопромышленности при Совнаркоме СССР) — и на контроль. Получил из Донбасса сигнал о прозябании физкультуры в шахтерском крае — и сразу отреагировал.

Выдохся Косарев, обмелел? Как бы не так. Вслушаемся сегодня в мысли и чувства, прозвучавшие из Женевы (случаются в истории символические совпадения) в 1936 году.

Из выступления А.Косарева на I Всемирном конгрессе молодежи за мир:

”Когда над мирными городами появятся бомбовозы агрессора, одинаково будут переживать величайшие страдания и муки молодые католики, социалисты, республиканцы, демократы, христиане и коммунисты. Разрушительные бомбы и удушливые газы будут одинаково смертоносными для молодежи всех политических мировоззрений и религиозных верований. Друзья мои! Юноши и девушки разных стран! Перед такой страшной угрозой давайте сплотим свои силы и объединим их в борьбе

за мир... Ничто не должно и не может помешать сотрудничеству и объединению сил молодежи, всех ее организаций, для дела мира".

Смелость мысли, новаторский почерк в комсомольской работе остались с Александром Васильевичем до конца. Достаточно перечитать его речь "О задачах комсомола в стахановском движении" на совещании молодых стахановцев в январе 1938 года (заметим, это последний год в деятельности Косарева). Здесь — и актуальнейшие положения о роли молодежи на социалистической стройке, о связи коммунистического воспитания с политикой, идеологии — с повседневной практикой; и поучительные наблюдения над рекордоманией в стахановском движении; и интересная постановка проблем соотношения общей, инженерно-технической и духовной культуры в облике молодого борца за идеи социализма.

Вот чем жил, чем дышал, за что ратовал Косарев. Поэтому не будем делать из него ни ходульного героя, ни пораженца.

Чтобы созреть до сопротивления последних лет, нужно было пройти через многое. Через аресты и смерть друзей, через мучительные вопросы самому себе, через нескончаемые внутренние диалоги со Сталиным...

Перед нами стенограмма внеочередного пленума ЦК ВЛКСМ — последнего в жизни А.В. Косарева. Три увесистые папки, 500 с лишним страниц. Изобилующий назидательными повторами доклад (с ним выступал М.Ф.Шкирятов). Нашпигованные обидными ярлыками выступления. Густо замешанные на обвинительной фактуре справки, записки, пространные выдержки из протоколов других собраний. В резком контрасте с ними лаконично-жесткие формулировки постановления. По смыслу, характеру и тональности все это лишь отдаленно напоминает материалы комсомольского органа. Больше похоже на документы судебного разбирательства.

Из выступления А.А.Жданова на внеочередном пленуме ЦК ВЛКСМ:

"Мотивы для созыва пленума вам известны. Безобразное отношение, проявленное руководством ЦК ВЛКСМ, к т. Мишаковой. ЦК ВКП(б) считает, что вопрос, связанный с заявлением Мишаковой, по которому

Центральным Комитетом партии было проведено детальное расследование, является очень важным".

Итак, дознание уже состоялось. Теперь опытная рука бывалого штурмана направила корабль "правосудия" к заранее намеченному исходу. "Несущие конструкции" предварительного расследования постепенно обрастали мускулатурой дополнительных "фактов". Камнепады бичующих слов непрерывно скатывались с трибуны в зал целых четыре дня (с 19 по 22 ноября 1938 г.), больно ударяя по нервам. Это, собственно, и требовалось. Все было рассчитано на эффект психической, нервной встряски. Чтобы вконец измотанные, сбитые с толку увиденным и услышанным люди разъехались по домам, твердо усвоив: "не должно сметь свое суждение иметь". Им преподали урок пресечения своеволия. Шесть секретарей Центрального Комитета партии (И.В. Сталин, Л.М. Каганович, А.А. Жданов, А.А. Андреев, Г.М. Маленков, В.М. Молотов) — против Косарева и косаревцев. Как видим, весовые категории разные.

Дело, конечно, не в Мишаковой, хотя она и сыграла роковую роль в расправе над Косаревым. Но в принципе — не будь ее, нашли бы другую (другого). По материалам пленума невооруженным глазом видно, что Мишакова действовала по заданной программе, являлась орудием фабрикации "косаревского дела", знала все ходы и выходы.

Вкратце история такова. Инструктор ЦК ВЛКСМ Ольга Мишакова в конце сентября 1937 года была направлена в качестве представителя ЦК на отчетно-выборную конференцию в Чувашскую областную комсомольскую организацию. Превышая свои полномочия, она занялась разоблачением "врагов народа", пыталась поначалу распустить конференцию, как неподготовленную в нужном ей ключе, а потом, когда это не удалось, повернуть ее в русло избиения комсомольских кадров.

Мишакова чрезвычайно преуспела. Собрала "компрометирующие данные" не только на первого и второго секретарей обкома комсомола А. Сымокина и И. Терентьева (инкриминировав им бытовое разложение, связи с буржуазными националистами, шпионами, насаждение вражеских элементов в комитеты ВЛКСМ), но и на первого секретаря обкома ВКП(б) С.П. Петрова. Более того, не выезжая из Чебоксар, фантастическим обра-

зом дозналась "о ряде неблагополучных явлений в колхозах". Словом, радиус ее "оперативного вмешательства" простирался далеко.

Мишакова не раз телеграфировала и звонила из Чебоксар в Москву. Добивалась поддержки своих действий у Косарева. Но "добро" получила от Г.М.Маленкова. В конце концов провокациями, шантажом и запугиваниями она добилась исключения из комсомола Сымокина, Терентьева и других.

Однако в Москве ее погромные усилия не нашли одобрения.

Из постановления Бюро ЦК ВЛКСМ:

"...Выполняя задание ЦК ВЛКСМ по руководству Чувашской областной конференцией комсомола, Мишакова допустила грубейшие ошибки, в силу чего люди, честные перед партией, зачислились в разряд политически сомнительных, а то и пособников врагов народа".

Докладным запискам Мишаковой, в которых она оклеветала десятки добросовестных тружеников, коммунистов и комсомольцев, указала на множество "исключительно пораженных районов молодежными контрреволюционными группами", Косарев ходу не давал. Самой Мишаковой было отказано в политическом доверии. Бюро ЦК ВЛКСМ освободило ее от занимаемой должности. А руководители Чувашской комсомольской организации были восстановлены в рядах ВЛКСМ и, вопреки новым стараниям Мишаковой, оставались на свободе.

В письме И.В.Сталину О.Мишакова жаловалась на Косарева, который, дескать, жестоко с ней обошелся. При обсуждении вопроса на бюро назвал ее лгуньей, записавшей всех подряд во враги народа, даже наркома внутренних дел Чувашии Розанова. "Дорогой т.Сталин! Я прошу Вас проверить, почему не были приняты меры по моим сигналам. По чьей вине враги народа в Чувашии еще на год остались не разоблаченными, не вскрытыми. Почему не была передана моя докладная записка, написанная на имя т. Косарева для т. Ежова".

Эта жалоба и послужила удобным предлогом для созыва пленума. Формальным предлогом. За обидами Мишаковой — это стержнем пронизывает все материалы — вопрос о положении в ЦК комсомола. А оно давно уже не устраивало Сталина.

А.В. Косарев, В.Ф. Пикина, С.Я. Богачев сняты с работы, исключены из состава Центрального Комитета ВЛКСМ. В обойме приписанных им грехов и гнилая практика попустительства морально разложившимся элементам, и антипартийные методы руководства, и укрывательство двурушников.

Вот он, страшный покос комсомольских кадров, долгим эхом отозвавшийся в последующих поколениях. И внеочередной пленум — частица механизма покоса.

...До 28 ноября они ждали дальнейшего решения своей судьбы.

Лишенный любимой работы, познавший отчуждение вчерашних друзей, Косарев метался.

Только сейчас притаившиеся в закоулках сознания разрозненные факты выстраивались один за другим в логическую цепочку.

Факт первый.

— Саша, мне говорили, ты женился на своей стенографистке.

— Нет, Иосиф Виссарионович, Маруся — студентка Плехановского института.

— Откуда она, из какой семьи?

— Родители большевики. Как говорится, классическая судьба профессиональных революционеров: тюрьмы, ссылки, подполье. Отец руководил партийными организациями на Кавказе и в Закавказье. В Астрахани и Азербайджане работал с Кировым. В партии с 1903 года. Кстати, тоже из Тифлисской губернии. Да, самое главное я и забыл. Вы наверняка помните его по Грузии, товарищ Сталин. Ведь вместе с Вами, Махарадзе, Шаумяном... он входил в "Литературное Бюро большевиков". Виктор Иванович Нанейшвили, вспомнили?

— Долго говоришь, Саша. Напрасно фамилию сразу не назвал. Анкету пересказывал. Кому пересказывал? Мне. А я Нанейшвили хорошо знаю. Это мой враг. Учти. — Сталин скользнул взглядом по окаменело-рас-

А. Косарев, А.М. Горький и Ромен Роллан. Москва, 1935 г.

терянному лицу Александра и довольный произведенным впечатлением круто изменил тему.

...Позже Косареву стало известно о серьезных разногласиях между Нанейшвили и Сталиным по национальному вопросу. Тем не менее Саша не учел сталинского предостережения, не сделал охранительных для себя выводов. Он преклонялся перед своим тестем и не

скрывал этого.

Виктор Иванович был человек образованный. Закончил Московский университет. В короткие встречи с ним Александр, который всегда жалел, что "мало сидел за партой", старался меньше говорить и больше слушать, внимая и книжной, и житейской мудрости. Виктору Ивановичу Косарев тоже нравился, был интересен как личность, как вожак молодежи из поколения сыновей. Но для бесед выкраивались считанные минуты: оба были очень загружены. В свои последние годы в Москве Нанейшвили заведовал отделом Востока в Наркомате торговли СССР, был ректором Торговой академии.

Факт второй. Не испытывал ты, Косарев, должного почтения к Берии. Да что там почтения! В глаза ему выпалил насчет его черной роли в НКВД. Не скрывал своего отношения к "святому Лаврентию" (так он саркасти-

чески прозвал Берию за далекие от святости дела) и в разговорах с другими. Это было крайне неосмотрительно. Равносильно тому, чтобы наступать Сталину на любимую мозоль.

Факт третий. Кто твои друзья, Александр Васильевич? Больной вопрос. Иных уж нет, а те далече...

Василий Чемоданов. Секретарь Исполкома КИМа. Васю Александр "открыл" еще в бытность свою секретарем Бауманского райкома ВЛКСМ. Понял, что это дельный, думающий парень, отменный пропагандист. Посоветовал ему поучиться в советско-партийной школе. Из виду не терял. Позже забрал к себе в райком в политпросветотдел. В 30-е годы комсомол имел все основания гордиться Чемодановым. Он писал яркие статьи по теории и практике юношеского движения. Достойно представлял ВЛКСМ в Коммунистическом Интернационале Молодежи, будучи в течение ряда лет бессменным руководителем делегации комсомола в КИМе. Неожиданный отзыв и исчезновение "камрада Чемо" с политического горизонта было для молодых интернационалистов ударом и потрясением.

Паша Горшенин. Косарев рекомендовал его на пост секретаря Центрального Комитета ВЛКСМ по военной работе. Это соответствовало прежнему служебному "профилю" Павла — командира и политработника Красной Армии. За Горшениным, строгим, подтянутым, в гимнастерке и поскрипывающих ремнях, стаями бегали мальчишки: "Дяденька, возьми на аэродром". Его книгу "Комсомол и авиация" зачитывали до дыр. Паша первый из комсомольских работников освоил самолет. Заправским был летчиком и парашютистом. И, главное, сплотил вокруг ЦК сотни, тысячи преданных военному делу парней и девчат... Где он сейчас, Павел Горшенин, тоже арестованный с клеймом — враг народа?

Многих, ой, многих выдвинул, рекомендовал, предложил Александр Косарев на комсомольскую работу разновеликого масштаба. Еще бы! Когда ты с четырнадцати годков в юношеском движении, с шестнадцати — в партии и без малого десяток лет возглавляешь Центральный Комитет ВЛКСМ, очевидно, у тебя есть и политическое, и моральное право на подобные "человеческие открытия".

И наконец, **факт четвертый**, суммарный. Косарев со-

противился перерождению комсомола. Превращению его из организации воспитательной в организацию карательную.

Из выступления секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева:

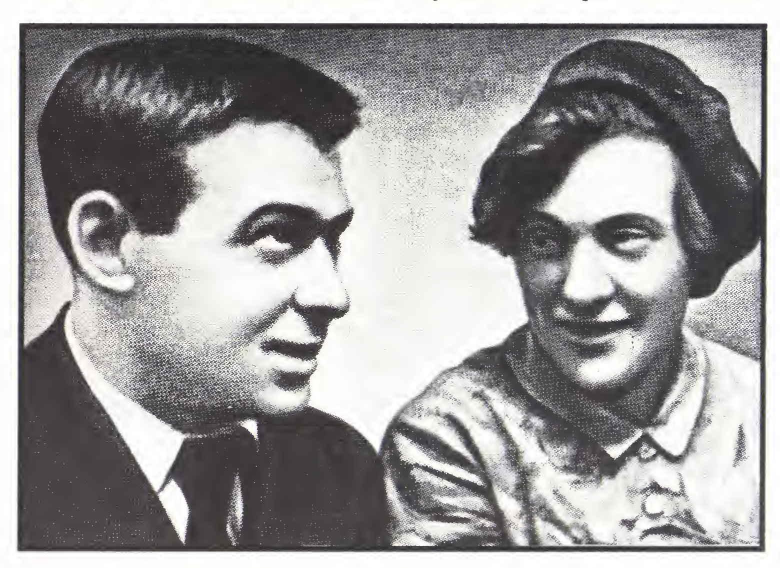
"Когда партия уже начала разоблачение врагов на различных участках партийной, советской, хозяйственной работы, приходилось не раз слышать от тов. Косарева... что в комсомоле, мол, нет врагов... Эта позиция была ложной, и т. Косарев неоднократно получал предупреждения от ЦК ВКП(б), в том числе и на пленумах ЦК комсомола, что не может быть такого положения, чтобы в комсомоле не было врагов и всякого рода двурушников... Смотрите, т. Косарев, смотрите, руководство ЦК комсомола, в оба, разоблачайте врагов в комсомоле, очищайте комсомол от правотроцкистских шпионов. Так предупреждали Косарева и других. Как дело пошло в дальнейшем? Дело пошло таким образом, что начали разоблачать врагов и в комсомоле, только эту работу делали партия и НКВД, а не Косарев, Вершков и другие. Эта позиция вела к тому, чтобы парализовать усилия комсомольской организации в деле разоблачения врагов".

Пожалуй, пора подводить итоги. Хочешь не хочешь получается какой-то гороскоп неудачника. Женился, не посоветовавшись с Хозяином и не по его вкусу. Значит, женился — неправильно. Презирал — не тех. Дружил — не с теми. Упрямо уклонялся от "поисков", "выявления", "разоблачения" и "выкорчевки" врагов народа в коммунистической молодежной организации. Поговорку твою "Люди — не пни на болотах, чтоб их выкорчевывать" "наверху" знали. Стало быть, злостно, сознательно "отклонялся от генеральной линии". Эх, родился ты, видать, Сашка, не под счастливой звездой!

Эта странная мысль привязалась, не давала покоя. Стал перелопачивать всю свою жизнь. И припомнилось. В 14 лет он впервые громко и без оглядки, во всю силу легких, выдохнул из самых глубин души: "Революция! Выходи во двор! Хватит набивать карманы буржуям!" Начиналась февральская, 1917 года забастовка рабочих Москвы. И дети, подростки с "Трикотажки" ни за что не хотели отставать от взрослых. В том же году, осенью, Саша вступил в фабричную ячейку пролетарского юно-

шества. А после победы Октября стал кустовым организатором Союза рабочей молодежи Лефортовского района.

...Вглядываться в прошлое помогали фотографии. Он и не представлял, что Маруся собрала их такое множество. Вот на снимке Мария Ильинична Ульянова. Когда-то от комсомольцев Бауманского района столи-

цы, где секретарствовал Саша, протянулась через нее трепетная ниточка к Ильичу. 3 октября 1922 года Александр, учтя мнение большинства активистов, продиктовал постановление райкома РКСМ: "Срочно отправить В.И. Ленину сегодняшнюю газету "Путь молодежи" с пожеланиями молодых бауманцев и вручить все Марии Ильиничне Ульяновой (она работала секретарем "Правды")". В своем приветствии юноши и девушки выражали радость, что Ильичу лучше, что он возвращается в строй, и просили его "беречь себя во имя счастья рабочих всего мира". Вскоре из "Правды" в райком был доставлен пакет. Мария Ильинична передавала, что газета бауманских комсомольцев Ленину понравилась. В пакете ребята нашли листок со знакомым почерком Ильича: "Дорогие друзья! Горячо благодарю Вас за привет. Шлю вам, со своей стороны, лучшие приветы и пожелания.

Ваш В. Ульянов (Ленин)". Косарев не сомневался: четыре строчки вождя могут стать для вступающих в РКСМ отеческим напутствием в большую комсомольскую жизнь. Записка Ильича была напечатана в "Пути молодежи" 30 октября, и этот номер торжественно вручался новобранцам РКСМ на беспартийной конференции юношества.

Александр Косарев и Паша Ангелина

Орджоникидзе... Когда они только знакомились и Григорий Константинович впервые пожимал шершавую Сашину руку, он пошутил: "Косарев, у тебя будто наждак в ладони". Александр смутился, спрятал кулак за спину. "Это от кислоты, товарищ Серго. Зарубки пролетарского детства, как выражаются писатели. Интересного мало". — "Нет, Саша, ты расскажи. У меня, понимаешь, времени чуть-чуть накапало. Расскажи".

— Да ничего из ряда вон. Стукнуло мне аккурат десять. Пришел на цинковальный завод Анисимова. Слыхали, небось, про пачкуна такого на московской окраине: всю речку Хапиловку отходами запрудил. Ну, по тогдашней, с позволения сказать, технологии, полагалось перед цинкованием опускать посуду в травильно-промывочные ванны. Делалось это, сами понимаете, голыми руками. Никаких защитных перчаток не полагалось. Поэтому язвы, ожоги, медленное заживление. Мать очень беспокоилась за мои руки, глаза, легкие. Цех наш, ну, сараюха попросту, был гнилой, темный, с низкими потолками и окошками в густых решетках. Мы, мальчишки, обычно стояли перед ваннами на коленях, как перед боженькой. Примерзали к полу. Мать старалась приискать мне другую работу. Удалось устроиться учеником на трикотажную фабрику "Рихард-Симона" (ныне "Красная заря". —**Авт.**). В общем, я недолго пробыл у Анисимова, а рубцы, похоже, до гробовой доски.

...Саша вдруг рассмеялся. За эти сумеречные дни —

впервые. Маша приоткрыла дверь к нему в комнату, скорее встревоженная, чем обрадованная. Он продолжал смеяться, рассматривая свои руки — ладонями кверху.

— Маруся, не пропадем. Руки целы, голова цела, поедем хоть на Дальний Восток. Хоть к черту на рога. Лишь бы работать! — И сорвался с места звонить Сталину. Тот, конечно, трубку не взял. Саша был для него уже отработанный пар. Но из приемной уверили: "Не волнуйся, Косарев. Работа будет. Все обойдется".

— Я тебе говорил, Маруся, все обойдется! — Александр закружил жену по комнате. — Врешь, шалишь, Сашка, — погрозил он своему отражению в зеркале. — Под хорошей звездой ты родился, под верной. И пусть попробуют ее отнять. — И повторил для Маши: — Все обойдется.

Нет, не обошлось... Повадки были подлые, бериевские — действовать исподтишка. Какой-то угрюмый человек в форменке, без сапог, в одних носках, крадучись, поднимался по лестнице их двухэтажной дачи. Искал оружие. Все знали, что Косарев заядлый коллекционер, это не утаивалось. Но, видимо, в "букете" уже состряпанной клеветы не хватало лишь обвинения в терроризме.

Прощались тихо, без надрыва, щадя друг друга, почти понимая, что расстаются навсегда. Саша постоял над Леночкиной постелью. Поцеловать не решился: боялся разбудить. Когда автомобильный дымок колечком закрутился на повороте и исчез, из дому откуда ни возьмись появился Берия и небрежно бросил своим: "Ее тоже прихватите". Вторая машина следом за Александром увезла и Марию. В мозгу воспаленно пронеслось: "Здорово же вам, Лаврентий Павлович, насолил Косарев, если вы лично оказали нам честь..."

На Лубянке Маша оказалась в одной камере с Екатериной Ивановной Лоорберг — женой М.И. Калинина. Возвращаясь с допросов, она не жаловалась, не стонала. Едва отдышавшись, поворачивала голову к Маше. Пыталась улыбнуться. Вспоминала о своих взрослых детях с нелегкими судьбами. Беспокоилась о внуках, о больном уже тогда муже. Говорили о Саше. Давала советы, как выдержать, не сломаться.

Глядя на эту женщину, седую, хлебнувшую горя еще при царизме и без вины страдающую сейчас, Мария мы-

сленно готовилась пройти ожидавшие ее испытания так же стойко.

Вскоре их разлучат на долгое время. Но тюремные диалоги — воспаленным, горячечным шепотом, — ободряющие слова Екатерины Ивановны, как рассветные проблески в тягучей ночи, останутся с Машей в изгнании.

Теперь — о дочери. Как сложилась ее судьба? Наконец-то пронзительной строкой Поэта пробилась к читателю горчайшая правда об испытаниях, выпавших на долю детей, родители которых были репрессированы:

А мы, кичась неверьем в бога,
Во имя собственных святынь
Той жертвы требовали строго:
Отринь отца и мать отринь.
Забудь, откуда вышел родом,
И осознай, не прекословь:
В ущерб любви к отцу народов —
Любая прочая любовь.

По сталинской мерке принципиальности — жесткой и безоглядной — всем надлежит испытывать классовую ненависть к родителям, ”погрязшим в инакомыслии”. Все обязаны доносить на отца и мать, которые сбились с дружного строевого шага и портят песню. В первой шеренге неумолимых, способных переступить через чувство семьи, обязаны быть пионеры и комсомольцы — духовные наследники коммунистов. Даже если их близкие совсем из другого теста, нежели отец Павлика Морозова. Даже если у них иные истоки. Даже если они родом — из Революции.

Не лишне задуматься над двойной моралью тех, кто, провозглашая семью основной ячейкой нашего общества, одновременно подкладывал динамит под ее устои. И какой драмой это оборачивалось для подрастающего поколения. Чего стоило — поверить в гражданскую и партийную вину дорогого тебе человека и отвернуться, и отлучить его от своего сердца. Осиротив ближнего, сам становишься неприкаянным, теряешь точку опоры. Но жизнь бесконечно изобретательна на трагедии. Случалось в ней и похлеще: сыну лучше других известно, что отец и мать жили по совести, страну и народ не продавали. Однако под напором чужой, беспощадно холодной воли, в тисках у страха он отрекается от родителей.

Перед лицом красногалстучного отряда клеймит себя за то, что состоял в родстве с имярек. Строчит отказнические письма в комсомольскую организацию: ничего, мол, общего не имею... И рвет самые прочные и самые хрупкие нити, обрекая себя на нравственное сиротство.

А Лена не порвала. Ни мыслью. Ни словом. Ни делом. Почти все ее близкие — отец и мать, дед и дядя по материнской линии — были арестованы. Ребенком, подростком, девушкой она придерживалась золотого правила — молчать. Так научила ее бабушка Александра Александровна Косарева, старая большевичка, заменившая девочке родителей. Иногда молчать становилось невыносимо, и Лена высказывала вслух надежду, что ошибка разъяснится, что родные вернутся...

Этой невероятной верой — на пределе отчаяния — она и жила. Да еще светлым и мимолетным, бликующим, как солнечный зайчик, воспоминанием.

Н.С. Хрущев и А. Косарев на X съезде ВЛКСМ. 1936 г.

Ей шел десятый год. Она играла во дворе в "пятнашки" и вдруг почувствовала, что кто-то по-доброму наблюдает за ней. Подошла женщина. Седые виски. Сильный грузинский акцент.

— Скажи, твой дедушка — Виктор Иванович Нанейшвили?

— Да.

— А знаешь, какой он человек?

— Хороший и строгий. Все его слушаются.

— Правильно делают. Приедешь в Грузию — а тебе обязательно покажут родину дедушки, — подними глаза на ледник. Он белый и чистый. Крепкий и гордый. И высоко-высоко в горах. Не каждый может до него дотянуться. Вот такой и твой дедушка. Дальше постарайся просто запомнить то, что я тебе расскажу. Поймешь, когда вырастешь. До революции я была совсем молодая, очень слабо разбиралась в политике. Мои подруги из села Сачилао Кутаисского уезда тоже не слишком понима-

ли, какая из политических партий самая справедливая. И все-таки мы как один выбрали большевистскую партию. Потому что товарищ Нанейшвили, наш уважаемый земляк, был большевик.

И такого дедушку у Лены хотели отнять! Напрасно. В слухи о том, что Виктора Ивановича и отца нет в живых, она упрямо не верила. До восемнадцати лет прятала па-

пину фотографию под подушкой. Чуть затихали половицы в стареньком доме бабушки Косаревой, как она бережно извлекала карточку и принималась водить пальцами по отцовским волосам, лбу, глазам. Будто не по мертвому глянцу бумаги, а по теплому родному лицу.

Был 1949 год. Лена закончила школу с медалью. Поступила в Тимирязевскую академию, чем привела в крайнее замешательство бабушку. Александра Александровна растерялась, не подвох ли. Где это видано, чтобы внучку и дочь врагов народа в институт приняли? А Лена ликовала. Верно, дела идут на поправку. Щемило сердце, подстрекаемое воображением. Тебе доверяют — так расценила Лена свой "звездный билет" в студенчество и внутренне распрямилась, готовая доказать, что доверяют не зря. Вот только бы посоветоваться обо всем с папой, так хорошо умевшим читать в юных душах. Вожак молоде-

жи — ведь это не должность. Призвание. Лене все больше и больше недостает отца и все труднее противиться желанию не таиться, рассказать о нем новым, институтским друзьям...

Развязка наступила быстро. Как-то порог Лениной комнаты перешагнули двое. Один сразу метнулся к изголовью кровати. Подушку швырнул на пол, "улику" — на стол. "Ты держишь у себя фотографию врага народа?" — "Так это же мой отец. И он не враг..." — договорить не успела. Последовал знак скорей собираться.

Опять, как у сотен, тысяч людей до нее, — допросы, докапывание до "истины". Нежданно-негаданно десять лет ссылки. Как социально опасному элементу. "За восхваление врага народа". Железный орган — Особое совещание — вынесло железное постановление. Но почему-то женщина-прокурор выпадала из этой железной неумолимости. Она плакала.

Удача хоть, что маму сравнительно быстро нашла бабушкина телеграмма: "Лена заболела твоей болезнью". Мария Викторовна писала и А.Н. Поскребышеву, и в Красноярский НКВД, хлопоча о разрешении поселиться вместе. После унизительных мытарств и проволочек они "воссоединились" в Норильске — М.В. Косарева, ее брат Павел Викторович Нанейшвили (до ареста секретарь Копыльского райкома партии Белоруссии) и Лена. Ей теперь предстояло научиться у старших, как жить с вторично оборванной биографией.

А старшие не покорились. Старшие продолжали бороться.

"Председателю Совета Народных Комиссаров
И.В.Сталину
от
бывшего депутата Верховного Совета СССР
от Марийской республики Пикиной В.Ф.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Считаю своим долгом довести до Вашего сведения о том, что я видела за два с половиной года непосредственно своими глазами... Органами НКВД и, в частности, Особым совещанием, допущены ошибки, в результате чего много честных, преданных партии, Родине людей пострадало... Враги народа, пробравшиеся в органы НКВД, приложили свою руку с целью перебить большевистские кадры и вызвать искусственное недовольство Советской

властью. Карьеристы и перестраховщики проявили свою инициативу — одни для повышения в чинах, другие — для наживы себе политического капитала.

Особое совещание при вынесении приговоров осуждало совершенно невинных людей, допуская огульные обвинения, забывая, что за каждым приговором стоит живой человек...

Я прекрасно понимаю, что при больших исторических мероприятиях возможны отдельные перегибы. Но Вы всегда учили и учите нас бороться с перегибами — имею в виду Ваши слова, что человек — это самый ценный капитал в нашей стране.

В качестве подследственной я прошла суровую проверку, стояла на ногах первый раз 36 часов, второй — 58, была избита в Лефортовской тюрьме, сидела в одиночной камере 4,5 месяца, испытала психические атаки. Всего этого было более чем достаточно, чтобы заставить человека признаться, если он виновен. Но все эти методы ни к чему не привели, так как мне признаваться было не в чем".

Это письмо — из 1941 года. Доставка его в Москву обеспечивалась не обычной почтовой связью, а живой эстафетой человеческой солидарности. И еще — исключительным мужеством. Потому что и написать, и отправить, и передать адресату такой документ значило в те времена — рисковать жизнью. А она и без того висела на волоске.

В женском лагере на станции Потьма (Мордовская АССР), куда Валентина Федоровна была сослана по решению Особого совещания, она с удивлением обнаружила немало старых знакомых. Жены, дочери, сестры и не столь близкие родственницы наркомов, партийных и комсомольских работников из Армении, Грузии, с Украины, сотрудницы аппарата ЦК ВЛКСМ.

Среди них и комсомольская активистка из Ленинграда Аня Рабинович (Розина). Она, работавшая в Потьме в сапожной мастерской, и помогла подруге. Прибегла к старому, дедовскому еще способу конспирации. Получив от Пикиной обувь (будто бы в починку), Аня умело "законопатила" в туфель, между каблуком и подошвой, сложенное в несколько раз опасное письмо. Оно было написано давно, да пришлось долго ждать оказии. Наконец

Валиной маме, Александре Васильевне, разрешили свидание с дочерью. Вот она и увезла обратно на "Большую землю" не нужные в условиях зоны выходные вещи (они были на Вале в час ареста).

Сколько ни перечитываешь письмо, оно поражает силой несломленного духа. Примечательно, Пикина обратилась к Сталину как бывший депутат Верховного Совета, а не как бывший секретарь ЦК комсомола. Именно в качестве депутата, члена комиссии законодательных предположений, ей доводилось и раньше сталкиваться с отступлением от закона. Но безбрежность беззакония, бессилие попранного права она ощутила, что называется, всей шкурой, очутившись за решеткой. И все же смирительную рубашку там на нее не надели. Валя требовала зафиксировать в протоколе, что все обвинения, предъявляемые ей по делу Косарева, ложь и провокация. Что у нее было иное представление о нашем правосудии. И здесь, в Потьме, мыкая горе вместе с молодыми и старыми женщинами, многие из которых могли бы составить гордость страны, она опять испытывала знакомое чувство нарастающего протеста. Решила: самое правильное — воспользоваться депутатским "мандатом". В конце концов отнять его может лишь тот, кто оказал ей доверие. Народ. А он его не отбирал.

Участники первого пленума ЦК ВЛКСМ, избранного X съездом комсомола. В первом ряду в центре — А. Косарев. 1936 г.

Долго ждала Валентина Федоровна реакции "наверху". Ждала в Потьме. Ждала в селе Казачинское Казачинского района Красноярского края, куда ее отправили уже на вечное поселение. Письмо было доставлено в Москву. Но к адресату не попало. И слава богу. Гуманные, честные люди, которые, к счастью, никогда не переводились на нашей земле, остановили эстафету перед самым финишем. Письмо было спрятано в надежном месте. Иначе бы не дожить В.Ф.Пикиной до дня своей реабилитации.

В 1954 году все вынесенные ей приговоры были отменены, Валентина Федоровна восстановлена в рядах КПСС и правах гражданства. Закончила курсы переподготовки партийных, советских и газетных работников ВПШ, до 1984 года трудилась в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС, являлась членом Коллегии КПК.

Чудом оставшаяся в живых, она ринулась в работу, словно подгоняемая каким-то неоплатным долгом перед своим целыми просеками вырубленным поколением. После XX съезда ездила по лагерям, опять лицом к лицу соприкасаясь с человеческой болью. Участвовала в подготовке к освобождению невинно пострадавших, возвращению в семьи незапятнанной памяти о близких.

Углубляясь в доступные ей теперь документы, присутствуя на судах над бывшими "законослужителями" из ведомства Берии, Валентина Федоровна как бы заново постигала безмерную чудовищность "дела Косарева". За ним стоял преступный замысел фабрикации "молодежного процесса".

Впервые эти два слова Валя услыхала от самого Берии. Трех секретарей ЦК ВЛКСМ — Косарева, Пикину и Серафима Богачева арестовали одновременно — в ночь с

28 на 29 ноября 1938 года. В пять утра Валю привели в кабинет Берии. Он сидел, развалясь на диване, сверлил ее суженными, прицеленными через стекла пенсне глазами. Мурашки бегали по спине от этого взгляда. Не говорил — хлестал отрывистыми фразами.

— Почему вы на пленуме не разоблачили Косарева? О вас было другое мнение. Девушка из ленинградской пролетарской семьи — и в сговоре со шпионом! Да, да, не делайте возмущенного вида. Косарев — агент иностранной разведки. Его завербовали в Польше, в зоологическом саду. Это установлено точно. И вообще комсомол отличился. Кузница шпионов. Мы выловили уже 500. Что вы себе думаете? Мы готовим молодежный процесс и заставим вас рассказать, как вы были завербованы Косаревым.

Она стояла перед ним тонкой прозрачной свечкой, горевшей тихим, упорным пламенем. Ни Берия, ни его подручные не смогли погасить это пламя. Следователи менялись, а смысл вопросов, нажима, запугиваний оставался тот же: "Думайте, вспоминайте, говорите, как вас завербовал Косарев. К молодежному процессу все равно расколетесь".

Думала. Вспоминала. Только — в другом направлении. Вот оно что: готовят молодежный процесс. Руководителей ВЛКСМ, а по сути весь комсомол, всю молодежь собираются посадить на скамью подсудимых. Непостижимо! У юношества непочатый край ударной работы.

Что предпринять? С кем посоветоваться? Где-то рядом, рукой подать, — Александр Васильевич. Но между ними застенки. И ему еще тяжелее. Он ведь — главная мишень.

...Косарева бросили в камеру смертников. В один из дней он попросил бумагу, чернила и написал заявление на имя Сталина. Утверждал, что он и арестованные по его "делу" комсомольские работники ни в чем не виновны. Подчеркивал: уничтожать кадры, воспитанные Советской властью, — безумие. Требовал, чтобы создали честную, авторитетную комиссию, которая без предвзятости проверит все материалы и сделает объективные выводы.

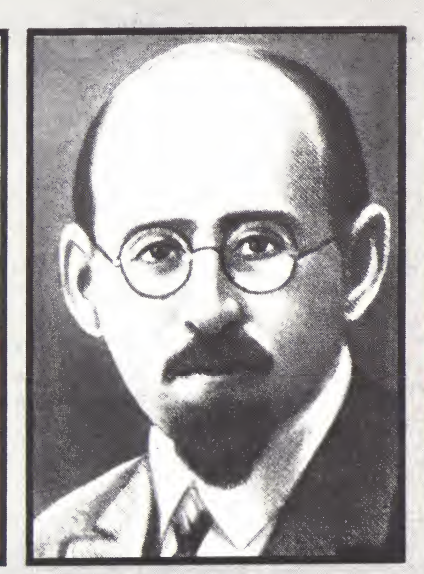
Следователь Шварцман отнес заявление Александра своему шефу. Берия площадно выругался и разорвал до-

кумент на клочки. Этот факт вскрылся в 1956 году в ходе суда над Шварцманом, где присутствовала Валентина Федоровна. Тогда же другой следователь рассказал детали последнего допроса Косарева. Измученный нескончаемыми домогательствами, сознавая, что развязка близка, он больше не мог и не хотел сдерживать возмущения: ”Гады, преступники, вы Советскую власть губите! Все равно за все ответите, сволочи!” Казалось, до самых закоулков Лефортовки докатился этот хриплый, прерывистый крик. Избитый, окровавленный, не в состоянии двигаться, Александр продолжал бунтовать в коридоре, на носилках.

Они сопротивлялись до конца. Не дали ошельмовать комсомол. Не позволили спровоцировать конфликт ”отцов и детей”. И сорвали-таки ”молодежный процесс”. Пикина — неистребимым спокойствием (чего оно стоило ей!). Косарев — бурным, неистовым протестом. Оба — правотой и неколебимостью. И стойкостью, поддержкой лучших своих товарищей. Таких, как секретарь ЦК ВЛКСМ Серафим Богачев, как секретарь Московского горкома комсомола Владимир Александров...

23 февраля 1939 года в возрасте 35 лет Александр Косарев был расстрелян.

Нам больно оттого, что Косарева и многих, многих нет с нами. Но не только с острым чувством непоправимой, ничем не оправданной потери мы вспоминаем о них. Безмерна наша благодарность и восхищение теми, кто сделал все, чтобы социализм все-таки был построен, стал явью. Они не искали рая в чужих пределах. И не приняли бы в готовом виде даже Город Солнца, к которому не приложили рук и души.

Н.Н. КРЕСТИНСКИЙ
(1883 — 1938)

"БЫЛ И ОСТАЮСЬ БОЛЬШЕВИКОМ"

Николай ПОПОВ,
доктор исторических наук

Второго марта 1938 года в Москве начался процесс по делу так называемого "антисоветского правотроцкистского блока". Но еще за много дней до него, даже не дожидаясь суда, газеты начали кампанию по разоблачению "троцкистско-бухаринских бандитов", призывая к беспощадной расправе с подсудимыми. В то время это означало одно: судьба людей, зачисленных в преступники, предрешена...

Из дневника утреннего заседания военной коллегии Верховного суда Союза ССР:

"После оглашения обвинительного заключения председательствующий тов. Ульрих опрашивает каждого в отдельности подсудимого, признает ли он себя виновным в предъявленных ему обвинениях, ВСЕ ПОДСУДИМЫЕ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ПОДСУДИМОГО КРЕСТИНСКОГО, полностью признали себя виновными..."

Кто же он, этот человек, имевший мужество, вопреки страшной, безжалостной силе, заставлявшей даже самых стойких большевиков признать свою несуществующую вину, стать единственным исключением — сказать грозному обвинению тихое, но твердое "нет"?

Из анкеты для старых большевиков и ветеранов революции:

Фамилия, имя и отчество — Крестинский Николай Николаевич.

Родился 13(25).X.1883 г. в Могилеве.

Интеллигент, служащий.

Образование высшее.

До революции — присяжный поверенный, теперь — работник НКИД.

Вступил в партию в 1903 г. в Вильно, перерывов не было.

Как большевик определился в начале 1905 г. (Виленская организация была объединенной.)

В других партиях не был.

Арестовывали за революционную деятельность в Вильно в 1904 г., 1905 г. (2 раза), 1906 г. (2 раза), в Витебске — в 1905 г., в Петербурге — в 1905 г., 1907 и в 1914... Административно выслали в 1905 г. из Петербурга, в 1906 г. из Витебска, в 1914, по Питеру на Урал.

В эмиграции не был.

Во время гражданской войны был секретарем ЦК и наркомом финансов в Москве.

Последнюю партпроверку прошел без замечаний.

После Октябрьской революции партийному и советскому суду не подвергался.

Работаю замнаркоминдел.

В чем нуждаетесь? Чем можно улучшить не только Ваше здоровье, но и Вашу способность к борьбе за наши идеалы? — Прочерк.

Место службы — НКИД — Кремль.

Дом.адрес — Кремль.

Дата заполнения анкеты — 11.07.31 г.

Он был реабилитирован почти четверть века назад, но до недавних пор совершенно несправедливо оставался в безвестности. Его сколько-нибудь полной биографии пока нет, а в энциклопедиях о нем приводятся отрывочные, чаще всего неточные сведения. А ведь он много лет был ближайшим сподвижником В.И.Ленина, входил в Политбюро и Оргбюро ЦК партии, являлся членом ЦИК всех (при его жизни) созывов.

Жизнь Николая Николаевича Крестинского — это жизнь профессионального революционера, рано вступившего на путь борьбы с самодержавием. Крестинский родился в многодетной семье учителя гимназии, украинца по национальности. В 20 лет он становится членом РСДРП. По заданию большевистской партии работает в Вильно, Витебске, Ковно, входит в ряд партийных комитетов. Учась на юридическом факультете Петербургского университета, Крестинский одновременно с конца 1906 года представляет Северо-Западный областной комитет РСДРП в ЦК партии и в Большевистском центре. А ведь ему в это время было всего двадцать три года! С весны 1907 года Николай Николаевич работает в Василеостровском районе Петербургской организации большевиков, а с начала 1908 года активно участвует в проф-

союзном движении, входит в число руководителей самого влиятельного тогда в столице профсоюза металлистов...

Из воспоминаний активной работницы профсоюза металлистов Л.Леонтьевой:

"Со мной вместе работал тогда в качестве юрисконсульта союза тов. Николай Николаевич Крестинский. Мы работали под постоянной угрозой обыска и ареста в союзе, между тем приходилось задерживаться на работе до поздней ночи и возвращаться пешком на Васильевский остров с Ивановской улицы. Часто тов. Крестинский подвозил меня на извозчике, и мы с ним обменивались впечатлениями о работе. О нем у меня сохранилось самое светлое воспоминание, меня заражала его преданность делу и упорство в работе".

О том, насколько близко смыкалось в жизни Крестинского — как, впрочем, и всякого профессионального революционера — личное с революционной борьбой, говорит такой интересный эпизод, рассказанный дочерью Николая Николаевича. В 1905 году, когда Крестинский был арестован в очередной раз и находился в вильненской тюрьме, товарищи по партии посылали к нему связную под видом "невесты". Задача этой молодой симпатичной девушки заключалась в том, чтобы передавать арестованному информацию о деятельности организации, узнавать мнение Крестинского по тому или иному вопросу. А вскоре после освобождения Николая Николаевича связная действительно стала его невестой, и они поженились.

Особая "глава" в его жизни связана с газетой "Правда", в которой он проработал с момента ее возникновения в апреле 1912 года до закрытия перед войной в июле 1914 года.

Работая в "Правде", Н.Н.Крестинский активно сотрудничает с большевистскими журналами "Вопросы страхования", "Просвещение", являясь одновременно юрисконсультом большевистской фракции IV Государственной думы. В начале мировой империалистической войны он занял твердую интернационалистскую позицию, был арестован за это 27 августа 1914 года, в одну ночь с несколькими десятками рабочих всех районов Петрограда. После освобождения в октябре того же года Крестинский ознакомился с ленинскими тезисами о вой-

не и полностью их поддержал. А 1 ноября Николая Николаевича отправили в административную ссылку на Урал...

Из распоряжения пермского губернатора екатеринбургскому полицмейстеру А.С.Нецветаеву:

"Секретно.

Милостивый государь Александр Семенович!

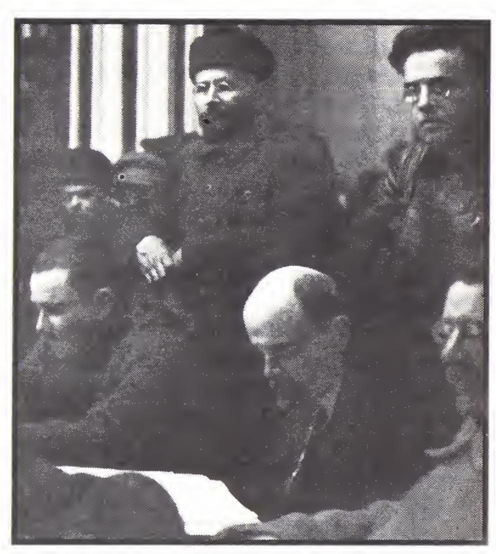
Приезд советской делегации в Брест-Литовск. Первый слева Н.Н. Крестинский. 1918 г.

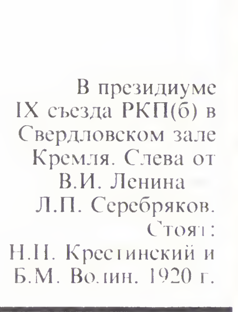
В городе Екатеринбурге состоят под гласным надзором полиции несколько лиц: Крестинский, Авсеев, Поляков, Гвоздев, Болтаева, коим воспрещено пребывание в некоторых местностях за принадлежностью к революционным организациям, партиям социал-демократов или социал-революционеров.

Лица эти, пользуясь предоставленным им правом, обычно избирают для жительства или большие города, или рабочие районы... в новом местожительстве проявляют попытки войти в сношения с рабочими или завязать связи с членами революционных организаций с целью оживить деятельность последних. Поэтому за подобными личностями необходимо иметь особо пристальное и умело организованное наблюдение...

М.Лозина-Лозинский.
9 ноября 1915 года".

Несмотря на "особо пристальное и умело организованное наблюдение" охранки, Крестинский с первых дней своей жизни на Урале развертывает активную революционную деятельность. Прикрытием для него служила в это время адвокатская практика. Бывая в промышленных центрах Урала — а Николай Николаевич за короткое время успел пожить и в Кунгуре, и в Екатерин-

В президиуме IX съезда РКП(б) в Свердловском зале Кремля. Слева от В.И. Ленина — Л.П. Серебряков. Стоят: Н.Н. Крестинский и Б.М. Волин. 1920 г.

бурге, и в Перми, — Крестинский встречается с большевистскими группами, рабочими. В сентябре 1915 года он принимает участие в совещании уральских большевиков в Екатеринбурге, которое поддержало ленинскую позицию в вопросе об отношении к империалистической войне.

Из донесения агента охранки начальнику губернского жандармского управления:

"На состоявшемся собрании социал-демократов Крестинский говорил, что Екатеринбургская организация социал-демократов не имеет достаточных денежных средств и что последней предлагается срочно заняться сбором денег на нужды организации. Когда средств будет достаточно, Крестинский примет все меры к тому, чтобы "Уральский Комитет" был в городе Екатеринбур-

ге и имел собственную типографию, а пока предложил обзавестись гектографом, на котором и отпечатать имеющуюся у него прокламацию. В заключение Крестинский на названном собрании просил всех заняться партийной работой серьезно..."

В 1916 году Крестинский сумел провести в Екатеринбурге еще одно совещание партийных работников уральского края. Сделать это мог только исключительно опытный конспиратор и смелый человек. Настал час, и сплоченные им силы вышли из подполья, став опорой революции на Урале.

Сразу после февральской революции 1917 года Николай Николаевич много сделал для восстановления и объединения партийных организаций Урала на ленинской идейной платформе. На Всероссийском мартовском совещании партийных работников Крестинский ближе многих других подошел к позиции В.И.Ленина по основным политическим проблемам. В отличие от ряда тогдашних руководителей партии, допустивших ошибки по вопросу об отношении к Временному правительству, он совершенно определенно указал на "неизбежность столкновения" с буржуазией и подчеркнул: "Временное правительство и мы — две враждебные силы". Такую же бескомпромиссную позицию занял Крестинский и по вопросу об объединении с меньшевиками.

На мартовском совещании Николай Николаевич был делегатом от Петрограда, но ЦК счел необходимым снова послать его работать на Урал — крупнейший промышленный центр страны. В середине апреля Н.Н. Крестинский вместе с членом ЦК РСДРП(б) Я.М. Свердловым подготовил и провел в Екатеринбурге Первую (Свободную) Уральскую социал-демократическую конференцию. В страстной речи на ней Николай Николаевич дал достойную отповедь "оборонцам", заявив: "Мы выступаем против буржуазного правительства и вырвем власть из его рук, чтобы передать ее в руки пролетариата и крестьянства". Конференция избрала Крестинского председателем областного комитета РСДРП(б).

На этом посту Николай Николаевич проделал огромную работу по сплочению большевистских сил на Урале, по усилению их влияния в массах. Он фактически руководил редакцией газеты областного комитета партии "Уральская правда", часто и с неизменным успехом вы-

ступал на рабочих и солдатских митингах, на заседаниях Советов. Однако основное внимание он уделял работе в областном комитете партии.

Признанием огромного авторитета Н.Н. Крестинского явилось заочное избрание его на VI съезде РСДРП(б) членом Центрального Комитета.

После съезда началась подготовка к вооруженному восстанию, и ЦК партии назначил из своего состава уполномоченных в наиболее важные промышленные районы страны. На Урал таким представителем был назначен Н.Н.Крестинский. В то же время он поддерживает постоянную связь с Центральным Комитетом, приняв участие в ряде его заседаний — 13, 20, 21 и 23 сентября 1917 года. Это серьезно помогло руководителям Уральской областной партийной организации, являвшейся накануне Октября третьей по величине в РСДРП(б), правильно определить задачи трудящихся в период перехода власти в руки Советов, который прошел на горнозаводском Урале быстро и бескровно.

Из воспоминаний ветерана партии К.Наумова о провозглашении Советской власти в Екатеринбурге 26 октября 1917 года:

"К концу дня представители фабрик, заводов, воинских частей непрерывным потоком потянулись к оперному театру, традиционному месту для больших сборов.

Собрание открыл Н.Н. Крестинский. Он торжественно объявил о провозглашении Советской власти и об избрании Вторым съездом Советов нового правительства — Совета Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Лениным".

После установления Советской власти на Урале Крестинский переводится на работу в Петроград, занимает должности члена коллегии Наркомата финансов, заместителя главного комиссара Народного банка, комиссара юстиции союза коммун Северной области. При его непосредственном участии идет национализация банков, создаются основы финансовой и юридической системы Советского государства. Подписи Крестинского стоят под документами о порядке избрания народных заседателей советского суда, о создании коллегий правозаступников (адвокатов).

В августе 1918 года Н.Н. Крестинский назначается

наркомом финансов Советской Республики, которым он являлся до 1922 года, то есть до проведения подготовленной при его участии финансовой реформы. Занимая эту должность, Николай Николаевич одновременно с ноября 1919 года становится ответственным секретарем Центрального Комитета РКП(б). Именно ему было поручено выступать с орготчетами ЦК на IX и X съездах

Советский посол в Германии Н.Н. Крестинский и нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин. Берлин, 1926 г.

партии, на VIII и IX Всероссийских партийных конференциях. Хочется отметить, что с политическими отчетами на них выступал В.И. Ленин.

Крестинский не только выступал на них с орготчетами, он готовил эти крупнейшие партийные форумы, ставшие важными вехами в жизни ленинской партии. Между тем в предисловиях к протоколам этих съездов и конференций, изданных в 1960 — 1972 годах, имя его не упоминается. Хотя других имен в них немало.

На X съезде произошел любопытный эпизод, на мой взгляд, ярко характеризующий личность Крестинского. Один из ораторов в своем выступлении назвал Николая Николаевича генеральным секретарем ЦК партии. Крестинский обратил на это внимание и в заключительном слове по орготчету заявил, что должности генерального секретаря не существует, все три секретаря ЦК (в то

время — Крестинский, Преображенский, Серебряков) имеют равные права. Как человек кристально честный и чистый, демократ до мозга костей, Николай Николаевич не мог допустить "возвеличивания" собственной персоны даже в такой, казалось бы, безобидной форме. Что касается должности генерального секретаря ЦК партии, то она была введена через год после X съезда, и занял ее Сталин.

Крестинский был не только блестящим организатором, профессиональным партийным работником, но и теоретиком, разрабатывавшим, в частности, вопросы кооперативного движения, взаимоотношений и сотрудничества Советского государства с другими странами. Так, на IX съезде РКП(б) Крестинский выступил еще и с докладом о политике партии по отношению к кооперации. Резко критикуя бюрократические методы работы тогдашних руководителей Центросоюза, он выступал против жесткого подчинения кооперативного движения государственному аппарату, призвал осуществлять партийное влияние на кооперативы не с помощью приказов и инструкций, а через работающих в кооперации коммунистов.

Легко заметить, насколько перекликаются взгляды Крестинского с нашими сегодняшними представлениями о кооперации, с той перестройкой, которая идет сегодня в кооперативном движении. Но тогда большинство делегатов съезда не поддержало Крестинского, и в основу проекта резолюции о кооперации поначалу были положены тезисы другого выступающего — В. Милютина, который ратовал за жесткое подчинение кооперативного движения государственному аппарату. И тем не менее по предложению Ленина съезд в конце концов принял по этому вопросу "резолюцию меньшинства", подготовленную Крестинским.

Н.Н. Крестинскому посчастливилось несколько лет проработать рядом с В.И. Лениным, с которым у него были теплые, дружеские отношения и который очень высоко ценил деловые, моральные качества Н.Н. Крестинского. Насколько тесно переплеталась их работа, свидетельствует Биохроника вождя. В ее девятом томе, охватывающем период с июня 1920 года по январь 1921 года, имя Крестинского упоминается чаще, чем кого-либо дру-

гого, за исключением наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина.

В.И. Ленин советовался при необходимости с Крестинским, помогал ему во многих вопросах, а иногда и поправлял, критиковал. Так, на IX съезде партии он говорил о его горячности, которая мешала в работе. В Биохронике вождя зафиксирован факт о том, что на засе-

Н.Н. Крестинский и М.М. Литвинов. 1927 г.

Н.Н. Крестинский (слева), посол Франции в СССР Альфан и М.И. Калинин в Кремле во время вручения послом верительных грамот. 1933 г.

дании Политбюро ЦК РКП(б) 25 мая 1920 года обсуждался вопрос об опоздании на заседание М.П. Томского и Н.Н. Крестинского.

Ленин хорошо знал семью Крестинского. Со своей маленькой дочкой Наташей Николай Николаевич навещал тяжело больного Ильича в Горках, когда врачи резко ограничили его контакты даже с близкими людьми. Ранее жена Крестинского — врач по профессии — дежурила у постели раненого вождя.

С 1921 года Н.Н. Крестинский находился на дипломатической работе. Был советским представителем в Германии, принимал непосредственное участие в подготовке Генуэзской конференции и Рапалльского договора 1922 года, ставших выдающимся успехом советской дипломатии в борьбе за установление равноправных отношений молодого Советского государства с капиталисти-

ческими странами. Он участвовал также в 1922 году в Гаагской международной финансово-экономической конференции, во многих других важных внешнеполитических мероприятиях Советской Республики. Известно, что, когда в руководстве партии обострились разногласия по вопросу о монополии внешней торговли, В.И. Ленин опирался в защите ее на Н.Н. Крестинского.

С 1930 года Николай Николаевич являлся заместителем наркома иностранных дел СССР. Оценивая деятельность Крестинского на дипломатическом фронте, работавший под его руководством академик И.М. Майский писал в 1963 году в "Известиях": "Имя Н.Н. Крестинского осталось в истории прежде всего как имя одного из виднейших советских дипломатов, который под руководством В.И. Ленина участвовал в закладывании первых камней великого здания советской внешней политики".

Рассказывает Наталья Николаевна Крестинская, кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР :

"Отец был интеллигентом "старой школы", что, наверное, в те годы было немаловажно во внешних контактах. Он знал французский, немецкий, латынь. Обладал уникальной памятью. Возможно, это было связано и с тем, что у него было очень плохое зрение, самостоятель-

но читать он практически не мог и должен был полагаться на свою память. Ленин знал и ценил эту особенность и нередко, затрудняясь ответить на какой-то вопрос, говорил: ''Спросите у Крестинского. Он все помнит''.

Работа составляла главный смысл жизни отца. Тогда, в 30-е годы, люди его ранга трудились и ночами: он работал дома с секретарями с восьми вечера до трех часов ночи. Но, несмотря на огромную занятость, ко мне в школу на родительские собрания всегда ходил сам. С ним я даже чаще, чем с мамой, делилась своими девичьими секретами.

Помимо работы, только одно увлечение — книги. Отец покупал все выходящие тогда новинки. А оклад в то время у замнаркоминдела был такой, что хватало лишь от зарплаты до зарплаты. Никаких сбережений семья не имела''.

Были ли у Николая Николаевича Крестинского ошибки? Были, конечно, как у всех других руководителей партии. Например, Крестинский не соглашался с ленинской позицией в период заключения Брестского мира. Ошибочную позицию занял поначалу Крестинский и во время развернувшейся в партии дискуссии о профсоюзах, хотя потом, на X съезде партии, проголосовал за ленинские резолюции. Допуская ошибки по тем или иным вопросам, вступая порой в жаркие споры со своими товарищами по партии, Крестинский в то же время во всей своей деятельности всегда придерживался ленинской линии. Любому непредвзятому исследователю должно быть ясно, что, в то время когда перед партией, страной стали никем до того не решавшиеся вопросы, ошибки, колебания были неизбежны. Именно поэтому Ленин никогда не ставил в вину своим товарищам по партии наличие у них иных, даже неверных взглядов.

Положение в партии изменилось с приходом к власти Сталина. Как ни горько об этом говорить, но в той обстановке нетерпимости к чужим мнениям, которая создалась в стране, гибель Крестинского стала неизбежной. Человек принципиальный, демократичный, он никак не ''вписывался'' в атмосферу лживых восхвалений сталинского ''гения'', не мог принять ''новый'' стиль отношений между товарищами по партии.

Не поступился своими принципами Николай Николаевич и в середине тридцатых годов, когда всевластие Сталина было абсолютным, а любые попытки пойти против его мнения стали равносильны самоубийству. О характере Крестинского говорит такой эпизод. Однажды в 1935 году он вместе с семьей пошел в театр. Был там и Бухарин, уже находившийся в опале. Вокруг него создавалась атмосфера отчуждения, многие бывшие друзья и знакомые не рисковали поддерживать с ним отношения. Отлично знал об этом, разумеется, и Крестинский. И тем не менее в театре он подошел к Бухарину и долго разговаривал с ним. Жене потом сказал:

— Надо поддержать человека в трудную минуту.

Тогда Николай Николаевич еще не знал, что трудные дни уже наступали и для него самого. Весной 1937 года он был арестован и привлечен к уголовной ответственности как участник так называемого "антисоветского правотроцкистского блока".

Сейчас можно только догадываться, какими соображениями руководствовались организаторы этого процесса при составлении списка "преступников". Возможно, Сталин не мог простить Крестинскому того, что в свое время он занимал в партии не менее высокий пост, чем "гений всех времен и народов". Возможно, он не забыл тех случаев, когда мнение Крестинского противоречило позиции Сталина. А такое было не раз. Когда в марте 1917 года дебатировался вопрос об отношении к Временному правительству, Крестинский заявил: "Разногласий в практических шагах между Сталиным и Войтинским нет". А Войтинский, между прочим, был ярым меньшевиком.

Разногласия между Крестинским и Сталиным, выливавшиеся в невосприимчивость друг друга, начались еще во время работы в подполье, продолжались в годы гражданской войны и в последующий период. Они были непримиримыми, носили принципиальный характер.

Рассказывает Н.Н.Крестинская:

"За два месяца до ареста отец подошел ко мне и сказал, что его вызывал Сталин, предложил ему должность заместителя наркома юстиции. Мотивировал тем, что прошлые "ошибки" Крестинского не позволяют ему представлять страну на международной арене. Мне

показалось, что отец остался спокоен, работал, как обычно.

Пришли за ним 20 мая 1937 года. Поздно вечером. Мы жили тогда в Кремле. Матери не было дома, она работала главным врачом детской больницы и возвращалась очень поздно. Меня разбудил какой-то военный. Сказал, что нужно встать. Вошли люди в форме — человек восемь, стали производить обыск. Мне хотелось спать, и я все думала: хоть бы скорее ушли, не отдавая себе отчета в том, что уйдут они не одни... Отец ничем волнения не выдавал. Вскоре пришла с работы мать. С порога поняла, что происходит, страшно закричала... Когда все двинулись к выходу, отец надел пальто, шляпу, так же спокойно, как делал это всегда, собираясь на работу, подошел ко мне, поцеловал и произнес: "Учись, дочка. Я ни в чем не виноват..." Через несколько дней после ареста отца мою мать, участвовавшую в революционном движении с 1903 года, исключили из партии. Из кремлевской квартиры все вещи перевезли в маленькую комнату в другом районе. А в феврале 1938 года арестовали и мать. Приговор гласил: 8 лет лагерей. В июне 1939 года пришла и моя очередь. Полгода в тюрьме, 35 допросов, ссылка в Актюбинск. Была и такая категория — "ЧСИР" — член семьи изменника Родины. Мы с матерью носили это клеймо долгие годы".

Во время постыдного суда ответы Крестинского то и дело срывали разработанный загодя "сценарий". Не находя аргументов (их просто не было), судебная коллегия вынуждена была несколько раз удаляться на совещания.

Помните, "...ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ПОДСУДИМОГО КРЕСТИНСКОГО"? Скупая фраза эта — все, что попало в печать. А вот как это было по судебному отчету:

Председательствующий В.В. Ульрих: Подсудимый Крестинский, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Крестинский: Я не признаю себя виновным. Я не троцкист. Я никогда не был участником "правотроцкистского блока", о существовании которого я не знал. Я не совершал также ни одного из тех преступлений, которые вменяются лично мне, в частности, я не признаю себя виновным в связях с германской разведкой.

Председатель: Повторяю вопрос: вы признаете себя виновным?

Крестинский: Я до ареста был членом ВКП(б) и сейчас остаюсь таковым.

Так было в первый день суда, 2 марта 1938 года. А на следующий день на вечернем заседании Крестинский заявил прямо противоположное: "Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем обвинениям, предъявленным лично мне...", вслед за чем последовала удовлетворенная реплика Вышинского: "У меня вопросов к подсудимому Крестинскому пока нет"... Но на этом не успокоился и вскоре продолжил диалог на эту тему:

Вышинский: Зачем вам нужно было вводить меня в заблуждение?

Крестинский: Я просто считал, что если я расскажу то, что я сегодня говорю, что это не соответствует действительности, то это мое заявление не дойдет до руководителей партии и правительства.

Вышинский: Если спрашивают, есть ли претензии (к следствию. – **Н.П.**), то вам надо было бы сказать, что есть.

Крестинский: Есть в том смысле, что я не добровольно говорил.

В этих словах Николая Николаевича и заключается ответ на вопросы: что же произошло за время с утреннего заседания второго марта до вечернего — следующего дня? каким путем добились обвинители такой метаморфозы, какую поистине смертную муку пришлось принять "строптивому" подсудимому? Методы "восстанавливания" подобных упрямцев теперь уже достаточно хорошо известны.

Из показаний бывшего начальника санчасти Лефортовской тюрьмы НКВД СССР Розенблюма, данные им в 1956 году:

"Крестинского с допроса доставили к нам в санчасть. Он был тяжело избит, вся спина представляла из себя сплошную рану, на ней не было ни одного живого места..."

Так было, видимо, и в ночь со второго на третье марта 1938 года. Нетрудно представить себе, как постарались палачи, выбивая из Крестинского (в буквальном смысле слова!) мучительное для него лжепризнание...

Но история запомнила другое — гордые его слова, сказанные накануне: был и остаюсь большевиком. Именно эти слова могли бы стать своего рода эпиграфом ко всей трагически оборванной светлой жизни Николая Николаевича Крестинского, до последнего своего часа оставшегося верным святому делу революции.

А.А. КУЗНЕЦОВ
(1905 — 1950)

ПОБЕДИТЕЛЬ

Александр АФАНАСЬЕВ

В январе 1945-го он был избран первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии. Это, по сути, явилось признанием его роли в обороне города, в прорыве блокады, в победе над врагом. Через четыре года А.А.Кузнецов был репрессирован по "Ленинградскому делу"...

Как раз в эти тяжкие для всей семьи Кузнецовых месяцы дядя Сима привез в Москву из Ленинграда очень модную игру "дженкинс". Семья садилась за обеденный стол, делилась на две команды. Одна команда вытягивала на столе руки. Другая должна была угадать, у кого под какой рукой монета или кусочек бумаги. Гипнотизируя по очереди взглядом игроков, капитан второй команды громко кричал: "Снять!" Руки поднимались. Бумаги (или монеты) не было. Все участники игры весело смеялись. А капитан кричал вновь: "Снять!"

И опять все повторялось.

Семья не знала, не могла знать, что в те же месяцы другие игроки и за другими столами разыгрывали иную игру — не столь невинную.

15 февраля 1949 года секретарь ЦК ВКП(б) Алексей Александрович Кузнецов пришел, как всегда, на работу и прочитал бумагу, из которой явствовало, что он от занимаемой должности освобожден.

В этот день, 15 февраля, преемник А.А. Кузнецова в Ленинграде первый секретарь обкома и горкома Петр Сергеевич Попков был вызван в Москву, на заседание Политбюро, откуда возвратился в совершенно разбитом, подавленном состоянии.

На этот же день, 15 февраля, у Кузнецовых был назначен праздник. Праздник не отменили. Был накрыт большой нарядный стол: старшая дочь Кузнецовых Алла выходила замуж за Серго, сына Микояна. Приехал Алексей Александрович. Выглядел он обычно: весел, энергичен, подтянут.

Трагедии не чувствовалось.

Трагедии не чувствовалось и на следующий день, когда гости уехали и жена Алексея Александровича, Зинаида

Дмитриевна, собрала детей и тихо сказала: ''Ребятки, папу сняли. Все, конечно, разъяснится...''

Трагедии детям не дали почувствовать и все последующие шесть месяцев.

Алексей Александрович стал много читать. Представлял ли он, что уже происходило там, в Ленинграде? По его глазам было заметно: он что-то взвешивал, сопоставлял, продумывал. И оставался уверенным, собранным. Или просто своим видом показывал тем, кто его в эти дни наблюдал: Кузнецов уверен, не боится и, стало быть, никакой вины за собой перед народом и партией не чувствует.

21 февраля (назавтра после дня рождения Алексея Александровича) второй фактически человек в партии Георгий Максимилианович Маленков был в Ленинграде. 22-го Маленков выступил на объединенном пленуме обкома и горкома с сообщением об антипартийных действиях члена ЦК тов. Кузнецова А.А. и кандидатов в члены ЦК тт. Родионова М.И. (Председатель Совмина РСФСР) и Попкова П.С.

25 февраля прямо из президиума партконференции бывший ленинградец первый секретарь Ярославского обкома Иосиф Михайлович Турко был отозван в распоряжение ЦК... Маленков вышел из-за стола, встретил Турко, заложив руки за спину: ''Не хитрите с Центральным Комитетом партии. Скажите, группа у вас была?..''

В марте сняли еще одного ленинградца, академика Николая Алексеевича Вознесенского. Его вывели из состава Политбюро, освободили от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР и председателя Госплана СССР.

Шесть месяцев, с 15 февраля до 13 августа, — как шесть часов. Шесть часов рассказа дочери Кузнецова, Галины Алексеевны.

Через некоторое время Алексея Александровича вызвали в ЦК. Это было в марте... Нет, наверное, попозже. 8 марта в их девчачью школу (тогда обучали раздельно) разрешили пригласить ребят. Галя собралась на вечер. Мама осторожно спросила: ''Может, не надо?'' Галя удивилась: ''Почему?''

Трагедию семье давали почувствовать постепенно. Папу направили в Перхушково. Папа пришел радост-

ный, принялся собирать вещи: "Сбылась моя мечта. Я буду учиться!.."

Семья приезжала к нему на такси. Запомнилось: поместили папу на втором этаже в узкой, как камера, комнате с железной кроватью. Запомнилось: там в это время обучались почему-то в основном пожилые генералы. Они очень хвалили Алексея Александровича за проведение сложнейшей игры.

Только потом, говорит Галина Алексеевна, выяснилось: почти все обучавшиеся были арестованы.

21 июля руководитель МГБ Абакумов (правая рука Берии) сообщил Сталину, что снятый еще в феврале с должности второго секретаря Ленинградского горкома Яков Федорович Капустин — не кто иной, как английский шпион. Основание? Еще в 30-х годах Капустин, будучи старшим мастером на Кировском заводе, ездил в Англию, изучал производство паровых турбин.

10 августа Галя приехала в Перхушково на такси за отцом. Обучение в Перхушкове завершилось. Папа, не скрывая радости, говорил: "Ребятки, я оправдал ваши надежды! Я не получил ни одной "четверки"!" Показывал с удовольствием выданную ему амуницию. Значит, не игра? Следовательно, все всерьез? Выходит, все должно действительно разъясниться?

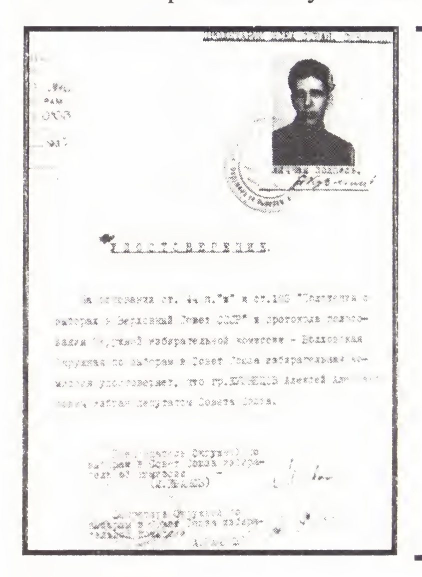
Адам Осипович Карщеник, член ВКП(б) с 1904 года, давший Алексею Кузнецову рекомендацию в партию, выделял в его характере постоянное стремление к ясности. Лишь спустя годы сквозь призму трагической судьбы видишь: из этого качества прорастет, как из зерна, его сила, а значит, и его гибель...

К середине августа, вероятно, завершилось обучение не только в Перхушкове. 13-го, взяв младших детей, Алексей Александрович пошел гулять по Москве. Выглядело это так, как описывал позднее дядя Сима: впереди идет, смеется Кузнецов с детьми. В нескольких шагах, ненавязчиво — кто-то из двоих охранников.

Домой вернулись к обеду. Алексей Александрович пошел мыть руки. А Зинаида Дмитриевна негромко сказала: "Ленюшка, тебе звонил..." (и она назвала фамилию человека, работавшего в ту пору в КПК). Алексей Александрович вышел из ванной заметно бледным. Быстро собрался. В прихожей поцеловал жену и детей. Закрылась дверь.

Улыбаясь, помахал рукой с улицы. Вот и все, кажется?

Ожидали его возвращения, накрывали на стол. Мама повторяла, как заклинание: ”Ничего-ничего, ребятки. Все разъяснится”. К вечеру под окнами остановилась странная машина. Было светло. И потому увидели: из машины вышли энергичные мужчины в черных костюмах и черных шляпах.

А.А. Кузнецов (первый слева в первом ряду) и А.А. Жданов среди моряков-балтийцев на Ленинградской партконференции. 1940 г.

Галя увидела: одна из женщин, обслуживающих их семью, — кажется, официантка — торопится прикрыть распахнувшуюся запасную дверь. Запомнилось: за дверью стоит солдат с винтовкой.

И вот уже позвонили **им.** И вот уже распахнули **их** дверь. Первый (значит, самый важный?) с порога вопрос:

— Где письмо?!..

Мы сидим с Галиной Алексеевной за большим обеденным столом, покрытым белой скатертью. Хочется почему-то невольно заглянуть, не отодвигая штору, в окно: а не стоит ли, ушла ли машина?.. Нет, это, конечно, другая квартира и другой стол. Смотрим фотографии. ”Вот папа еще в Боровичах. Он четырнадцати лет поступил на лесопильный, где и его отец работал... Вот он секретарь укома комсомола... А это они с мамой, молодо-

жены, и у них родилась Алла... А потом, в Луге, секретарем окружкома комсомола...”

Блестящая, стремительная карьера. Вся она — в паре фотоальбомов. В двух военных тетрадях маминого брата — дяди Симы (в блокаду Серафим Дмитриевич Воинов у члена военного совета Ленфронта Кузнецова был военным порученцем — имелась в те годы такая долж-

ность).

Рядом толстая пачка описей и актов, оставленных семье после арестов и обысков — папиного и маминого. И еще несколько писем. Вот и весь архив. Письма папины? Нет, папа без права переписки. Мамины: из Владимира, из бывшей царской каторжной тюрьмы. После папы остались только описи. При обыске все его бумаги рвали. Разорвали даже коробку из-под папирос ”Герцеговина Флор”. Коробку Алексей Александрович хранил с 1940 года. Ее подписал и подарил Кузнецову сам. А то письмо? Письмо Сталина!

Того письма здесь нет...

Листаю тетради Серафима Дмитриевича Воинова. Слушаю Галину Алексеевну. И одолеваю первый пласт ”Ленинградского дела”. Первый пласт сшит белыми нитками. Но сшит мастеровито.

Воинов, проходивший по тому же "делу", описывал, по каким правилам разыгрывалась обычно игра: "Подозреваемый должен был почувствовать себя в пустоте. Для него изменялась атмосфера в учреждении, на заводе. Попавший в список ощущал, что чья-то рука организует для него служебные неприятности... Но догадаться о действительных причинах не мог. Он становился нервным, терял деловые качества и уже сам прибавлял просчеты... Я проходил по списку тех, кого следовало чернить любыми способами. Я шел вместе с теми, кто перед трибуналом должен был предстать ошельмованным, с клеймом антиобщественного человека или пьяницы, морально неустойчивого, нравственно опустившегося. В это число включались и те, кто, *попадаясь в подготовленные капканы* служебных нарушений, оказывался не только оклеветанным, ошельмованным, *но и ответственным перед законом и людьми*" (выделено мной. — **А.А.**).

А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, Я.Ф. Капустин на трибуне во время первомайского праздника. 1941 г.

Значит, не просто брали и хватали. "Дела" готовились тщательно, долго, иногда годами. Кузнецова "готовили" по меньшей мере полгода. Воинов — тот даже считал, что "Ленинградское дело" вообще уходит корнями... в 41-й, в блокаду. Формальное же его начало: январь 1949 года.

В декабре 48-го в Ленинграде провели областную и городскую партконференции. Там было объявлено: секретари обкома и горкома переизбраны единогласно. Вскоре в Москву ушло анонимное письмо: члены счетной комиссии видели, что "фамилии Попкова, Капустина и Бадаева во многих бюллетенях вычеркнуты". И это действительно имело место: больше всех, 15 голосов "против", получил будущий "английский шпион" Капустин. Что заставило пойти на подлог? Самостоятельное желание не испортить радужной отчетности? Или тот самый капкан сработал? Достаточно ведь кому надо просто намекнуть: к чему ронять репутацию колыбели революции!

А чуть позже вытащить свежеиспеченный факт на всеобщее обозрение...

Нет, не будем утверждать, что это было так. Кто автор подлога и каковы его мотивы — теперь сложно выяснить. Во всяком случае, история с голосованием послужила основательным поводом. Хорошо отлаженная машина сделала первый оборот. Второй: в январе 1949-го в

Ленинграде провели всероссийскую оптовую ярмарку. В ней участвовали и союзные республики. Значит, уже получается всесоюзная? А санкционировано ли это центральными органами? Нет. Следовательно, тут можно усмотреть факт разбазаривания, а также еще более серьезный факт: групповщины, противопоставления себя Центральному Комитету. Третий оборот: П.С. Попков, неопытный партийный работник, оказавшись на ответственных постах, подвергался, вероятно, обработке так же, как и Кузнецов. Но с другим результатом.

Читаю в записках Воинова: ”Незадолго до января 1949 года... увиделся с Попковым. Это произошло в Смольном, в столь хорошо знакомом мне кабинете Кузнецова. Попков поразил меня своим видом. За столом Кирова и Кузнецова сидел больной человек. Особенно поразили меня его бегающие глаза и какая-то жалкая,

взывающая к снисхождению улыбка потерянного человека". Что и кому Петр Сергеевич говорил в том состоянии — помнил ли он сам? Во всяком случае, из его выступлений и бесед выудили третий факт: будто бы Кузнецов и Попков "вынашивали идею создания компартии России".

На этих трех фактах первый кон был отыгран. Теперь следовал кон второй. Следствие. Подключился игрок — ни больше ни меньше в ранге министра государственной безопасности. Как велось следствие? А как оно могло вестись, ежели ни одна сила в мире не могла его объективно проверить? Чем способно было завершиться, если поверх писаных законов действовали железные правила: царица улик — признание самого обвиняемого; главное — внутренняя убежденность следователя; враг народа не стоит того, чтобы с ним обращаться как с товарищем по партии...

Только еще подозреваемому Турко следователь, то ли шаманя, то ли гипнотизируя, кричал: "Если ты не признаёшься, то тем самым ведешь борьбу с Центральным Комитетом партии..." Вдумаемся: подозреваемых и не могло быть. Были заранее автоматически виноватыми в принципе все: ты есть враг хотя бы потому, что не признаёшься в этом!

Итог: приговорены к высшей мере А.А. Кузнецов, Н.А. Вознесенский, М.И. Родионов, П.С.Попков, Я.Ф.Капустин. Чуть позже в Ленинграде — второй секретарь обкома Г.Ф. Бадаев, председатель облисполкома И.С. Харитонов, уполномоченный МГБ по Ленинградской области П.Н. Кубаткин, секретарь горкома П.И. Левин... По всей стране бывшие ленинградцы: председатель Госплана РСФСР М.В. Басов, второй секретарь Мурманского обкома А.Д. Вербицкий, первый секретарь Крымского обкома Н.В. Соловьев...

За три года снято с работы свыше двух тысяч руководителей.

Машина, запущенная на полный ход, подминала оставшиеся священные аксиомы, признанные юристами всего мира. Вслед за презумпцией невиновности под жернов отправилась первейшая заповедь законника: "Закон обратной силы не имеет". А дело в том, что Кузнецов и другие казненные были арестованы в момент, когда в стране отменяли смертную казнь, а в соответствии с на-

званной цивилизованной нормой их должны были судить по закону, действовавшему в момент их "преступления". Но... восстановили смертную казнь. И казнили.

Владимир Николаевич Базовский, ныне начальник Главного управления государственного таможенного контроля при Совете Министров СССР, а тогда секретарь одного из райкомов комсомола в Ленинграде, мне рассказывал, как снимали за "неправильное воспитание" молодежи комсомольских секретарей, чуть ранее награжденных орденами за плодотворную работу по коммунистическому воспитанию молодежи...

От Владимира Николаевича я впервые и узнал, что Кузнецова, избрав секретарем ЦК партии, оказывается, "поставили на кадры". А до Кузнецова кадрами (в том числе и по ведомству Берии) занимался самолично Георгий Максимилианович Маленков, избранный теперь членом Политбюро. Другими словами, Кузнецовым Маленкова "с кадров" как бы вытеснили...

Кузнецов это знал. Видел. Просто не мог не знать и не видеть. И вместо того чтобы максимально позаботиться о безопасности, он, по воспоминанию Турко, став секретарем ЦК и занявшись кадрами, критиковал... Маленкова. Причем не в закрытом помещении (и этого было бы достаточно). А открыто, как бы мы сейчас сказали, гласно. И мало того, по воспоминанию уже Базовского, начал всерьез интересоваться ведомством Абакумова.

Что же происходило с ним, в самом деле? Неужели он был просто наивен?

После ареста Алексея Александровича Кузнецова прошло некоторое время. И вот уже осенью 1949-го в МГБ какой-то материал на него был готов. С одной стороны, почувствовалась необходимость объяснить хоть как-то создавшуюся абсурдную ситуацию. С другой, вероятно, появилась возможность "проверить" не только Кузнецовых, но и семью Микоянов. И вот осенью, рассказывает Серго Анастасович, отец усадил его напротив за столом. Вполне отдавая себе отчет, что разговор может подслушиваться, с совершенно каменным лицом отец стал зачитывать показания, будто бы данные Кузнецовым следователю...

В "признаниях" речь шла не о терактах, не о "принадлежности" к иностранной разведке — как зачастую было

в делах 37-го года. Самое, пожалуй, тяжелое по тем временам "признание": "Мы не любили Сталина..." И тогда Серго спросил отца: не допускает ли он, что все придумано следователем? Отец ему ровным голосом объяснил: нет, под каждой страницей стоит подпись. И, кроме того, встречаются такие выражения, которые вряд ли следователи употребляют. Отец говорил убедительно. Но по лицу можно было догадаться, что сам он вряд ли верит. Ну хорошо, сказал сын, однако ведь здесь в худшем случае одни мысли, высказанные вслух. Где же факты?! Алексея Александровича наверняка оправдают! В ответ на что отец, естественно, ничего не сказал. Только удивленно приподнял брови. И сын понял: приговор в принципе вынесен. А отец добавил: бывать в семье Кузнецовых я тебе не могу запретить. (Еще бы! — подумал сын. — Так бы я тебя и послушал!) Но в разговорах с Зинаидой Дмитриевной надо быть осторожным... Серго расценил это сначала лишь как совет не травмировать ее лишний раз разговорами о муже. И только когда Зинаиду Дмитриевну арестовали, он предположил: может, уже тогда отец знал об этом?

Я слушаю Серго Анастасовича. И простодушно спрашиваю:

— Почему он в квартире заговорил? Почему не подобрал более подходящую обстановку? В саду, например, там бы и рассказал все подробно!

— А вы представьте его ситуацию, — грустно улыбается Серго Анастасович. — Я студент, мне девятнадцать лет. Я человек молодой, неопытный. Скажи отец мне откровенно все, что думал, я — еще кому-то, в горячке, в споре. Следовательно, он бы тем самым подвергал всех нас смертельной опасности!..

Видимо, разумнее было говорить как раз там, где подслушивали?..

Этот эпизод хорошо иллюстрирует атмосферу, время и то положение, в котором находились люди, даже занимавшие высокие посты в государстве. Непростая ситуация, и оценки ее сегодня могут быть очень и очень неоднозначными. Однако постараемся быть объективными. Нам трудно представить, какова была цена самых простых душевных человеческих движений. Накануне свадьбы Серго и Аллы, как мне рассказывали, с Микоя-

ном говорил Каганович: ты что делаешь, там все решилось!

Но свадьбу не отменили.

Когда начались аресты и расстрелы, в спецдетдомах оказались сыновья многих репрессированных. Сына Кузнецова прятали на даче у Микояна. Когда арестовали Зинаиду Дмитриевну, детей не тронули — говорят, благодаря тому, что Микоян просил Сталина...

Я думаю обо всем этом. И тем невероятнее представляются мне поступки самого Алексея Александровича. Откуда это у него? Чем объясняется? Ведь он был сыном своего времени, типичным "продуктом" сталинской эпохи... Чтобы понять, надо присмотреться повнимательнее к его внутренней, душевной биографии.

22 июня 1941 года. Жданов в отпуске, отдыхает на юге. Вся тяжесть ответственности за судьбу Ленинграда ложится на 36-летнего второго секретаря горкома. Далее. Строительство оборонных укреплений и быт горожан. Формирование народного ополчения и подбор военных кадров. Создание партизанских отрядов и руководство политуправлениями фронта и флота — всем этим каждый день занимался Кузнецов.

А Сталин совершает беспрецедентный поступок. В присутствии приближенных лиц пишет собственноручно письмо. И кому? Второму секретарю горкома! Суть письма: Ворошилов и Жданов устали, издергались... Им нужно дать выспаться, отдохнуть... Во всем, что касается организации обороны, мобилизации всех сил, я могу полагаться только на тебя...

Обращался на "ты", что делал, кстати, чрезвычайно редко.

Это было признание истинной роли Кузнецова в той ситуации. Письмо доставил в Ленинград генерал НКВД. Естественно, о письме знали многие. По тем временам такое письмо давало колоссальную власть. Это была своего рода верительная и охранная грамота. Имелся, кажется, и еще один дальний смысл. Такое письмо могло вбить клин между Кузнецовым и Ждановым. Тем более поводов для того находилось достаточно. Мучительной блокадной зимой у Жданова началась болезнь. Кузнецов поставил перед его домом охрану: в тот момент ни один ленинградец не должен был заметить у руководителей проявления слабости. Кузнецов вел бюро горкома и об-

кома — от имени Жданова. Звонил и разговаривал со Сталиным — от имени Жданова. Сталин, видимо, понимал значение этой ситуации. Понимал, вероятно, и Жданов.

Надо думать, не проходило все это и мимо ведомства Берии. Его глаза и уши не могли пропустить: со стен исчезали портреты вождя. Ленинградцы стали реже упо-

треблять его имя и устно, и письменно. Воинов подмечает: "Время голодной блокады было временем перелома в общественном сознании".

По существу, сами уникальные условия города, оказавшегося на грани смерти, ускорили процесс нравственного очищения и переосмысления ценностей. Культ, казавшийся незыблемым и неизбежным, угасал постепенно сам собой. Город явственно выдвигал из глубин иной идеал и противопоставлял его официальному. Поэт по тем временам просто кричаще подчеркивал самим названием поэмы: "Киров с нами"!!! В железных ночах у поэта Тихонова шел с ленинградцами не Сталин, но Киров.

Мог ли этого не видеть Кузнецов? А если видел, то что предпринимал? Попробуем представить себе тогдашнее его состояние... По идее, в его ситуации следовало

ежели не поддерживать, то хотя бы делать видимость неизменности положения вещей.

Однако не забудем: постоянное стремление к ясности. Не забудем и другое: уникальные блокадные обстоятельства, перестраивая общественное сознание, позволяли проявиться и окрепнуть независимому, побеждающему, сильному характеру. Он и был нужен, такой характер в

А.А. Кузнецов (первый слева), Н.М. Шверник, А.Н. Косыгин, А.А. Андреев и Н.А. Вознесенский на авиационном параде в Центральном аэроклубе им. Чкалова. 1946 г.

С дочерьми Галей и Аллой

тех обстоятельствах. Нужна была личность, умеющая принимать решения, независимо от авторитетов, расклада мнений и расстановки сил в верхах. (Собственно, лишь это и обеспечивало сохранение авторитетов и самих верхов!)

Если мы этого не забудем, то уже станет понятнее, почему Кузнецов, имевший прямой провод со Сталиным, как все, очень редко упоминает его имя. И почему Кузнецов цитировал Кирова. И почему в семье Кузнецовых всегда хранились фотографии Сергея Мироновича (отношение Сталина к нему для многих и тогда не было большим секретом).

И все-таки: почему?

Во многих публикациях о людях, так или иначе пострадавших во времена культа, по какой-то необъясненной пока причине настойчиво подчеркивается одна

мысль: они были невинными жертвами произвола. В этом есть правда. Но задумаемся: доказываем с таким завидным упорством, как будто степень невинности их несколько уменьшилась после XX съезда партии.

Чего мы хотим: доказать доказанное? Совместить несовместимое?

Наверное, нет. Конечно, нет!

Ну а коли так, то не время ли прояснить, перед кем они были невинны? Перед партией и народом? Да! А перед преступниками, авантюристами и карьеристами, творившими произвол? Перед ежовыми, бериями, абакумовыми? И разве отсутствием вины исчерпываются трагизм и правда того времени?

Ведь наверняка были и те, кто не принял культ на веру. Кто не смирился с ним. Кто, наконец, сопротивлялся.

Смею думать и утверждать: Алексей Александрович Кузнецов **не был невинной жертвой.**

Стало быть, что же — правы авторы "Ленинградского дела"? Нет, ситуация сложнее и тоньше. Он не был врагом народа. Но он не был, судя по всему, и наивным человеком, призванным послушно сыграть эту роль.

"Вот что необходимо учесть, — пишет очевидец и участник событий С.Д. Воинов, — для понимания причин "Ленинградского дела". Ведь его главными пунктами были: "противопоставление" Кузнецовым себя ЦК (читай: Сталину); требование большей самостоятельности в хозяйственных делах для каждой области, края; признание больших заслуг Российской Федерации; устройство выставки достижений, первых достижений восстановленного Ленинграда; а главное то, что вновь назначенный секретарь ЦК проявил самостоятельность и по-серьезному отнесся к задаче проверки бериевского министерства...

Так что же такое "Ленинградское дело", каковы еще более глубокие причины возникновения этого и подобных "дел"? Если меня спрашивают об этом, я отвечаю: нужно было скрыть от народа истинных виновников нашего военного поражения 1941 года, когда немцы, как нож в масло, врезались в территорию нашей страны? Нужно было скрыть виновников перегибов в сельском хозяйстве, приведших к тому, что крестьяне разбегались из колхозов от нужды, от того, что продукт их труда ценился ниже его действительной стоимости? Нужно было,

наконец, скрыть истинных виновников беззаконий и произвола, жертвами которого становились тысячи и тысячи людей? Вот поэтому и фабриковались такие "дела", как "Ленинградское дело", "дело врачей", и еще многие другие, не получившие своих названий, которые можно назвать как "краевые", "областные", иногда даже и "районные"...

Думается, имелась и еще одна причина. Появилась не только настоятельная необходимость переключить общественное внимание, сбросить "пар", переложить в очередной раз ответственность на плечи невинных. Появилась жгучая потребность "поставить на место" целое фронтовое поколение, вышедшее из войны победившим и прозревшим. Поколение, ценою огромных жертв обретшее нравственную силу. Поколение, предопределившее, по сути, феномен XX съезда.

Впрочем, все по порядку...

В марте 1946 года, избрав секретарем ЦК ВКП(б), нарушив традицию, Кузнецова не оставляют первым секретарем горкома и обкома, как было в случаях с Кировым, Ждановым. Одно это должно было Кузнецова насторожить (и он, как свидетельствуют очевидцы, без радости принял такое решение). А имелся и другой нюанс, который мы уже называли: Кузнецова без опыта работы в аппарате ЦК сразу же поставили курировать кадры МГБ и МВД.

Это был второй факт, поразивший, как говорят, Анастаса Ивановича Микояна (первый — письмо Сталина, написанное "блокадному" Кузнецову). Третий факт из того же поразительного ряда: однажды, отдыхая на озере Рица, Сталин неожиданно для своего окружения поделился с ними своими мыслями. Я стал стар, будто бы сказал он в приливе откровенности. И думаю о преемниках. Наиболее подходящий преемник на посту Председателя Совета Министров — Николай Алексеевич Вознесенский. А на посту Генерального секретаря — Алексей Александрович Кузнецов... Как, не возражаете, товарищи?

Никто, как говорят, не возразил. Но, надо думать, всяк, узнавший о сенсационном замысле, немедленно догадался и о его втором плане: неспроста такую идею этот опытный человек решил обсудить гласно. По сути, если поразмыслить, назывались и объединялись имена

действительно наиболее достойных и подходящих. И именно потому наиболее опасных конкурентов тем, для кого это было вслух сказано. Результат, исход был уже предсказуем. Однако не эта ли предсказуемость и укрепила дополнительно Алексея Александровича?

Получив столько подспудных предостережений, Кузнецов не стал осторожнее. Не изменил прежних привычек, даже не попробовал переломить независимый характер. Сверх того: фактически протестовал против общепринятой тогда культовой нормы. (В одном из своих послевоенных выступлений сослался на Сталина всего лишь раз — что по тем временам неслыханно. И как? Процитировал его там, где Сталин перед войной критиковал НКВД за произвол и репрессии...) По-прежнему ссылался на Кирова. После войны навещал тяжелобольную вдову Сергея Мироновича (это были нелегкие свидания с женщиной, потерявшей в результате смерти мужа разум). Словно демонстративно встречался с инструкторами, разрабатывал их командировки. Однажды, проводя Секретариат, с ходу разжаловал генерала, уличенного в обворовывании лагерей.

Он прослыл белой вороной. Невооруженным глазом, уже не на расстоянии всем кому надо стало видно: в Москве появился настоящий кировец. Причем какой! Руководитель блокадного города, фронтовик, победитель, который продолжал укреплять свою репутацию.

Да что там репутация! Провел, как куратор, совещание работников госбезопасности, где их (!) критиковал и ставил перед ними (!) новые задачи. Впечатление очевидца: совещание это было как гром среди ясного неба.

И, наконец, последняя капля. В ту пору было принято работать и по ночам, и по воскресеньям. Так вот Алексей Александрович приказал Абакумову привозить ему судебные дела по воскресеньям на дачу. И Абакумов возил. Возил дела пачками.

Что за дела были? По "врагам народа". В частности, 37-го года. Говорят, Кузнецов ставил перед собой цель: разобраться и с запутанной историей убийства Кирова. По свидетельству современников, пытался вытащить из лагерей, хотя бы на поселение, репрессированных перед войной...

Подчеркивал независимость? Стремился выяснить

все, хотя бы для себя, до конца? Или уже начал бороться?..

Он целует на пороге жену и детей (тут нет знака судьбы, так они всегда делали). И, прежде чем выйти, говорит: "Сходите за мороженым. Накрывайте на стол. Я вернусь к обеду".

Он не вернулся к обеду. Он вообще не вернулся... "Согласно ордера арестован Кузнецов А.А., 1905 г.р..." Когда семье дали подписать опись, Галя увидела в первый раз слово "арестован" и поседела. А мама подписала демонстративно, не глядя: "При обыске от арестованного и других присутствующих лиц (указать, от кого именно) жалоб не заявлено". Жаловаться некому и не на кого. Форма правильная.

Когда их судили, Кузнецов, уходя, мог чувствовать себя **победителем**. В последнем слове, как свидетельствует очевидец, Алексей Александрович сказал: "Я был большевиком и останусь им, какой бы приговор мне ни вынесли, история нас оправдает..."

А потом... Потом, ровным голосом говорит Галина Алексеевна, увозили маму. Обыск был еще более унизительным: ворошили даже детские вещи. Семья осталась с парализованной бабушкой. Как они жили и выжили, это отдельный рассказ. Искали. Писали. Ходили. По указанному в описи адресу ("за всеми справками обращаться... Кузнецкий мост, 24, вход со двора"). Наконец мама прислала письмо, другое, третье... Ни слова, как и что с ней.

Умер Сталин. Арестовали Берию.

Анастас Иванович Микоян дважды спросил Аллу: не вернулась ли мама? Вернулась она ночью, 10 февраля 54-го. Вес 48 килограммов. Белая. Шатается. Галя позвонила Микоянам. Прибежала Алла. И только в подъезде Гале призналась: "Маме не говори. Но папа у нас погиб..." Когда? Где? Галя хотела искать, Анастас Иванович не посоветовал: "Если не хочешь потерять здоровье, не делай этого. Ты его не найдешь".

Мама заговорила только после XX съезда. Рассказала... Как сидела сначала в одиночке. В кандалах.

И как потом сидела в одной камере с Галиной Серебряковой и Лидией Руслановой.

Потом вызвали двоих, двух жен — Вознесенскую и

Кузнецову. Они шли и не знали, что уже не жены, а вдовы... Им сказали про освобождение. Правда, они это вначале как дежурное издевательство приняли. Но стали собираться...

Хотя, конечно, там люди были разные. Один следователь орал на нее на допросе, делал все, как полагалось. А потом включал радио на полную громкость и говорил: "Зинаида Дмитриевна! Не верю я в то, о чем вас спрашиваю!" А еще был надзиратель, много лет спустя бросился он радостно к ней из троллейбуса. Хотела остановиться. Заговорить. Но не смогла. Прошла. Только поздоровалась.

О муже всегда повторяла, как заклинание: "Я Ленюшку не хоронила. Нет". Или еще: "Мне все время кажется, что ему дали просто какое-то большое задание... Вот зазвонит когда-нибудь звонок. И он придет..."

Когда умер Сталин, Галя плакала навзрыд. А ей говорят: чего ты ревешь? Теперь, глядишь, все разъяснится! И действительно, Анастас Иванович собрал их на даче и сказал: ваш отец никакой не враг народа. Это вы знайте!

Вот так все и разъяснилось.

Пройдет время — и Кузнецова официально реабилитируют. И установят мемориальную доску в Москве, на доме по улице Грановского, где Алексей Александрович жил последние годы.

Галина Алексеевна держит в руках описи. На них четкими цифрами номер ордера на арест отца. А мне кажется, она думает сейчас и о тех, кто был до этого номера — 1075 и после него...

А еще я вспоминаю последнюю фразу из знаменитого письма. Знал ли многоходовый ум, какую пронзительно-правдивую мысль он тогда выговаривал? Ведала ли начинавшая очередную игру беспощадная рука, какие пророческие горькие слова она выводила? Эти слова, равно как и цифра 1075, врезаны, вколоты, врублены в семейную память навеки.

"Алексей, Родина тебя не забудет!" — написано было в письме рукою Сталина. И этот след из памяти, и это свидетельство из истории не изъять. Оно не подлежит изъятию.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА
Сборник публицистических статей в 2-х книгах

Книга I

Заведующий редакцией К.Г. Ликутов
Заместитель заведующего редакцией В.В. Григорьев
Редактор И.С. Гайдамович
Младший редактор М.В. Писарева
Художественный редактор В.В. Анохин
Фоторедактор Т.П. Макарова
Корректор Т.П. Буча
Технический редактор А.С. Денисова
Технолог В.Ф. Егорова

ИБ 10209

Сдано в набор 30.06.88. Подписано в печать 7.12.88. Т09305
Формат издания 84x108/32. Бумага офсетная 70 г/м^2.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 17,4. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 1 – 100 000 экз.)
Заказ № 524. Изд. № 8148. Цена 2р. 40к.

Издательство Агентства печати Новости
108082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

КУЗНЕЦОВ А.А., МОСКВИН И.М., МУРАЛОВ Н.И.,
ОБОЛЕНСКИЙ В.В., ПЯТНИЦКИЙ О.А.,
РАКОВСКИЙ Х.Г., РАСКОЛЬНИКОВ Ф.Ф.,
РУДЗУТАК Я.Э., РЫКОВ А.И., РЮТИН М.Н.,
СЕРЕБРЯКОВ Л.П., СОКОЛЬНИКОВ Г.Я.,
ТОМСКИЙ М.П., ЧАЯНОВ А.В., ШАЦКИН Л.А.

2р. 40к.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА
КНИГА
I